

Безмолвный пациент
Клинической Больницы.

18+

Наталья.

Жизнь Элисон Бэроонс казалось идеальной. Прославившееся известная художница вышла замуж за востребованного модного фотографа. Элисон живёт в одном из самых привлекательных и дорогих районов Франции, в роскошном особняке с большими панорамными окнами, выходящие в сад. Однажды поздней ночью когда муж Элисон возвращается домой с очередной съемки, Элисон шесть раз стреляет ему в лоб. И с тех пор женщина не произносит ни слова.

Отказ Элисон говорить или давать какие-либо объяснения будоражит общественное воображение. Тайна в совершенном убийстве делает художницу ещё более знаменитой. И в то же время как она сама находится на принудительном врачебном лечении, цена её последней работы — автопортрета с единственной надписью по-английски «Жизнь» — стремительно быстро растёт.

Хиос Фаерберги — криминальный психотерапевт. Он долго ждал возможности поработать с Элисон, заставить её снова заговорить.

Глава 1

Элисон Роузли было тридцать четыре года, когда в тот пасмурный день она убила своего мужа.

Элисон Роузли провела в браке восемь лет. Они оба связывали свою жизнь посвящая друг друга в искусство — Элисон сама писала картины, а Френд был профессиональным фотографом в сфере модельного агентства. В своём неподражаемом стиле он запечатлевал обнажённых девушек с худощавым телосложением в самых странных и невыгодных ракурсах. После смерти Гренада цена на его работы подскочила до неопишуемых сумм.

Честно говоря, я назвал бы эти снимки бессмысленными я не видел в них никакого иного смысла, что могло бы порадовать мой глаз — алмаз. Конечно никакого сравнения с прекрасными лучшими работами Элисон — в них чувствовалась совершенно другая атмосфера. Я, конечно, не эксперт в современной живописи, чтобы произнести слово выдержат ли её испытания временем. Жуткий хладнокровный поступок Элисон всегда будет настойчиво бросать мрачную тень на её дар умение создавать прекрасную живопись поэтому в данном случае это будет трудно объяснить простыми словами. Кроме того, вы можете обвинить меня в совершенном преступлении. Это моё личное мнение, и только я имею право на то, чтобы высказать его. Я считаю Элисон просто способной художницей. Помимо безупречного творения к её искусству её картины обладают совершенно сказочной способностью сразу захватывать всё внимание зрителей — прямо-таки брать сразу за живое! Всё происходит словно как в американском кино.

Гренада Бэрронса убили пять лет назад. Ему было сорок три года. Это произошло двадцать седьмого июля в жаркий солнечный день. То лето выдалось удивительно жарким — возможно, вы помните, столбик термометра порой достигавший рекордно высоких отметок. А день убийства Брэнда Бэрронса оказался самым жарким за весь год.

В тот роковой день Бренд проснулся очень рано утром. В двадцать минут второго к их с Элисон дому на юго-востоке Франции в районе Хэмчтеп — Пид подъехала красная машина, которая повезла Брэнда на съёмку в Бартович. Бренд провел целый день на крыше здания, фотографируя моделей для журнала «Voice».

О том, что чем занималась его супруга, известно ему было немного. У Элисон в скором времени должна была состояться выставка, художественных картин и она не успевала закончить одну из начатых картин к открытию. Наиболее вероятно, что в тот день Элисон работала в расположенном в самой глубине сада летнего домика, который совсем недавно Элисон переделала его под свою мастерскую. Съёмки надолго затянулись, и водитель привёз Брэнда домой около поздней полуночи.

Примерно через час спустя живущая по соседству Брэнни Холми услышала сразу несколько громких выстрелов. Она поднялась с дивана и подошла к телефону набрала номер полиции, и в 23:45 туда с участка Харгвест — Хэлл был направлен дежурный наряд. Через две минуты полицейские приехали на место вызова.

Входная дверь в дом была распахнута настежь, внутри зияла крошечная темнота непроглядная для человеческих глаз. Выключатели не работали и никак вообще не реагировали. Офицеры в формах вошли в главный холл, а затем проследовали в гостиную. Они воспользовались карманными маленькими фонариками, освещая комнату прыгающими лучами. Офицеры наткнулись на Элисон, стоявшую у камина. На ней было надето бежевое

платье светившееся, в темноте словно это не девушка, а привидение. Даже казалось, её совершенно никак не заботило присутствие полицейских. Молодая женщина стояла неподвижно облокотившись обеими руками на камин застыв, как вырезанная из нескольких кусочков льда статуя, со странным выражением лица испуга на лице, будто она столкнулась с невидимым ночным ужасом.

На белом пушистом расстеленном ковре валялась винтовка. Чуть дальше в неоднородных тенях гостиной полицейские обнаружили неподвижно сидевшего на стуле Брэнда, привязанного к стулу; обмотанный верёвкой его щиколотки и запястья были крепко связаны прочной верёвкой. Поначалу офицеры подумали, что он ещё жив. Его голова свесилась набок, словно он был без сознания. Подняв луч фонарика, полицейские увидели, что Бренд был убит несколькими выстрелами прямо в лоб. Пули навсегда уничтожили его красивые черты, лица оставив обожжённое, чёрное, кровавое пятно. Стена позади головы убитого была покрыта разлетевшиеся фрагментами черепных костей и мозга, клочьями волос — и залитой ярко-красной кровью.

Кровь была повсюду: разбрызгалась на белых стенах, растеклась темно — красными ручейками вдоль прожилок деревянных половиц. Офицеры полиции пришли к выводу, что кровь принадлежала Бренду. Однако её было предостаточно много. Внезапно в свете фонаря блеснул какой-то предмет — на полу возле ног Элисон лежал окровавленный нож. Второй луч высветил кровь, забрызгавшую её бежевое платье. Один из офицеров взял Элисон за руки и направил на них фонарь — оба запястья распёрли глубокие порезы, ещё совсем свежие и сильно кровоточащие.

Элисон применяла сопротивление попыткам остановить кровотечение. Успокоить её удалось лишь силами двоих полицейских. Спустя несколько минут Элисон на машине скорой помощи в Краеведческую клиническую больницу. Она рухнула, на пол потеряв сознание по пути в больницу. Элисон потеряла множество крови, но ей удалось выжить.

На следующий день в отдельной палате полицейские пытались задавать вопросы женщине в присутствии адвоката Элисон, однако молодая женщина ни разу ни обмолвилась словом. Её губы были белые, а лицо бледным как у покойника. Иногда они вроде бы начинали двигаться, но с них не слетело ни единого звука. Элисон ни ответила ни на один вопрос заданный полицейским словно она что-то скрывала, или пыталась уйти от ответственности. Она не могла, и не желала ни на что отвечать. Женщина никаким образом не среагировала даже на обвинение в причастности убийства Аренду. Во время судебного ареста Элисон по — прежнему молчала, ничего не признавала и не отрицала свою вину в совершении убийства супруга.

С тех пор прошло уже два года и Элисон так и не заговорила.

Безмолвие главной подозреваемой превратило убийство Брэнда из обычного преступления на бытовой почве перерастая в нечто гораздо большее — в загадочную трагедию, в тайну, которая мгновенно сделалась сенсацией и заняла умы широкой общественности на долгие месяцы.

И всё же Элисон сделала одно заявление — посредством картины. Художница начала работу над полотном после того, как прошло время и её выписали из больницы и поместили до суда под домашний арест. Кроме того, суд счёл необходимым приставить к Элисон сиделку, специализируются на уходе за душевнобольными. По сообщениям сиделки, её подопечная едва ела, она практически не спала и почти беззастенчиво рисовала картины.

Обычно проходили недели и даже месяцы перед тем, как Элисон бралась писать новую

картину. Она долго топталась на подготовительной стадии — рисовала бесконечные эскизы, создавала и переделала готовые композиции, пробовала разные варианты цветовых решений и форм, — пока полотно полностью не ложилось на последний мазок. Однако в этот раз она резко изменила творческий процесс, завершив полотно всего за пять дней.

Для большинства людей этого было достаточно, чтобы осудить её. Каким надо быть бессердечным человеком, чтобы спокойно вернуться в мастерскую сразу после гибели своего супруга! И чтобы не мучиться угрызениями своей совести! Элисон Роузли — самая настоящая хладнокровная убийца!

Это могло бы быть возможным. Однако не стоит упускать из виду одну немаловажную деталь: даже если Элисон и убийца, она ещё к тому же ко всем своим корыстям художник. И тогда всё встаёт на свои места (по крайней мере, это для меня). Элисон хватается за кисти и краски и переносит на холст терзающие душу чувства и свои переживания. Это и неудивительно, что на сей раз живопись приходит к ней с такой лёгкостью. Если горе можно назвать «лёгким»...

Картина представляла собой автопортрет. В правом нижнем углу Элисон нанесла кистями на холст название темно — синими английскими буквами.

Из дневника Элисон Бэрронс.

18 июня.

Вот уже как целый день Элисон подходит к окну, и ожидает проявление дождя. Пятую летнюю неделю стоит адская жара как в тропиках — погода устроила местным жителям Орегона тест на выживание. Каждый следующий день кажется жарче предыдущего. Неужели это Америка? Больше похоже на пустынные улицы Шанхая или какую — нибудь другую южную страну. Я пишу о смене циклона погоды в парке Хэпстелд — Тринт. Газоны и скамейки усеяны цветами на пляже загоревшие люди на расстеленных полотенцах полуголые с обгоревшими до красноты лицами. В самом деле напоминает пляж или поле битвы.

Сажу на скамейке под деревом в тени. Сейчас пять часов вечера, и раскаленный воздух начинает понемногу остывать. На голубом небе низко висит красноватое солнце. В этот час парк выглядит как-то совсем иначе — тени становятся глубже, цвета ярче. Трава будто вся в пламенном огне... Огненные всполохи мерцают под моими едва загоревшими ногами...

Я встала со скамейки случайно задев ладонью место на котором я только что, сидела и почувствовала что-то горячее поднеся ладонь к глазам я увидела красный отпечаток раскаленной руки по дороге в Восточный парк я сняла летние шлёпки и шла босиком держа обувь в левой руке. Всё было совсем как в детстве, когда я играла во дворе со своими ровесниками. А потом на удивление в память пришла картина такого же жаркого лета, когда погибла моя мама. Мы с Петерисом носились на двухколёсных велосипедах по зелёным полям, покрытым зелёным ковром поле было застелено цветущими маргаритками, мы залезли в несколько заброшенных домов они стояли неподалеку от реки которая мерцала от лучей яркого палящего солнца — пека и населённые призрачными садами. В моей памяти то лето длится вечно. Я вспомнила маму и те цветастые тропы, которые она носила с красными тянущимися бретельками, такими тонкими и изящными, как и сама мама в молодости она была очень красивая я смотрела на её фотографии и восторженно удивлялась. Мама была нежной, словно маленький птенец. Она часто включала радио, брала меня маленькую на руки, и мы танцевали под поп — музыку. Я до сих пор отчётливо помню мамин запах: шампунь, сигареты, крем для рук и переменный оттенок светлой водки.

Сколько ей тогда было? Двадцать семь? Двадцать шесть? Наверное меньше, чем мне сейчас. Надо же...

По пути на зелёную поляну я краем глаза заметила на цветущей тропинке возле корней дерева крохотного птенца. Я подумала, что он вывалился из своего гнезда. Птенец не шевелился — видимо, при падении бедолага поломал крылья. Я тихонько прикоснувшись погладила пальцем его крохотную головку. Птенец не шевелился. Тогда я с осторожностью взяла его в свои руки и повернула. Нижняя часть тельца отсутствовала напрочь — плоть была съедена червями: белые, толстые, скользкие черви извивались, кружились и лезли друг на друга. Мой желудок болезненно сжался, я испугалась, что меня сейчас вывернет наизнанку. Это было настолько грязно, отвратительно — и слишком сильно напоминало о смерти. И до сих пор этот образ стоит у меня перед моими глазами.

19 июня.

Я спасаюсь от невыносимой жары в итальянской кафетерии «Л'Тристанца» на площади главной улицы. Здесь внутри помещения на всю мощность работают кондиционеры и холодно, как в морозилке. Я сижу за своим любимым столиком, у окна на бордюру в прошлую субботу повесили новую белую штору и от удовольствия потягиваю чёрный каркаде перемешанный со льдом. Иногда читаю, детективные книги делаю зарисовки или пишу заметки в блокнот с твёрдым переплетом. Но большую часть времени просто наслаждаюсь прохладой. Я не позволяла себе ни о чём не думать и заикливаться на мысли которые настойчиво посещали мою голову. За кассой скучает красивая девушка. Она что-то смотрит в телефоне, поглядывает на настенные часы и вздыхает. Вчера вечером её вздохи показались мне особенно тяжкими. Судя по всему, девушка ждёт, когда же я попрошу счёт, чтобы закрыть кофейню и пойти домой, и я неохотно встаю из-за стола и молча удаляюсь.

Идти по невыносимой жаре — всё равно что брести сквозь густую грязь. Всё моё тело ныло, как будто меня весь день били, сил совершенно не осталось. Мы приезжие не готовы к столь экстремальным перепадам температуры. Это же южные тропики! В моём доме нет кондиционеров. Интересно, а у кого они есть? Ночью просто невозможно уснуть, приходится сбрасывать все покрывала и лежать на кровати нагишом, утопая в поту. Я открываю на ночь окна настежь, но в воздухе нет и намёка на прохладный ветерок — только мёртвая раскаленная духота.

Вчера я сходила вечером в магазин и купила электрический вентилятор, поставила у изножья кровати и направила прямо на себя.

— Он слишком громко гудит. Так мы точно никогда не уснем, — стал жаловаться Бренд.

— Мы в любом случае не уснем. С вентилятором хотя — бы не придётся потеть, как в раскалённой сауне.

Бренд проворчал что-то невнятное — и уснул раньше меня. А я лежала и вслушивалась в гудение вентилятора. Мне нравится звук вращающихся лопастей. Он быстро убаюкивает. Можно закрыть глаза, поддаться мелодии и незаметно провалиться в сон.

Теперь я ношу за собой этот купленный вентилятор из комнаты в другую — то выдергиваю, вилку из розетки то втыкаю вилку электропитания. Сегодня решила взять его в мастерскую в глубине сада. С вентилятором это будет терпимо, и всё равно соображаю с трудом — работа у меня не ладится. Я отстаю от графика, но жара так давит, что у меня нет сил переживать по этому поводу.

У меня наметился небольшой прорыв: я наконец поняла, что-то не так с изображением

Иисуса. Почему-то на меня это никак не действует. Дело даже не в композиции: Иисус распят на кресте. Проблема в том, что на картине изображен не Иисус. Мы не знаем, как он выглядел, но у меня получился не точная копия Иисуса Христа. Это лицо Бренда. Ума не приложу, как я раньше этого не заметила. Сама не знаю, как и почему я нарисовала на кресте своего супруга: его лицо, его тело... Я что схожу с ума? Видимо, придётся оставить всё как есть и довести работу над картиной до конца.

Всякий раз когда у меня появляется новая идея, замысел того, что это должно быть, я не в силах воплотить его в жизнь. В итоге у меня выходит нечто пустое, бессмысленное и безжизненное. Но если действительно не спешить, и вникнуть, я иногда слышу шёпот, который указывает, куда нужно двигаться дальше. И если я следую за этим шёпотом как будто это предопределено, он провожает меня к чему-то неожиданному, не к тому, что я задумала, но потрясающе живому и нечто прекрасному. И результат совершенно не зависит от меня — полотно приобретает собственную жизненную силу!

Должна вам признаться, меня пугает вот так отдаваться неведомому. Я предпочитаю знать, куда я двигаюсь. Именно поэтому я всегда начинаю работу с огромного количества предварительных набросков, желая максимально точно представлять конечный результат на холсте. Неудивительно, что в итоге они так и остаются набросками — ведь я совершенно не представляю себе, что в те моменты происходит передо — мной. Нужно открыть глаза — и наконец увидеть реальность, когда происходит это «настоящее», а не то, как мне бы хотелось увидеть.

Теперь, осознав, что у меня вышел портрет Бренда, я могу вернуться к самому началу, и сделать всё заново. Попрошу его попозировать мне. Давно он не помогал мне в этом деле. Я надеюсь, Бренд оценит идею и не скажет, что это святотство. А то иногда меня переключивает.

20 июня.

Сегодня утром я прошла до Командорского рынка. Наверное я там не была уже сто лет. Последний раз мы ходили туда с Брендом, когда он решил вспомнить о юности. Будучи подростком Бренд с друзьями часто болтался на Командорском рынке — было чудесное время множество бессонных ночей, танцев, выпивки и нескончаемых разговоров. Мальчики заглядывали на рынок ранним утром: посмотреть как торговцы раскладывают товар. Иногда удавалось разжиться «травкой» — она всегда имелась в наличии у растаманов, ошивавшихся на мосту возле командорских шлюзов. Однако мы с Брендом никаких дилеров там ни разу ни встретили.

— Здесь всё изменилось до неузнаваемости. Теперь это чистый туристический маршрут, — огорчённо произнёс тогда он.

Сегодняшним, днём разгуливая по рынку, я подумала: а ведь дело даже и не в том, настолько что рынок, изменился сколько в тот, что Бренд изменился сам. Здесь и ранее полно пятнадцатилетних подростков. Вот я живу как они, загорают на обоих берегах канала под ярким солнцем. Множество оголённых детских тел: раздетые по пояс мальчики с закатанными покороче шортами, девчонки в лифчиках или узеньких купальных топиках. Повсюду обнажённая детская плоть, сгорающая под немилосердными солнечными лучами. Бьющая ключом сексуальная энергия — их ненасытная, нетерпеливая жажда наслаждение жизнью. Мощный импульс задел, и меня: я ощутила сильное желание заняться любовью с Брендом. Мне ужасно дико захотелось почувствовать его мускулистое тело, сильные ноги, его бедра — сверху, на мне.

Занимаясь с Брендом любовью, я всегда чувствую этот неутолимый голод; это ни с чем несравнимое чувство целостности, когда мы сливаемся воедино. Чего-то большего, чем просто я, чем мы оба. Этого просто невозможно описать словами — какое-то таинственное чувство.

Неожиданно моё внимание привлёк бездомный мужчина. Он сидел на тротуаре неподалеку и смотрел на меня прожигающее. Брюки мужчины еле держались на тонкой верёвке, подмётки были примотаны к ботинкам скотчем. Кожа на его лице пестрела растрескавшимися волдырями. Меня вдруг передернуло унынием и отвращением. От него разило застарелым потом и мочой. На мгновение показалось, что бездомный будто обращается ко мне. Потом я поняла, что он просто бормочет ругательство себе под нос: «хреново» то да «хреново» это. Я нащупала в своей сумке мелочь и подала её мужчине. А затем побрела домой, медленно, шаг за шагом поднимаясь на наш высокий зеленый холм.

Сейчас дорога показалась мне гораздо круче. Как будто я шла целую вечность под изнуряющим изнеможённым пеклом. По какой-то странной причине мысли о несчастном бездомном не выходили из моей головы. Помимо чувства жалости, внутри было что-то ещё, необъяснимое, похожее на сильный прилив страха. Я представила бедолагу младенцем у его матери на руках. Могла ли несчастная вообразить, что её сын превратится в грязного, вонючего мочой, полубезумного оборванца, который станет коротать свои дни, сидя на тротуаре и бормоча ругательства?

Я мысленно задумалась о своей матери. Была ли она сумасшедшей женщиной? Почему тогда она это сделала? Почему и зачем пристегнула меня к пассажирскому креслу своей красной «Мини» и на полном ходу въехала в стену из коричневого кирпича? Я любила мамину машину такого весёлого краснозёмного цвета. Такой же оттенок есть у меня в коробке с красками. С тех пор я возненавидела красный цвет. Каждый раз, когда мне приходится его использовать, я думаю о смерти.

Почему мама так со мной поступила? Этого я уже никогда не узнаю. Раньше я думала, что мама хотела совершить самоубийство. А теперь расцениваю её поступок как попытку убийства. Ведь, помимо мамы, в салоне машины находилась ещё и я. А может, она собиралась убить только одну единственную меня, а не нас обеих? Впрочем, наверное нет. Это уже могло бы быть слишком. С чего бы ей желать смерти своей собственной родной дочери?

Ещё когда я поднималась на высокий холм, на глаза наворачивались слёзы. Я плакала не по своей матери, и не по самой себе, и даже не по тому несчастному бездомному. Я оплакивала всех нас. Вокруг было столько боли, а мы просто закрываем на это глаза... Правда в том, что мы все боимся. Мы в ужасе друг от друга. Я боюсь саму себя и того, что во мне от матери. Унаследовала ли я её безумие? А что вдруг да? Неужели и я...

Нет! Хватит! Уже пора остановиться. Я и не собираюсь писать об этом. Никогда и ни за что.

21 июня.

Вчера вечером мы с Брендом ужинали не у себя дома. Мы часто ходим по пятницам в местные забегаловки. «Романтический вечер», как говорит Бренд со своим дурацким французским акцентом. Он не выставляет свои чувства напоказ и нарочито высмеивает всё то, в чём находит забаву и потеху как маленький мальчик, вернувшись недавно из детского сада со своей мамой, но и не распускает «розовые сопли». Бренд предпочитает думать о себе как о застенчивом человеке в котором чуток не хватает капли смелости. На самом деле же Бренд романтичный мужчина — в глубине души, в нём заложена истинная душа она относится ко мне с любовью с той теплотой, которой у меня не было давно он не говорит словами о своих чувствах он совершает героические подвиги от которых я безумно удивлена и каждый раз он придумывает что-то новое. Поступки гораздо важнее чем слова, на пустом месте верно? А мужские поступки Бренда заставили меня влюбиться в него по уши.

— Куда на этот раз хочешь пойти? — спросила я.

— Угадай. У тебя в запасе три попытки.

— «У Агустиной»?

— С первого раза ты попала в точку!

«У Агустиной» — есть свой французский ресторанчик, расположенный неподалёку от нашего места жительства. Ничего особенного в нём нет, но это наше с Брендом любимое место, там мы провели массу незабываемых вечерних летних ночей вместе. Из дома вышли около семи часов вечера. Зашли в ресторан и кондиционеры там не работали, поэтому мы выбрали столик у распахнутого настежь окна и, сидя в душном, густом, важном воздухе, потягивали охлажденное красное сухое вино. Я здорово захмелела, мы много хохотали, зачастую даже без повода. Мы целовались, выйдя из ресторана, и занялись любовью дома.

Слава Богу, Бренд ничего не имел против вентилятора, хотя — бы пока на какое-то время поставить его в моей постели до того, как спадёт жара. Я поставила его перед нашей кроватью, и мы лежали под прохладным ветерком в крепких объятиях друг друга. Бренд нежно провёл пальцами по моим мокрым волосам и затем поцеловал меня в губы. «Я люблю тебя», — прошептал он мне его горячее дыхание сводило меня с ума. Я не ответила взаимностью. К чему эти слова? Бренд и так знает, какие у меня к нему пылающие страстью и огнём чувства любви.

И тут я одной нелепой фразой разрушила всё волшебство, спросив, не согласиться ли Бренд побыть моделью для моей новой картины.

— Я хочу тебя нарисовать, — сказала я.

— Что снова? Но ты же уже рисовала меня.

— С тех пор прошло уже пять лет. У меня возникло желание нарисовать тебя ещё один раз.

— Ну давай, — вяло неохотно произнёс он. — Что на этот раз задумала изобразить?

Я помедлила, а потом призналась, что хочу написать картину распятого Святого Иисуса Христа.

Бренд рывком сел в кровати и сдавленно еле сдержанно засмеялся.

— Элисон, ты сё серьёзно?

— Да, вполне. А я разве не бываю серьёзной?

— Я не уверен, что подхожу на эту роль, любовь моя. — Бренд покачал головой.

— Но почему же нет?

— А ты сама как думаешь? Нарисовать меня распятым на кресте? Что тогда скажут люди?

— С каких это пор тебя стало заботить мнение окружающих?

— Мне плевать на него по многим пунктам, но ты хоть понимаешь, что могут подумать другие? Они вообразят, будто так ты видишь меня!

— Я не считаю тебя сыном Бога! — Я расхохоталась. — Это всего — лишь образ. Получилось само собой, когда я написала картину. Я даже не задумывалась об этом.

— А тебе стоило бы задуматься.

— И почему? Это же не аллергия на тебя или на наш брак!

— Тогда что же это в конце концов?

— А я откуда знаю?!

— Ладно, черт с ним. Ты меня уговорила! — со смехом объявил Бренд. — Если действительно этого хочешь, то давай попробуем. Надеюсь, ты знаешь, что ты делаешь.

В его насмешливых словах не прозвучало особой поддержки, в мою сторону, но я знаю, что Бренд верит в меня и мой прирождённый талант. Если бы не мой муж, я так бы и не начала писать картины. Только благодаря его поддержке, и колючим шуткам и его голос звучал со словами одобрения я сумела преодолеть несколько бесплодных лет после того художественного университета. В то время я жила лишь тем, что расписывала стены с Жан — Флоксом.

К моменту встречи с Брендом я не потеряла себя только наоборот нашла в себе силы жить дальше. Я не знала, в каком направлении мне двигаться. Я совершенно не скучаю по вечно пребывающим под кайфом «приятелей», с которыми проводила бесконечные совместные вечера в их тёплой компании. Наверное я уже разменяла пятый десяток. Так называемые «друзья» исчезли с ранним рассветом, когда солнце на небе поднималось всё выше и выше на небо доходя до сгустка молочных облаков словно вампиры, посетили наш мир что отведает людской крови они выползают только тогда на небе солнце затемняет лунный небосвод озаря всё потустороннее и не потустороннее, они не выходят из-за солнечного света они боятся его когда их бледная кожа попадает под лучи солнца, она сразу же начинает плавиться как металл при 360° температуре. Когда в моей жизни появился Бренд, вся эта суэта, которая крутилась вокруг меня, растворилась в невероятном наводнении зенице ока. Я даже и не успела заметить как это неожиданное событие от меня куда-то улетучилось словно, растворилось в объятиях какого-то неведомого существа. Я в их компании боль не нуждалась не приходила на их встречи, просто сидела в уютном доме на диване перед окном снаружи шёл ливень я держала в руках пачку с попкорном, и наблюдала за неожиданной смене циклона погоды. Отныне и по сей день мне больше не был нужен никто, тем более я не хотела продолжать общение с людьми которые когда-то давно в моём прошлом предали меня наступив мне на большую мозоль, теперь наверное ясно почему я больше никогда не плачу не реву не запираюсь в своей спальне не бегу на постель и не лежу на животе уткнувшись лицом в зарёванную подушку однажды я сказала себе: Stop It! Остановись, Элисон они не стоят твоих слёз тогда я успокоила саму себя. Только с Брендом я чувствую, себя хорошо в один прекрасный вечер я шла по трассе в короткой юбке в топиках на бретельке на высоких каблуках, а в руке у меня была чёрная кожаная сумка я о чём-то задумалась и не заметила как меня резко клонит в сон спустя какое-то время я открыла

глаза, увидела белые потолки кровати и я поняла что нахожусь в больнице, когда меня выписали доктор сказал что в тот день я попала под машину или водитель был в нетрезвом состоянии или это я, не углядела вообще спас меня Бренд он вызвал скорую и потом ещё ехал со мной в больницу, как сопровождающий — Бренд был в образе Иисуса. Наверное, поэтому я подсознательно нарисовала Бренду в роли моего Спасителя.

Теперь Бренд для меня — всё и даже больше чем «всё». С первого дня нашей первой встречи и наши отношения продолжают по сей день. Чтобы он ни сделал, чтобы ни произошло, я буду любить его до конца дней которые отчитаны временем. Как бы он меня ни расстроил, в каком бы грязном или непонятном виде ни предстал передо — мной, как бы эгоистично или бездумно ни поступил, я всё равно буду его любить. Я принимаю Бренду таким, какой он есть на самом деле пусть он даже и не ангел, зато он честный романтичный и всегда умеет поддержать, и не оставит в беде когда мне понадобится его помощь. До тех пор, пока смерть не разлучит нас.

22 июня.

Сегодня 22 июня Бренд пришёл в мою мастерскую для позирования картины.

— Элисон только давай договоримся сразу: целыми днями в душном помещении я у тебя сидеть не смогу, — предупредил Бренд. Сколько сеансов понадобится, чтобы создать картину с моим портретом?

— Ну уж точно не один. Нужно закончить всё как полагается.

— Что ищешь предлог чтобы побольше проводить времени вместе? Тогда я тебе предлагаю перейти сразу к самому важному процессу дела, то есть заглянуть в нашу спальню, — подшучивал надо — мной Бренд.

— Может быть, позже. — Я хихикнула. — Я соглашусь на твоё манящее предложение, если ты будешь вести себя хорошо и перестанешь ерзать на стуле.

Я расположила мужа напротив вентилятора. Пряди волос надо — лбом Бренда слегка развивались от прохладного ветерка.

— Ну и как мне лучше встать моя госпожа? — спросил он, принимая утреннюю героическую позу.

— Можешь просто стоять, как тебе удобно. Не нужно никого сегодня изображать.

— Вероятнее, всего мне последовало бы изобразить на лице мучения?

— Я не думаю, что на лице Христа отражались мучения. Я вижу его совсем другим. Не нужно никаких гримас. Просто стой там и прошу тебя не шевелиться.

— Как скажешь, моя начальница.

Бренд вытерпел пятнадцать минут. А затем мне пожаловался, что устал.

— Тогда садись, на стул — предложила я. — Но не разговаривай. Я сейчас прорабатываю твоё лицо.

Бренд послушно сел на стул и ни на одну минуту, ни раскрывал рта, пока я создавала эскиз. С каким удовольствием я рисовала лицо Бренда это зрелище должен увидеть каждый! У него очень красивые черты: сильная челюсть, высокие скулы, и аристократический нос. Сидя на стуле в моей мастерской с выставленным освещением, он напоминал мне греческую статую. Изваяние одного из легендарных героев.

И всё же как бы я не старалась работа у меня не ладилась. Я не могла понять, в чём дело, — возможно, не стоило бы мне так усердствовать. Никак не получалось верно передать ни разрез глаз, ни их оттенок. Первое, что я заметила, глядя в глаза, Бренду — это их сияющий блеск; словно в самой радужке таился крохотный мерцающий бриллиант. Но почему-то я никак не могла поймать этот сияющий блеск сейчас. Наверное, у не хватает художественного мастерства, а может, во взгляде Бренду есть нечто особенное, что невозможно вот так вот просто «запечатать» в картину. Как я ни билась, глазами Бренду по-прежнему ставились пустыми, бездонными и безжизненными. Я начинала злиться.

— Чёрт возьми! У меня ни черта не получается, — раздражённо пробормотала я.

— Может тогда сделаем небольшой перерыв?

— Видимо, так мы и поступим.

— Предлагаю заняться сексом!

— Я только «за»! — ответила я со смешком.

Бренд подскочил, порывисто обнял меня и прижался губами к моему рту. Мы занялись

любовью прямо там, в моей мастерской на полу. И всё же я ни на секунду не могла отвлечься от его мёртвых глаз на неоконченном портрете. Эти глаза преследовали меня, испепеляли. Пришлось отвернуть мольберт в другую сторону, но я всё равно ощущала на себе его пристальный взгляд... Словно, он был моим магнитом.

2.

После встречи с Элисон я отправился к профессору с подготовленным отчётом. Хиос оказался у себя в кабинете: рассортировывал нотные листы с партитурами.

— Ну и как прошла беседа? — не поднимая головы, подал голос профессор.

— Честно говоря, мы ни о чём не беседовали, — признался ему я.

Хиос перестал рыться в нотах и непонимающе уставился на меня.

— Перед тем как приступить к работе с Элисон, необходимо для начала вернуть ей её способности мыслить и чувствовать, — помедлив, произнёс я.

— Да согласен. Тогда в чём же дело?

— Невозможно добиться устойчивого контакта с человеком, который находится под воздействием тяжёлой седации. Элисон словно находилась глубоко под водой.

— Я бы так не сказал, — нахмурился профессор. — Я не скажу точно, на какой она находится дозировке...

— Я уточнял у Юрцева. Восемнадцать миллиграмм «Цицерона». Это же лошадиная доза!

— Да, доза немалая... — Хиос приподнял бровь. — Это и в самом деле было немало. Думаю можно уменьшить дозировку. Костен возглавляет новую команду, которая занимается Элисон. Вам стоило бы поговорить с ним об этом.

— Пологаю, было намного лучше, если бы распоряжение дали вы.

— Вы ведь знакомы с Кастином ещё по далёким временам, верно?

— Очень давно.

Хиос задумался. Затем взял из хрустальной вазочки на письменном столе один крепкий орешек в сахаре и жестом предложил угоститься мне им. Я отрицательно мотнул головой. Пристально глядя на меня, профессор закинул орешек в рот и с хрустом его разгрыз.

— Скажите-ка, Бренд всё ли гладко между вами с Кастином? — наконец произнёс профессор.

— Хм странный вопрос. Что навело вас на эту мысль?

— Я ощущаю между вами некоторую враждебность.

— Только эта вражда идёт не с моей стороны.

— А что с его?

— Тут лучше вам спросить у Костина. У меня с ним никаких серьёзных проблем нет.

— Х ммм... Возможно, мне кажется, но я определённо улавливаю между вами напряжение. Тут нужно быть осторожнее. Ведь любые конфликты или конкуренции мешают рабочему процессу. Вам обоим следует работать вместе, а не друг против друга.

— Я знаю.

— Итак, вопрос о медикаментах для Элисон нужно также обсудить с Костином. Вы хотите, чтобы к ней вернулась способность ощущать. Я вас понимаю. Только главное помните: увеличения чувствительность, мы увеличиваем серьёзными рисками.

— Так и кто же в конце концов рискует?

— Элисон, естественно! Но имейте в виду, — Хиос направил на меня большой указательный палец, — в первое время она неоднократно пыталась покончить с собой. А седативные препараты приводят её в стабильное состояние. Благодаря им Элисон до сих ещё

жива. Если мы снизим дозу, высокая вероятность того, что на бедняжку снова нахлынут чувства, с которыми она не в силах справиться. Вы готовы так рисковать?

Слова профессора произвели на меня сильное впечатление. Однако я не собирался поворачивать назад.

— Придётся пойти на риск, профессор, — решительно сказал я. — Иначе нам до Элисон невозможно будет достучаться.

— В таком случае я поговорю с Кастином, — пожал плечами Хиос.

— Большое вам спасибо.

— Посмотрим, что он нам скажет. Психиатры терпеть не могут, когда им указывают, как нужно лечить пациентов. Безусловно, я могу принудить Кастина подчиниться, мне, но я не сторонник подобных мер. Я аккуратно прозондирую почву, а потом сообщу вам его мнение.

— Если можно, пожалуйста не упоминайте в разговоре моё имя, — попросил профессора я.

— Понимаю. Что же, мы договорились, — и профессор кивнул с загадочной улыбкой.

Профессор извлёк из ящика письменного стола небольшую коробочку и аккуратно сдвинул крышку. Внутри лежали сигареты. Хиос предложил мне взять одну. Я снова мотнул головой.

— Вы что не курите? — В голосе профессора послышалось удивление. — Странно...
Глядя на вас, я решил, что вы курильщик.

— Нет-нет. Я никогда не курил и не собираюсь. Так, балуюсь, но это бывает редко. Но я пытаюсь бросить.

— Вы молодец! Вот это правильно. — Хиос распахнул окно. — Вы знаете анекдот, почему психотерапевт не должен никогда курить? Потому — что иначе он окажется хреновым спецом! — Профессор ухмыльнулся и сунул сигарету в рот. — Мы тут всё немного того. Одно время в кабинетах появились таблички с забавной надписью: «Не нужно быть психом, чтобы здесь, работать, но это помогает». Помните такие?

Хиос громко рассмеялся. Я с завистью смотрел, как он поджёг кончик сигареты и затем раскурил её. Комната наполнилась пепельным дымом мне стало нехорошо, от запаха.

3.

После обеда я метался по длинным нескончаемым коридорам я пытался найти выход. Меня отчаянно тянуло закурить. Но не успел я выбраться на улицу, как у пожарного выхода меня заметила Дринда. И она решила, что я заблудился.

— Не волнуйтесь, Бренд, — успокаивающим голосом проговорила мне она, беря меня за руку, — я несколькими месяцами плутала, пока не разобралась в этом лабиринте. Иногда мне кажется, что здесь вообще нет выхода и никогда не было. До сих пор путаюсь, куда идти, хотя работаю в Голливуде уже двадцать лет.

Так и не дождавшись ответа, прежде чем я смог что-либо возразить, Дринде она поволокла меня за собой пить чай в «Хостл».

— Сейчас я поставлю чайник. Ну и погодка на улице! Черт-те что... Пошёл бы уже снег, в конце концов и всё тут! — болтала Дринда. — Кстати, снег очень символичен, ничего в этом не находите Бренд? Например, «начать жить с чистого листа». Вы замечали, как часто пациенты рассказывают что-то про снег? Обратите на это внимание. Очень любопытный момент.

Неожиданно Дринда выудила из сумки большой кусок торта, аккуратно обернутый в пищевую прозрачную плёнку, и затем вручила его мне:

— Держите Аренд. Клубничный торт. Вчера ранним утром испекла специально для вас, Грэн.

— Ох, больше спасибо Дринда! Я...

— Знаю, это против правил, но я всегда в начале сеанса угощаю сложных пациентов кусочками торта. И работа сразу идёт на лад!

— Конечно ещё бы! — Я расхохотался. — По-вашему, мнению я сложный пациент?

— Нет я так не считаю. — Дринда засмеялась. — Между прочим, мой хитрый приём отлично работает и на трудных сотрудниках, к которым вы, слава богу, никак не относитесь. Немножко сладкого для улучшения настроения не чуть не повредит! Раньше я пекла торты для нашей столовой, а потом пришла Стефания и устроила там большой скандал. Видите ли, санитарные правила запрещают приносить еду извне дома. Да просто чушь какая-то! Будто бы напильник сюда принесла, честное слово!.. Я всё равно потихоньку пеку сладкие запеканки. В знак протеста против её тирании. Хотя-бы попробуйте кусочек! — не терпящим возражений тоном проговорила Дринда.

Я откусил немного торта. Торт оказался и вправду настоящим лакомством: сочный, с насыщенным клубничным вкусом, приторный.

— Думаю, это просто шутка запросто может настроить пациентов на нужную волну, — невнятно проговорил я, прикрывая набитый рот ладонью.

Дринда мило заулыбалась я увидел в её глазах довольный вид. И тут я наконец понял, почему она мне сразу понравилась, — её окруженная аура материнской теплоты и душевного спокойствия. Она напомнила мне Риту, моего давнего терапевта. Я не мог представить Дринду злой или какой-то раздраженной.

Пока Дринда возилась на кухне с чаем, я решил осмотреться в помещении. На стене в гостиной я увидел большую квадратную картину, вставленную в фото рамку красного сердечка украшенное бисером, Дринда завела разговор на кухне о центральной части любого

отделения в больнице: по её рассказу, оттуда и сюда постоянно сменяется персонал, ежедневное руководство больничным отделением происходит именно там где работает Дринда. На сестринском посту решаются самые важнейшие вопросы практики. Пост прозвали «Апполинарием», потому что он огражден боковыми панелями из арминированного стекла: таким способом больничным персоналам удобнее присматривать за их пациентами, находящихся в комнате для отдыха. Всё это только теоретически. На прохождении практики получалось ровным счётом всё наоборот: пациенты застывали у прозрачных стен и не моргая пялились на нас, и в итоге под пристальным наблюдением оказались мы сами. Места в «Апланариуме» было мало, стульев один-два-три, и места на этом заканчивались да и те что занимали молоденькие медсестры, печатающие отчёты. Поэтому остальным приходилось ютиться, стоя в центре тесного помещения или облокотившись на стол. Создавалось ощущение, что «Апполинарием» постоянно набивались до отказа, даже если там находилось не очень много народу.

— Держите, Грэнд, — сказала Дрианда, вручая мне кружку с заваренным чаем.

— Благодарю.

В «Аполинарием» зашёл Критс. Мы обменялись кивками головы. Из его рта сильно пахло жвачкой с которой он почти никогда не расстаётся и это мятная жвачка. Помню, в Барселоне он много курил, как и я, — это было единственным, что нас объединяло. Вскоре после нашего с ним знакомства Крист уволился из Бродурма, потом повстречал женщину своей мечты потерял дар речи, влюбился и наконец женился, а совсем недавно я от него узнал о рождении дочурки. Интересно, какой из него вышел отец? Крист не производил никакого единственного впечатления особенно он никогда не был ласковым человеком.

— Что тут что там то же самое. Забава, — с мрачной улыбкой произнёс он.

— Мир тесен мы страдаем, от нехватки солнечного света.

— Если ты решил поговорить о специалистах по психиатрии, то давай я тебя внимательно выслушаю.

— Что ты сейчас серьёзно это сказал? В самом деле решил что я начну разговор об этих несчастных психотерапевтов? Да нагинале!

Видимо, Крист намекал, что у него имеются и другие интересы, помимо его работы. Только мне жутко становится любопытно какие? Если честно, рассуждать я мог представить его лишь в детской «качалке» или в жёсткой схватке единоборства или могу представить себе его на поле для игры в регби.

Пару секунд Крист молча смотрел уставившись одним взглядом на меня в упор. Я совсем отвык от его манер я совсем позабыл что он умеет делать паузы, зачастую весьма продолжительные, вынуждающие собеседника ожидать, пока он соизволит ему ответить. Внутри меня опять поднималась волна раздражения, совсем как это в Бродурме.

— Ты решишься присоединиться к коллективу в неудачное время, — наконец я возвращаюсь в реальность от голоса Криста. — Над Гроуздом занесён домославский меч.

— Что неужели всё настолько плохо?

— Это всего — лишь вопрос стоящих серьёзных размышлений и на раздумья потребуется много времени, чтобы принять в конце серьёзное решение. Рано или поздно управляющая компания закроет клиническую клинику. Отсюда возникает вопрос: что здесь будешь делать ты?

Я Бренд Бэроонс я не знаю по каким причинам я начал писать может потому — что во мне открылся дар предвидения? Или настал тот, день когда пришло время выплеснуть всё накопившиеся в душе наружу обществу.

Впрочем, нет, пожалуй, я знаю — просто сам не хочу себе в этом признаваться. В голову не пришло не одной мысли, чтобы назвать моё творение... Дневник? Звучит слишком пафосно. Не то чтобы я собиралась рассказывать вам нечто особенное. Одно дело ежедневный дневник Ингриды Франц. Или дневник Самуэля Питерса. Куда мне уж до них!.. Назвать свою писанину «ведением записей»? В голове прозвучало слишком научно. Тогда мне придётся вести его ежедневно, чего делать мне совершенно не хочется: если это превратится в нудную обязанность, я брошу то что не успела закончить.

Может быть, назову это «нечто». Пусть будет простой обычный текст, который я время от времени стану дополнять. Так будет лучше и правильно. Стоит дать чем-то название, и вы сразу перестанете видеть картину целиком или понимать, почему это было так важно. Вы задумываетесь над каждым словом. А ведь само название — лишь крошечная часть явления, верхушка северного айсберга. Лично мне среди моих слов становится как-то неуютно. Я всегда включаю мысли в свой образ, мой стиль самовыражения — которыми я передаю картинами. Начать писать я решила только исключительно ради Бренда.

С недавних пор я начала тосковать. Причин моей тоски несколько. Раньше я думала, что умело ловко скрываю своё состояние, но он этого заметил. Конечно, заметил! От моего мужа Бренда никогда ничего не скроешь. Сегодня утром он спросил, меня как продвигается работа над картиной. Я ответила, что никак. Тогда Бренд приблизился ко мне и вручил бокал красного вина. Я уселась за столом на маленькой кухоньке, пока он готовил завтрак для нас двоих.

Я обожаю смотреть, как Бренд занимается делами на кухне. Его ловкие движения полны таинственности и изящности: оказывается не перевелись интеллигентные люди на другую планету. Не то что бы я — у меня всё превращается в беспорядок к чему я дотрагиваюсь.

В юные шестнадцать лет Бренд был клубным танцовщиком.

— Поговори со мной, — попросил Бренд обращаясь ко мне.

— Что же тут скажешь? Иногда я просто застаиваюсь между мыслями в собственной голове. Возникало ощущение, что я прохожу сквозь пространство.

— Элисон, а ты попробуй записывать свои мысли. Начни вести что-то вроде блокнота. В этом может быть хоть какая — нибудь польза.

— Бренд наверное, ты абсолютно прав... Мне стоило бы попробовать.

— Это всего — лишь рассуждения, милая. Меньше слов — больше дел просто попробуй и ты поймёшь как легче тебе будет.

— Пожалуй, я приму твой совет и обращаюсь к дневнику для записей.

Бренд продолжал ворчать по этому поводу, но я так и не начала вести записи в дневнике. И тогда моё настроение улучшилось на следующий день Бренд подарил мне небольшую книжечку с твёрдым кожаным переплётом с чистыми белыми листами из плотной бумаги. Я провела пальцами по первой странице (бумага оказалась приятная и гладкая на ощупь), заточила карандаш и начала писать с первой страницы.

Естественно, Бренд, как и всегда оказался прав. Мне уже было немного легче. Перенос моих мыслей на бумагу — это своего рода отдушина, освобождение; дневник — место для выражения себя. Я немного затронула психиатрию. Хоть Бренд ничего и не говорил, я догадывалась, что он беспокоиться о моём состоянии. А если поговорить на чистоту я вполне могу себе это позволить), настоящая причина, по которой я всё-таки решилась вести записи в дневнике, — у меня возникло желание убедить Бренду, доказать ему, что со мной в конце концов всё в порядке. Я не могу себе допустить, чтобы он за меня переживал. Не хочу, чтобы он за меня волновался чтобы он, страдал или мучился кромешными ночами из-за меня. Я полюбила Бренду с первой встречи нашего знакомства, и продолжаю любить по сей день. Это несомненно, он мужчина всей моей жизни с ним я начала чувствовать себя иначе я не закрывалась от других мою голову иногда посещали мысли о тревогах, но я находила в себе силы отгонять их я знаю, что в этом мире не одна у меня есть любимый мужчина дом в который мы вместе вложили душу, трудились до тех пор, пока наша общая мечта жить в доме вдвоём не превратилась в одну большую реальность — всё то, что у нас есть это из-за нашего стремления к друг другу мы иногда ссоримся, а потом кто-то из нас пытается заговорить. Я люблю Бренду так сильно, настолько сильно, что потом когда я сижу у окна меня начинает это пугать было время когда я боялась его потерять, страшнее всего было произносит — «А если он уйдёт от меня когда наступит такой день»? Поэтому, я даже не задавала ему таких вопросов без него я бы не смогла жить именно он подарил мне надежду, на жизнь.

Иногда мне так кажется... Нет. Про это я писать не стану. В дневнике будут только позитивные идеи и образы — лишь то, что меня вдохновляет, как и художника и то что является толчком для моего творчества. В дневнике появятся исключительно радостные, счастливые, спокойные нормальные мысли... И здесь не будет никакого безумия.

На нашем официальном свидании мы с Кэтрин отправились в Цветочный парк. Место предложила Кэтрин, узнав, у меня что я ни разу там не был.

— Ты что так шутишь? И даже ни разу в оранжереи не заходил? — Вытаращив на меня глаза, переспросила Кэтрин. — Вон в той, то что дальше выращивают разные тропические Виолы. Я была внутри там очень жарко, словно в печке. Когда я училась в университете, частенько туда прибегала, просто только, для того чтобы погреться... Бренд давай встретимся там, когда ты освободишься? — Кэтрин вдруг нерешительно замолчала. — Или тебе слишком далеко туда добираться?

— Ради тебя, любимая, хоть на самый край света! — с улыбкой заявил я.

— Дурачок, — шепнула Кэт и встав на цыпочки поцеловала меня.

Вечером, когда я добрался до входа в Цветочный парк, Кэт уже стояла там в своём огромном сером пальто и красном шарфе. Приглядев меня, замахала рукой, как маленький перевозбужденный ребёнок.

— Давай скорее! Сюда! — торопила меня Кэтрин.

Мы пошли по застывшей грязи к большому стеклянному сооружению, в котором садоводы выращивали тропические растения. Кэт решительно толкнула дверь рукой и потащила меня за собой внутрь. В оранжерее царил настоящая тропическая жара и ещё я чувствовал высокую влажность. Я поскорее сдернул шарф с шеи и избавился от пальто.

— Я же тебе говорила, что тут как в настоящей сауне! Здесь здорово, правда? — радовалась она хлопая в ладоши как ребёнок.

Сняв пальто мы бродили держа их в руках по каменным дорожкам, держась за руки, и любовались вертя головой по сторонам экзотическими тропическими цветами. Я с восхищением осознал, что счастлив просто находиться рядом с Кэт. Словно она открыла потайную дверь и привела меня в свой волшебный мир теплоты, солнечного света и ярких насыщенных красок, где сотни цветущих фиолетовых виол — и синих, орхидей ещё я увидел красных и жёлтых конфетти.

Я чувствовал как моё тело начинает плавиться от жары; тело становилось мягким, и немного ватным. Я медленно шёл как черепаха, высунувшей из панциря голову после долгой зимней спячки, моргая и пробуждаясь. Это чудо со мной сотворила Кэт — она стала моим приглашением на пути к жизни, и я ухватился за него обеими руками.

Я помню, как когда-то осознал, что безумно влюбился. Я ни на секунды не сомневался, что это любовь. Такого чувства я не испытывал ни разу в своей жизни. Предыдущие мои любовные треугольники протекли быстро и неудовлетворительно для обеих сторон. Девственности я лишился ещё в университете. Накачавшись для храбрости алкоголем, переспал со студенткой с факультета социологии — она канадка по имени Адельи. Помню ещё на зубах она носила брекеты, и во время поцелуев металлические конструкции больно впивались в мои губы. Затем последовало несколько ничем не примечательных романов. Мне казалось, я никак не мог встретить ту единственную девушку, которую страстно желал повстречать. В университетские годы я считал себя слишком дефективным, не способным на серьёзные чувства.

Зато теперь каждый раз, когда я рассказывал ей историю о потере девственности до

моих ушей доносится заразительный смех Кэтрин, меня пронизывало радостное возбуждение. Я, как мокрая губка, впитывал брызжущий из неё оптимизм, раскованность и веселье. Я соглашался на любые причуды Кэт. Я совсем не узнавал себя, но мне нравился новый бесстрашный Бренд, которого она вновь вернула к жизни. Мы долгое время не вылезали из кровати. Я сгорал от постоянного, жгучего желания. Я никак не мог насытиться близостью с Кэт. И мне постоянно хотелось коснуться её — я как будто не мог оказаться достаточно близко к ней.

В том же Ян-Майен Кэт переехала в мою трехкомнатную квартиру в районе Кенштин-тайвунь. Моё скромное обиталище находилось на цокольном этаже — здесь постоянно чувствовалась какая-то сырость, полы были закрыты турецкими коврами; окна имелись, но они о каких приятных видах и о таком речи не было. Наше первая совместная жизнь мы жаждали друг друга провести оставшуюся жизнь вместе: на рыночном базаре возле станции метро мы купили зелёные яблоки, поклеили дома обои и купили новую электрическую плиту. Я помню, как словно сейчас, запах свежих яблок, деревья в парке в котором мы гуляли с Кэт и горящие свечи, в доме и Кэт, смотревшая на меня своими серо-голубыми глазами, в которых отражался блеск яркого пламени свечей в глазах промелькнул огонёк мерцание новогодней гирлянды.

— Кэт выходи за меня, — выпалил я не задумываясь. Слова сами собой, слетели с моего языка.

— Чего? — изумлённо посмотрела на меня Кэт.

— Я тебя люблю. Выходи за меня, — повторил отчетливо я.

Кэт громко засмеялась и, к моей ожидающей радости, тут же ответила:

— Я согласна!

На следующий же день мы пошли в ювелирный магазин, и Кэт выбрала кольцо. И тут я наконец-то осознал: отныне мы жених и невеста. Как ни странно, первыми, о ком я подумал, были мои родители. Я хотел представить им мою Кэт. Пусть увидят, что их сын наконец-то счастлив. Я мечтал показать, что мне наконец удалось вырваться из — под их родительского контроля и стать абсолютно свободным! Мы сели на поезд в Фурии. Теперь я понимаю, что сглупил. Это была дурацкая затея, обреченная на отчаянный провал.

Отец приветствовал меня всё с той же враждебностью.

— Ну и вид, Бренд... Кожа да одни кости! А что за стрижка? Почему так коротко подстрижено? Ты похож на самого настоящего преступника.

— Спасибо, отец. Я тоже рад тебя очень видеть, — ответил я.

Мама выглядела ещё более подавленной, чем обычно. Она словно съёжилось, стала намного тише, как будто на самом деле её там и не было. Присутствие отца было гораздо более подавление, неприветливее, бросающиеся в мои глаза, безрадостные. Он все время буравил Кэт своим тяжёлым взглядом. Я еле пережил обед в моём родительском доме. Кэт не особенно понравилась моим родителям, и они никогда не радовались за меня. Не знаю, почему меня это даже несколько не удивило.

После обеда отец удалился в свой кабинет и больше оттуда не выходил. Во время прощания мама обнимала меня слишком долго, и это было слишком близко ко мне. Она с трудом держалась на ногах. Меня вдруг накрыло тихое отчаяние. Когда мы уехали оттуда, я знал, что часть меня так и осталась там — вечным ребёнком, словно в какой-то ловушке. Я ощущал полную беспомощность, безнадежность, и глаза жгло от подступивших слез. И тут меня в очередной раз увидела Кэтрин. Она крепко обняла меня и прошептала на ухо:

«Теперь я всё поняла. И люблю тебя ещё сильнее!» — и больше она ничего не стала мне объяснять. Да этого во общем то и не требовалось.

В Мае мы с Кэт расписались в маленьком регистрационном бюро неподалеку от Юнсто-сквера. Мы не пригласили родителей. И ни в какого Бога не верили. Кэт не хотела устраивать венчание в церкви, поэтому я мысленно произнес краткую молитву, пока нас регистрировали с бюро. И возглавил Господа за неожиданное счастье, которого в этой жизни я не был достоин. Теперь я прозрел и чётко видел Его великую намеченную цель. Бог вовсе не покидал меня даже в детстве, одинокого и напуганного мальчишку. Нет, он, был ловким магом, хранил Кэт, словно козырь, чтобы «достать» её из рукава, когда придёт время.

Я был переполнен ощущениями смирения и благодарил небо за каждую секунду, проведенную рядом с Кэт. Я понимал, что вытянул счастливый билет. Мне выпал невероятный, и очень редкий шанс повстречать такую большую любовь! Я осознавал, как редко такое случается. Остальным повезло меньше чем, повезло в большой мере мне. Большинство моих пациентов никто не любил в жизни. И Элисон Бэроонс тоже никогда не любили.

Сложно представить двух схожих женщин, чем Кэт и Элисон. Кэт вызывала во мне мысли о ярком солнечном свете, теплоты, ярких красках и звонком детском смехе. Элисон — только о пропасти, темноте и печали. И о долгом молчании.

— Это ещё в каком смысле в хорошем или плохом?

— Ну ты же знаешь что крысы обычно бегут с тонущего корабля. Они не лезут на борт.

Меня крайне честно поразила неприкрытая агрессия Криста, но я решил что не нужно лезть к нему на рожон.

— Возможно. Но ты же знаешь что я не крыса, и не шестёрка потому — что ни за кем не наблюдаю поэтому я ничего не знаю, — пожал плечами я.

После моих доказательств ответить Крист не успел он, умолчал. Где-то вдалеке от нас раздался оглушительный грохот он заставил нас с Кристом подскочить от неожиданности. Снаружи «аплинариума» стояла Жанна молотившая по одной из прозрачных стен исполинскими кулаками. Она настолько сильно прижалась к стеклу лицом — так, что у неё расплющился нос, а красивые привлекательные черты лица напомнили жуткую маску жутко — разъярённого клоуна.

— Я больше не намерена глотать это дерьмо! — орала во все горло Фурия. — Как же я ненавижу твои чёртовы гребанные таблетки, ты меня понял?

Крист приоткрыл небольшое окошко в прозрачной стене и ответил разбушевавшейся пациентке:

— Поговорив потом, когда ты немного успокоишься и придёшь в себя Фурия.

— Во общем — так я тебя предупредила! Я больше не намерена пить таблетки которые ты даёшь мне каждое утро! Мне становится жутко плохо!

— В конце концов я заканчиваю разговор. Пожалуйста, запишитесь ко мне на приём, и тогда мы всё обсудим. А сейчас отойдите от стекла, и не смейте биться от него лбом оно тонированное — произнёс Крист.

Фурия помедлила и через мгновение отлепилась от прозрачного стекла, оставив на нём мутный след от прижатых носа и щёк.

— Ну ничего себе у неё характер, — пробормотал я, глядя в её удаляющуюся женскую фигуру.

— Да характер не подарок потому — что очень трудный, — буркнул сквозь зубы Крист.

— Бедняжка Фурия, — сочувственно произнесла Дринда.

— Так и за что она тут? — поинтересовался я.

— Двойное убийство, — ответил Крист. — Фурия задушила родную мать и младшую сестру, пока те спали в своих комнатах.

Я снова посмотрела на Фурию. Она подошла к группе пациентов, возвышаясь над ними, словно у неё в этот момент сорвало башню. Кто-то сунул ей в руку, смятую денежную купюру, и женщина быстрыми ловкими движениями убрала её в свой расстегнутый карман.

А потом я заметил Элисон. Она одиноко сидела в другом дальнем конце коридора, глядя в окно. Я задержал на ней пристальный взгляд, Крист заметил как я таращусь на неё.

— Кстати, я тут недавно беседовал с профессором об Элисон. Хочу снизить ей «Цицерон» до шести миллиграмм, — заявил Крист.

— Ну понятно.

— Думаю, тебе стоило бы это узнать. Я краем уха слышал, ты пытался провести с Элисон сеанс.

— Да верно.

— Сейчас на данный момент с неё нельзя спускать глаз. Посмотрим, как онаотреагирует на изменение. И да ещё: в следующий раз, когда тебе вздумается корректировать лечение моих пациентов, советую обращаться непосредственно лично напрямую ко мне, а не ябедничать втихаря Диомосу, — по полной отчеканил Крист, придавив меня своим взглядом.

— Так, а я даже и не ябедничал, — проговорил я, улыбаясь Кристу. — И я вполне могу поговорить с тобою напрямую.

Над нами повисла неловкая пауза. Он кивнул, видимо приняв какое-то серьёзное решение.

— Надеюсь, ты понимаешь, что у Элисон пограничное расстройство личности? Это уже никогда не лечится. Советую, тебе не тратить время впустую.

— Интересно откуда возникла такая уверенность в её диагнозе, если она ничего не может говорить?

— Элисон не ни может говорить она просто не желает.

— Что ты хочешь сказать, она симулирует?

— Да, если уж всё зашло слишком далеко.

— А что если Элисон притворяется, то причём здесь её пограничное расстройство личности?

Крист раздражённо смотрел на меня. В разговор внезапно вмешалась Дринда:

— При всём моем уважении, хочу заметить, что общие понятия вроде «пограничного расстройства личности» напускают туманность и её несут в себе никакой полезной информации. Мы с Крист часто дискутируем по этому поводу, — мягко произнесла Дринда.

— А что вы думаете о состоянии Элисон? — поинтересовался я.

— У меня скорее к Элисон проявляются материнские чувства, — немного помедлив, ответила Дринда. — Это мой личный контр перенос: вот что именно она во мне вызывает. Думаю, Элисон просто необходимо, чтобы о ней позаботились. — Тут Дринда с ласковой улыбкой взглянула на меня. — И теперь у неё наконец-то появился шанс. У неё появились

вы, Теди.

Крист резко вызывающе засмеялся.

— Уж простите за мою скромную непонятливость, но как вы себе представляете лечение Элисон, если она даже не разговаривает и ни на что не реагирует? — редко проговорил он, обращаясь к Дринде.

— А вы не знаете терапия никак не ограничивается беседой, — спокойно пояснила она. — В первую очередь нужно создать безопасную благоприятную среду. А что касается живого общения, основной поток коммуникации происходит через невербальные источники — это вы и без меня прекрасно знаете.

— Ну удачи, тебе приятель, — буркнул Крист, вскинув на меня недоброжелательный взгляд. — Она тебе ещё понадобится.

4.

— Добрый день, Элисон! — поздоровался я.

Прошло лишь всего несколько дней с тех пор, как Элисон снизили дозу седативного препарата, но эффект был всё — же очевидным. Движения стали быстрее, с глаз словно спала белая пелена — взгляд сделался чётче и намного яснее. Элисон превратилась в совершенно другого человека.

Элисон стояла на пороге кабинета с Юрцевым и смотрела на меня во все открытые глаза, словно видела меня впервые: изучала каждую мою черточку, явно прикидывая, что я за человек. Интересно, что в тот момент творилось в голове Элисон? Судя по всему, вердикт мне вынесли положительный: она решилась зайти внутрь и даже села в кресло без какого — либо приглашения. Я кивнул Юрцеву, давая понять, что он наконец свободен. Медбрат ещё немного постоял в кабинете, а потом вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Мы с Элисон сидели напротив друга. И какое-то время молчали. За окном барабанил дождь, и в неполной тишине было слышно, как по стеклу барабанят капли дождя.

— Как вы себя чувствуете Элисон? — спросил я.

На мой поставленный вопрос я не услышал ответа от Элисон. Широко распахнутые глаза Элисон смотрели на меня в упор, не мигая. Я уже собирался задать очередной вопрос, когда меня тут — же осенило: нужно перебороть соблазн заполнить пустоту словами. Просто поддерживать молчание, сидя рядом с ней. Я должен был наладить общение с Элисон каким-то другим, нелиберальным, путём. Необходимо было донести до неё мысль, что говорить было не обязательно, что мы можем вот так спокойно сидеть рядом, что здесь безопасно и я не причиню никакого ей вреда. Только завоевав доверие Элисон, я смогу двигаться дальше. И это займёт время, процесс не будет долгим и рутинным. Дело пойдёт на лад. Медленно, но в итоге мы сдвинемся с мёртвого пути как айсберг.

Мы с Элисон сидели в тихом молчании. В висках у меня начинало неприятно пульсировать. Первый вестник начинающейся головной болью. У меня какой-то красноречивый симптом. На ум пришла одна лишь фраза Рутины: «Хороший психотерапевт восприимчив к чувствам пациентов, но присваивать их себе нельзя». Получалось, что пульсация в моей голове — вовсе не моя головная боль. Она принадлежала Элисон. И тут на меня накатила угрюмая волна тоски, осталось единственное желание — умереть, умереть, умереть... Я прекрасно понимал, что и это вовсе не мои переживания. Я ощущал то, что происходит с Элисон. Сидел и молчал, а голова раскалывалась от жуткой адской боли, желудок скручивался в тугий узел... Казалось, прошла целая вечность. Наконец я взглянул на часы: сорок шесть минут уже истекли.

— На этом мы пока завершим, — произнес я.

Элисон опустила голову и уставилась на колени. И я больше не выдержал.

— Я здесь, чтобы помочь тебе! — горяченно, искренне прошептал я. — Пожалуйста, Элисон довертись мне! Я хочу открыть вам глаза на правду.

«Вы никогда не сможете мне помочь! — кричали в ответ её глаза. — Взгляните на себя: вы едва справляетесь с самим собой! Притворяетесь таким мудрым, будто знаете всё на свете, а на самом деле лечить нужно вас! Вы безумец! Подлый обманщик! Лжец! Лжец...»

Я долго смотрел в глаза Элисон — и внезапно понял, что весь сеанс не давал мне покоя. Психотерапевты довольно быстро учатся распознавать признаки душевного расстройства: от особенностей поведения до речи и нехорошего блеска в глазах. Мы сразу подмечаем слишком тревожный взгляд, страх, помешательство. В случае с Элисон, несмотря на долгие годы лечения, на всё то, что она сделала и пережила, её глаза оставались такими — же чистыми, словно в небе в ясный летний день. Элисон не была сумасшедший! Так что же тогда с ней случилось? Что читалось во взгляде этих голубых глаз? Я никак не мог подобрать верного слова. Ее глаза... Сводили меня с ума.

Прежде чем я сумел сформулировать свою мысль, Элисон вскочила с кресла и бросилась на меня, хищно вытянув руки. Я даже не успел отодвинуться в сторону, и мы упали на пол. Я с грохотом стукнулся затылком Элисон, обрушившись сверху всем своим весом, в исступлении схватила мою голову руками и начала бить об пол: ещё, и ещё, и затем ещё. Потом стала царапать моё лицо, давала пощечины. Мне пришлось напрячь все свои силы, чтобы сбросить её с себя.

Я отполз к столу и наконец добрался до портативного датчика сигнализации. Однако нажать на кнопку я не успел — Элисон выбила устройство из моих рук.

Её пальцы, будто клещами, сдавливали моё горло, душили я начал задыхаться.

— Элисон... — Прошипел я, тщетно пытаюсь дотянуться до заветной кнопки.

Её руки ещё сильнее сомкнулись на моей шее. Я тянулся к устройству, но не мог достать до неё. Её пальцы сжались ещё сильнее — у меня не хватило дыхания. И вдруг мне каким-то чудом удалось извернуться. Я схватил устройство и нажал на кнопку. Оглушительно взвыла сирена. Будто сквозь вату я услышал, как открылась дверь и Юрцев прокричал, что тут нужна помощь. Элисон оттащили, разомкнув её руки, и я жадно глотнул воздуха.

Чтобы скрутить Элисон, понадобилось три медсестры — Элисон извивалась, дралась и брыкалась, как словно одержимая. В тот момент Элисон ничем не напомнила человека — скорее какого-то дикого зверя, разъярённого чудовища. В кабинет ворвался Крист и сделал ей укол. Элисон потеряла сознание. Наконец-то всё стихло...

5.

— Сейчас немного пощиплет, — предупредил Юрцев, открыв флакон и пропитывая жидкостью марлевую салфетку.

Мы сидели в «апларинариуме», и Юрцев собирался обработать мои кровотачище царапины. Едкий запах напомнил мне о школьном медицинском кабинете, куда я часто попадал с содранными локтями и коленками после «сражений» на игровой площадке. До сих пор помню ощущение чудесного тепла и уюта, когда школьная медсестра обрабатывала и забинтовывала мои боевые раны, а потом в подарок за мою храбрость вручала леденец из жженого сахара.

Обжигающая боль от антисептика резко вернула меня к суровой действительности. Увы, мои нынешние раны оказались несколько серьёзнее чем когда-то в школе.

— Такое ощущение, будто я получил по голове молотком, — кривясь от боли, пожаловался я.

— Да, у вас на затылке большая гематома, — с участием произнес Юрцев. — Завтра вырастет большая шишка. Надо понаблюдать. Нельзя было оставлять вас с ней наедине! — горестно вздохнул Юрцев.

— Всё же это я настаивал.

— Да уж, — проворчал он.

— Отдельное вам спасибо за то, что не добиваете меня фразой «а я вас предупреждал».

— Да не беспокойтесь, вы ещё услышите эту фразу от профессора. Кстати, он просил вас зайти к нему в кабинет.

— Ну ясно.

— Если честно не хотелось бы оказаться на вашем месте.

Покряхтывая, я поднялся со стула.

— Нет спешите, — посоветовал Юрцев, внимательно глядя на меня. — Подождите минутку. Вы уверены, что можете идти сами? Если почувствуете тошноту или же головную боль, немедленно дайте мне об этом знать!

— Я в полном порядке, даю вам честное слово.

Я, конечно, немного лукавил, но, говоря по своей совести, мой вид был гораздо плачевнее самочувствия. Глубокие царапины на коже, гематомы там, где её пальцы сдавливали моё горло, и запекшаяся от глубоко впившихся ногтей — всё это выглядело ужасно.

Я постучал в дверь кабинета профессора. При виде меня глаза Диомоса чуть не выскочили из орбит.

— Ох-ох-ох, — забормотал он в растерянности. — Вам нужно наложить швы?!

— Нет-нет, что вы. Я в порядке.

Профессор недоверчиво оглядел меня и провел внутрь.

— Вопрос заключался в том что мне с этим делать. Можно было бы не обращать внимания на этот факт никакого внимания. Или напрочь всё отрицать. Или вообще притворяться, что в этом курсе главное — вы. Или мы можем допустить, что психотерапия — двусторонний процесс, и начать работать в данном формате. Тогда мы действительно получим шанс сдвинуться с мёртвой точки.

Я поднял руку, демонстрируя Элисон обручальное кольцо на пальце.

— Вот это кольцо на моём пальце здесь не просто так, ведь верно? И оно говорит вам о чём-то, не так ли Элисон?

Взгляд Элисон медленно переместился в сторону руки с моим кольцом.

— Оно говорит о том что я женатый мужчина. А это значит, у меня есть жена. Мы женаты почти десять лет.

Ответа не последовало. Но Элисон по — прежнему смотрела на кольцо.

— Вы прожили в браке восемь лет, ведь так? — уточнил я.

Элисон по — прежнему хранила молчание.

— Я очень люблю свою жену. А вы любили своего мужа?

Глаза Элисон метнулись к моему лицу. Мы уставились друг на друга.

На мой поставленный вопрос я не услышал ответа от Элисон. Широко распахнутые глаза Элисон смотрели на меня в упор, не мигая. Я уже собирался задать очередной вопрос, когда меня тут — же осенило: нужно перебороть соблазн заполнить пустоту словами. Просто поддерживать молчание, сидя рядом с ней. Я должен был наладить общение с Элисон каким-то другим, нелиберальным, путём. Необходимо было донести до неё мысль, что говорить было не обязательно, что мы можем вот так спокойно сидеть рядом, что здесь безопасно и я не причиню никакого ей вреда. Только завоевав доверие Элисон, я смогу двигаться дальше. И это займёт время, процесс не будет долгим и рутинным. Дело пойдёт на лад. Медленно, но в итоге мы сдвинемся с мёртвого пути как айсберг.

Мы с Элисон сидели в тихом молчании. В висках у меня начинало неприятно пульсировать. Первый вестник начинающейся головной болью. У меня какой-то красноречивый симптом. На ум пришла одна лишь фраза Рутины: «Хороший психотерапевт восприимчив к чувствам пациентов, но присваивать их себе нельзя». Получалось, что пульсация в моей голове — вовсе не моя головная боль. Она принадлежала Элисон. И тут на меня накатила угрюмая волна тоски, осталось единственное желание — умереть, умереть, умереть... Я прекрасно понимал, что и это вовсе не мои переживания. Я ощущал то, что происходит с Элисон. Сидел и молчал, а голова раскалывалась от жуткой адской боли, желудок скручивался в тугий узел... Казалось, прошла целая вечность. Наконец я взглянул на часы: сорок шесть минут уже истекли.

— На этом мы пока завершим, — произнес я.

Элисон опустила голову и уставилась на колени. И я больше не выдержал.

— Я здесь, чтобы помочь тебе! — горяченно, искренне прошептал я. — Пожалуйста, Элисон довертись мне! Я хочу открыть вам глаза на правду.

«Вы никогда не сможете мне помочь! — кричали в ответ её глаза. — Взгляните на себя: вы едва справляетесь с самим собой! Притворяетесь таким мудрым, будто знаете всё на свете, а на самом деле лечить нужно вас! Вы безумец! Подлый обманщик! Лжец! Лжец...»

Я долго смотрел в глаза Элисон — и внезапно понял, что весь сеанс не давал мне покоя. Психотерапевты довольно быстро учатся распознавать признаки душевного расстройства: от особенностей поведения до речи и нехорошего блеска в глазах. Мы сразу подмечаем слишком тревожный взгляд, страх, помешательство. В случае с Элисон, несмотря на долгие годы лечения, на всё то, что она сделала и пережила, её глаза оставались такими — же чистыми, словно в небе в ясный летний день. Элисон не была сумасшедший! Так что же тогда с ней случилось? Что читалось во взгляде этих голубых глаз? Я никак не мог подобрать верного слова. Ее глаза... Сводили меня с ума.

Прежде чем я сумел сформулировать свою мысль, Элисон вскочила с кресла и бросилась на меня, хищно вытянув руки. Я даже не успел отодвинуться в сторону, и мы упали на пол. Я с грохотом стукнулся затылком Элисон, обрушившись сверху всем своим весом, в исступлении схватила мою голову руками и начала бить об пол: ещё, и ещё, и затем ещё. Потом стала царапать моё лицо, давала пощечины. Мне пришлось напрячь все свои силы, чтобы сбросить её с себя.

Я отполз к столу и наконец добрался до портативного датчика сигнализации. Однако нажать на кнопку я не успел — Элисон выбила устройство из моих рук.

Её пальцы, будто клещами, сдавливали моё горло, душили я начал задыхаться.

— Элисон... — Прошипел я, тщетно пытаюсь дотянуться до заветной кнопки.

Её руки ещё сильнее сомкнулись на моей шее. Я тянулся к устройству, но не мог достать до неё. Её пальцы сжались ещё сильнее — у меня не хватило дыхания. И вдруг мне каким-то чудом удалось извернуться. Я схватил устройство и нажал на кнопку. Оглушительно взвыла сирена. Будто сквозь вату я услышал, как открылась дверь и Юрцев прокричал, что тут нужна помощь. Элисон оттащили, разомкнув её руки, и я жадно глотнул воздуха.

Чтобы скрутить Элисон, понадобилось три медсестры — Элисон извивалась, дралась и брыкалась, как словно одержимая. В тот момент Элисон ничем не напомнила человека — скорее какого-то дикого зверя, разъярённого чудовища. В кабинет ворвался Крист и сделал ей укол. Элисон потеряла сознание. Наконец-то всё стихло...

5.

— Сейчас немного пощиплет, — предупредил Юрцев, открыв флакон и пропитывая жидкостью марлевую салфетку.

Мы сидели в «апларинариуме», и Юрцев собирался обработать мои кровотошащие царапины. Едкий запах напомнил мне о школьном медицинском кабинете, куда я часто попадал с содранными локтями и коленками после «сражений» на игровой площадке. До сих пор помню ощущение чудесного тепла и уюта, когда школьная медсестра обрабатывала и забинтовывала мои боевые раны, а потом в подарок за мою храбрость вручала леденец из жженого сахара.

Обжигающая боль от антисептика резко вернула меня к суровой действительности. Увы, мои нынешние раны оказались несколько серьёзнее чем когда-то в школе.

— Такое ощущение, будто я получил по голове молотком, — кривясь от боли, пожаловался я.

— Да, у вас на затылке большая гематома, — с участием произнес Юрцев. — Завтра вырастет большая шишка. Надо понаблюдать. Нельзя было оставлять вас с ней наедине! — горестно вздохнул Юрцев.

— Всё же это я настаивал.

— Да уж, — проворчал он.

— Отдельное вам спасибо за то, что не добиваете меня фразой «а я вас предупреждал».

— Да не беспокойтесь, вы ещё услышите эту фразу от профессора. Кстати, он просил вас зайти к нему в кабинет.

— Ну ясно.

— Если честно не хотелось бы оказаться на вашем месте.

Покряхтывая, я поднялся со стула.

— Нет спешите, — посоветовал Юрцев, внимательно глядя на меня. — Подождите минутку. Вы уверены, что можете идти сами? Если почувствуете тошноту или же головную боль, немедленно дайте мне об этом знать!

— Я в полном порядке, даю вам честное слово.

Я, конечно, немного лукавил, но, говоря по своей совести, мой вид был гораздо плачевнее самочувствия. Глубокие царапины на коже, гематомы там, где её пальцы сдавливали моё горло, и запекшаяся от глубоко впившихся ногтей — всё это выглядело ужасно.

Я постучал в дверь кабинета профессора. При виде меня глаза Диомоса чуть не выскочили из орбит.

— Ох-ох-ох, — забормотал он в растерянности. — Вам нужно наложить швы?!

— Нет-нет, что вы. Я в порядке.

Профессор недоверчиво оглядел меня и провел внутрь.

Глава 13

Я неохотно взял ему полпинты. Мы уселись за столик в самом дальнем углу. Маленький карлик огляделся украдкой и вытащил из-под стола небольшой свёрток, замотанный в целлофановый пакет. Я осторожно осмотрелся по сторонам, а затем передал ему деньги.

Наконец-то добравшись до дома, я даже уже и не сомневался, что меня обманули. Однако стоило мне развернуть упаковку, и в ноздри резко ударил знакомый едкий аромат. Внутри лежали крошечные синие с сероватыми прожилками, бутоны. Сердце заколотилось, словно я снова повстречал давно потерянного мною друга... И, правду говоря, так оно на самом деле и было... С тех всё пошло-поехало: как только я хотя-бы на несколько часов оставался в квартире один и точно знал, что Кэт вернётся не в скором, времени в моих руках тут же оказывался косяк.

Усталый и опустошенный, я приоткрыл в ванной окошко и выпускал наружу дым. Но затягивался я слишком часто и слишком сильно, поэтому меня здорово накрыло — полный нокаут. Я так накурился, что еле передвигал своими ногами, будто я брел сквозь густую жижу. Затем я постарался замести следы, проделав весь ритуал: побрызгал в ванной освежителем воздуха, почистил зубы, принял душ и, с трудом дойдя до гостиной, в изнеможении рухнул на диван.

Я огляделся в поисках пульта от телевизора, но я нигде его не заметил. А потом увидел, что на кофейном столике из-за открытой крышки ноутбука Кэт торчит краешек пульта. Я потянулся к пульту, однако «трава» настолько затуманила мой мозг, что ноутбук полетел на пол. Я вернул его обратно и открыл крышку. От моих действий экран ноутбука неожиданно ожил: Кэт посматривала почту и не вышла со своей страницы. По какой-то причине я продолжал пялиться на страницу с электронной почты супруги. Меня как — будто загипнотизировали на месте. Её почта притягивала к себе мой взгляд, манила. И я никак не мог оторваться. Вдруг глаза выхватили часто повторяющиеся в заголовках писем слова «сексуальный» и «шлюшка». Писем оказалась целая вереница, и всё было от некоего «ХУЛИГАНА 21».

И только зачем я полез дальше! Почему же не встал с дивана и не ушёл?

Я навёл мышку на самое свежее письмо и открыл его.

Re: маленькая миссис шлюшка.

Еду в автобусе. Страстно дико хочу тебя. Кожа на моём осеннем пальто пахнет тобой. Чувствую себя грязной прошлой девчонкой. Целую.

Я переложил ноутбук супруги себе на колени и ещё долго не мог оторвать взгляд от экрана. Не знаю, сколько я так просидел одиннадцать минут? Пятнадцать? Час? Не имею ни малейшего понятия. Я словно потерял ощущение времени. Я изо — всех сил пытался осознать, что это было, но из-за марихуаны голова вообще не работала. Действительно ли я прочёл письма на компьютере или мне всё это привиделось? Или просто такой розыгрыш, который я не понимаю, потому что мой разум одурманен травой?

Я заставил себя ещё один раз прочесть одно письмо. И ещё. В итоге я ознакомился со всей перепиской Кэт с ХУЛИГАНОМ 21. Некоторые её послания звучали фривольно, некоторыми местами даже похабно. Другие же оказались длиннее, эмоциональное — в этих длинных письмах Кэт изливала свою душу. Возможно, она была пьяна и печатала их поздно ночью, когда я уже спал в спальне. Перед мысленным взором возникла яркая картина: я в нашей спальне в кровати, а Кэт сидит здесь и шлёт неприличные этому незнакомцу, с которым она регулярно трахается.

Наконец-то наркотический дурман выветрился, и время снова понеслось как всадник. Голова неожиданно прояснилась я почувствовал ослепляющую, болезненную трезвость. Желудок скрутился в узел, и я, отбросив ноутбук, помчался в ванную; упал на колени рядом с унитазом, и мои внутренности сотряс рвотный спазм.

— Сегодня совершенно всё по — другому, — заметил я.

Ответа не последовало. Элисон сидела в кресле напротив меня, слегка повернув голову в сторону окна. На её теле не дернулась ни одна мышца, спина была полностью вытянута в струнку, как у виолончели ста или у солдата на параде.

— Я всё думаю о том, как закончился наш предыдущий сеанс: вы на меня набросились, и я был вынужден вызвать на помощь медсестёр.

И снова я услышал в ответ молчание. Тогда я помедлил.

— Вот мне интересно, что именно вы бы хотели для себя выяснить? К примеру, не робкого ли я десятка? Надеюсь, теперь понятно, что меня не так — то уж и просто напугать. Кидайтесь на меня сколько угодно — я всё выдержу.

Элисон смотрела сквозь зарешеченное окно на свинцово — серое небо. Я сделал небольшую паузу, затем продолжил:

— Я должен кое-что вам рассказать, Элисон. Пожалуйста, поймите, что я вам не враг. Очень надеюсь, что однажды, вы поймёте это. Безусловно, чтобы добиться человеческого доверия, нужно какое-то время. Мой собственный психотерапевт любила говорить, что тесная связь требует наличия аналогичного опыта, тогда можно получить ответы на свой вопрос. И такие вещи в один миг не случаются.

Элисон уставилась на меня своим непроницаемым взглядом. Шли секунды. Минуты. Это больше напоминало тест на выносливость, чем психотерапевтический сеанс. С какой бы стороны я ни пытался зайти, везде неизменно упирался в тупик. Возможно, я действительно тратил время впустую. Похоже, Крист верно отметил, что крысы первыми бегут с тонущего корабля. Что же я тут тогда делаю? Зачем карабкаюсь на борт этой развалины, да ещё и привязываюсь к матче? Чтобы погибнуть на дне морском? Ответ на все мои заданные вопросы, как вы понимаете, находился в кресле напротив. Говоря словами профессора Диомоса, Элисон, словно молчаливая сирена, манила меня к верной гибели.

Я дошёл до главной точки. От отчаяния мне хотелось прокричать ей: «Ну, скажите вы хоть что-нибудь!!! Что угодно!!! Просто поговорите со мной!!! Но я поступил иначе, рискнув нарушить правила ведения сеанса. Мне надоело ходить вокруг да около, и я перешёл непосредственно к главному делу.

— Предлагаю поговорить о вашем молчании, — заявил я. — Что оно означает? Каково это — всё время держать рот на замке? И самое главное: почему вы перестали со мной разговаривать?

Элисон смотрела куда-то в другую сторону. Интересно, слушала ли она меня вообще?

— Сижу я тут с вами, значит, а в голове всё время маячит картинка: человек, др адской боли кусающий свой кулак, чтобы только не заорать, лишь бы сдержать рвущийся наружу крик. Помню, когда я сам начинал ходить к психотерапевту, то очень старался не заплакать. Я дико боялся, что не выдержу и утону в своих собственных слезах, когда «плотину» наконец прорвет. Возможно, и вас обуревают схожие чувства. Вот поэтому я готов ждать, пока вы не почувствуете себя в полной безопасности рядом со мной, пока вы не поймёте, что не утонете в водовороте вырвавшихся из — под контроля эмоций. Я буду топтаться в этом бурном потоке здесь, вместе с вами.

Снова тишина.

— В работе я придерживаюсь релятивистского похода, — проговорил я. — Вы знаете, что это означает?

И снова в ответ я слышу молчание.

— Это означает, что Фредерик кое в чем всё — же ошибался. Вопреки его убеждению, психотерапевт никак не может быть «чистым листом». Мы всё время невольно выдаём о себе массу информации: например, по цвету моих носков или по тому, как я сижу и разговариваю, обо мне можно узнать ещё очень многое. Несмотря на все мои попытки не раскрываться, я тем не менее показываю вам, кто я такой на самом деле.

Элисон посмотрела на меня. Она смотрела словно в упор, её подбородок слегка подрагивал. Неужели в этих голубых глазах светился вызов? По крайней мере, она отреагировала на мои слова!

Я уселся в кресле поудобнее и продолжил разговор:

Необязательно быть психологом, чтобы о чём-то догадаться: Кэти оставила ноутбук открытым, желая (по крайней мере, подсознательно) дать мне в руки доказательства о своей неверности. Ну что ж, теперь я их сам получил. Теперь я знал всё наверняка. Поздним вечером когда Кэт вернулась, я не стал закатывать сцену ревности — я притворился спящим, а утром ушёл на работу, пока Кэт ещё не проснулась. Я избегал Кэт — точнее, пытался избегать самого себя. Я находился в состоянии шока. Я понимал, что нужно срочно взглянуть правде в лицо — даже если потеряю самого себя. «Возьми себя в руки Бренд!» — бормотал я, сворачивая очередной косяк. Выкурил его в приоткрытое окошко, а потом, слегка под кайфом, отправился на кухню за вином.

Бокал выскользнул из моих рук, я попытался подхватить его во время падения, однако мне не удалось. От удара о столешницу бокал разбился, во вдребезги и я по инерции приложился рукой к острому осколку стекла, перерезав себе палец. Всё вокруг меня тут же оказалось в крови. Кровавое пятно алело на разбитом бокале, кровь текла по моей руке и смешивалась с лужицей белого вина, пролитого на стол. Я кое-как оторвал кусок бумажного полотенца и попытался потуже обмотать палец, чтобы остановить кровотечение. Затем поднял руку над головой и смотрел, как вдоль запястья к локтю бежали тонкие алые ручейки: они сливались и расходились, имитируя сложный узор вен.

Я задумался о Кэт. Случалось ли в моей жизни катастрофа или просто что-то болело, на душе я всегда обращался за поддержкой к супруге. Мне было необходимо нужно, чтобы она присматривала за мной. Вот и сейчас я чуть не позвал её на помощь... Не успела эта мысль промелькнуть в моей голове, как перед мысленным взором возник образ двери, которую я быстро захлопываю и запираю на ключ, надёжно отделяя от себя Кэт. Отныне моя жена исчезла навсегда. В моей жизни её больше нет. Мне жутко хотелось заплакать, но слёзы никак не шли: боль спряталась глубоко внутри, под толстым слоем грязи и дерьма.

— Чёрт, — бормотал я, — Ох боже мой черт...

В какой-то задумчивый момент я уловил тиканье наручных часов. Звук впервые показался мне непривычно громким. Я нарочно стал вслушиваться, чтобы остановить бешеный водоворот своих мыслей. Тик — так, тик-так... Хор голосов в моей голове постепенно набирал свою мощь. С чего я вообще взял, что Кэт никогда мне не изменяла? Это кажется просто невозможно. Это было бы неизбежно. Кто я для неё такой, чтобы она хранила мне верность? Это в любом случае произошло бы. Я никогда в жизни не был для неё достаточно хорошим мужчиной. Я всего-навсего бесполезный, ни к чему не пригодный уродец — я для неё пустое место. Ясное дело, рано или поздно она устала бы от меня. Я впредь не заслуживал Кэт. Я не заслуживал хорошей жизни с ней в принципе... Адский хор орал снова и снова, обрушивая на меня одну ужасную мысль за другой.

Оказывается, я настолько плохо знал свою супругу. Прочитав её электронные письма, я наконец понял, что живу с мало знакомым мне человеком. Наконец-то я разглядывал её истинное положение дел: Кэт не спасала меня вовсе. Она вообще не могла никого спасти. Она — не героиня, достойная восхищения, а всего — лишь испуганная девчонка, живущая одним враньем и хитрыми уловками. Красивая легенда про нас, которую я сам и сочинил, радости и горести, планы, то общее, что в нас было, и наши различия, и наша жизнь, которая казалось такой устойчивой и защищённой, — всё рассыпалось в один миг, словно карточный

дом от дуновения сильного ветра.

В моей памяти всплыла неудавшаяся попытка самоубийства в университете: я разрываю неловкими от холода пальцами упаковки с парацетамолом. Сейчас меня накрыла такая же беспросветная тьма. Мне хотелось только одного — свернуться клубочком и просто умереть. Я подумал о своей матери. Может, ей позвонить? Обратиться за помощью в момент отчаяния и нужды? Я представил, как она отвечает на звонок, говорит дрожащим голосом. То, как сильно дрожал голос моей матери, зависело от настроения моего отца и от того, пила ли она или нет. Она конечно, выслушает с глубоким сочувствием, но мыслями она будет не со мной рядом: одним глазом мама вынуждена присматривать за психически — больным отцом, наблюдать за ним как за беспомощным маленьким щенком который ещё не в состоянии отправиться во взрослую жизнь. Чем же она сможет мне помочь? Как одна тонущая крыса может спасти другую?

Мне нужно было выбраться из квартиры. Я задыхался — здесь, именно в этом месте, наполненном вонью этих красных хризантем. Вон отсюда! На свежий воздух!

Засунув руки в рукава и опустив голову, я быстро шагал по улицам. Метался по городу без намеченной цели, прокручивая в голове наши с Кэт отношения. Внимательно анализировал, припоминал малейшие подробности и всё искал зацепку. Думал о некоторых странностях в поведении Кэт: резкие перепады настроения, внезапные поездки, как часто она в последнее время возвращалась домой в очень позднее время. А ещё мне на память пришли адресованные мне ласковые записки, которые Кэт прятала в самых ценных неожиданных местах, моменты нежности и настоящей, неподдельной любви. Возможно ли это? Неужели она всё это время пряталась от меня? Или притворялась что на самом деле любит или когда-нибудь любила?

Неожиданно вспомнилось мимолетное сомнение, закрывшееся в глубину души во время встречи с подругами моей жены. Все они были актрисами. Громкие, самовлюбленные, напряжённые. Одна за другой сыпали рассказами о себе или других не известных мной людей. Я будто перенесся на много лет назад и вновь одиноко топтался возле школьной игровой площадки, глядя на то, как играют другие дети. Тогда я убедил себя, что Кэт вовсе не такая, как все и её друзья она несомненно отличалась от них. Но на деле оказалось, что это я сам себя обманывал. Если б я впервые увидел Кэт в окружении подруг, в тот первый вечер в баре, то наверное это бы оттолкнуло бы меня от неё подальше? Это вряд-ли. Ничто не могло помешать нам стать парой влюблённых: я знал, что Кэт уготован мне, с того самого момента, как я впервые увидел её в белом кружеве платье до пола.

Что же мне теперь делать? Разумеется открыто высказать своё недовольство! Поведать обо всём, что я тогда увидел. Поначалу она, конечно, станет отпираться. А потом, осознав, что правду не утаишь, признается в своих грехах и упадёт на колени, обуреваемая угрызениями совести. Будет молить о прощении. Ведь именно так? А если засмеяться мне в лицо, развернётся и уедет навсегда? То, что же тогда?!

Из нас двоих в случае разрыва отношений я потеряю больше. Это же очевидно. Кэт наверняка выживет. «Я кремень», — часто говорила она. Кэт снова встанет на ноги, отряхнет с души, словно это дорожная пыль, воспоминания о прошлом и уверенно забудет обо мне. Зато я её не забуду никогда. Разве я смогу забыть её? Без Кэт меня снова ждут пустота и полное одиночество, жалкое существование, которое я влачил раньше. Я никогда не найду такую, как Кэт, больше не испытаю волшебство особой связи с другим человеком, не переживу те глубочайшие эмоции, которые возникают, только если любишь по —

настоящему. Кэт — любовь всей моей жизни. Моя жизнь!.. Я понял, что не готов отказаться от неё. Ещё не готов. Пусть Кэт и предала меня, я всё равно любил её. Наверное, я просто сошёл с ума...

Над моей головой пронзительно крикнула птица. Вздвогнув от неожиданности, я остановился и посмотрел вокруг. Оказалось, что я ушёл дальше, чем когда-то планировал. Я с удивлением сообразил, куда именно привели меня ноги: через пару улиц находился дом Иланы. В критический момент я неосознанно потянулся к своему психотерапевту, что неоднократно делал в своём прошлом. Здорово же меня накрыло — ведь я почти готов позвонить в звонок и попросить о помощи... А почему бы и нет? Да, я вёл себя слишком непрофессионально, так не делается, но я был в отчаянии и очень нуждался в совете.

Вскоре я уже стоял у знакомой мне белой двери и жал на кнопку звонка. Через пару секунд внутри послышались шаги, в прихожей вспыхнул яркий свет, и Илана приоткрыла дверь, оставив брошенной цепочку. Она ужасно постарела. Наверное, ей уже за семьдесят. Она очень сильно похудела, стала меньше ростом и немного сгорбилась. Поверх белой ночной сорочки Илана набросила коричневый кардиган.

— Кто здесь? — спросила она, подслеповато вглядываясь в кромешную темноту.

— Здравствуйте, Илана, — отозвался я, шагнув ближе к яркому свету.

Илана тут же узнала меня. На лице пожилой женщины отразилось недоумение.

— Бренд, что ты здесь делаешь... — Её глаза метнулись от моего лица к пораненному и наспех замётанному пальцу. Сквозь повязку сочилась кровь. — Ты в порядке?

— Нет не совсем. Можно зайти в дом? Мне очень нужно с вами поговорить.

Илана ни мгновения не колебалась.

— Конечно. Входи. — Она кивнула с обеспокоенным лицом и, сняв цепочку, распахнула дверь настежь.

Я шагнул внутрь дома.

9.

— Чаю хочешь Бренд? — заботливо спросила Илана по пути в гостиную.

Комната осталась точно такой, же как я её и запомнил: большой ковёр, плотные красные шторы, на каминной полке тикают серебряные часы, рядом кресло и кушетка с выцветшей синей обивкой. Мне сразу стало на душе спокойно.

— Если честно, то я бы сейчас не отказался от чего — nibудь покрепче, — сообщил я.

Илана кинула на меня быстрый внимательный взгляд, но она не отказалась угостить меня выпивкой, чего я втайне почти ожидал. Она налила стакан шерри и вручила мне. В силу привычки я уселся на дальний левый край кушетки, а руку положил на подлокотник, как делал каждый раз, когда приходил сюда на сеанс психотерапии. Ткань на подлокотнике истиралась от нервно трепавших её пальцев многочисленных пациентов Илана.

Вино оказалось тёплым, приторным до тошноты, однако я допил до дна. Я отчетливо ощущал на себе взгляд Иланы — пристальный, но не давящий, не создающий неловкости. За девятнадцать лет нашего знакомства она ни разу не заставила меня почувствовать дискомфорт. Вот и сейчас терпеливо ждала, пока я молча глотал шерри.

— Меня посетило странное чувство: сижу здесь со стаканом вина. Знаю, что не в ваших правилах предлагать пациентам алкоголь, — наконец подал голос я.

— Ты мне больше не пациент, а просто друг давнего знакомства. И, похоже, тебе самому сейчас не помешает помощь друга.

— Неужели я настолько плохо выгляжу?

— К сожалению, да. Судя по всему, причина очень серьезная. Иначе ты бы не пришёл без приглашения в двенадцать часов ночи.

— Вы правы Илана... Мне просто больше не к кому пойти.

— Рассказывайте, Бренд. Что случилось?

— Даже не знаю, с чего мне начать.

— Давайте — ка с самого начала.

Глава 19

Я сделал глубокий вдох и стал рассказывать Илане обо всём, что произошло. Я признался, что вновь курить марихуану, что делал это втихаря, и как под кайфом прочёл переписку Кэт и узнал об её измене. Я спешил и задыхался, стремясь поскорее скинуть камень с души — будто на исповеди.

Илана с непроницаемым выражением лица слушала не перебивая. Было сложно понять что — либо по её выражению лица.

— Мне очень жаль, Бренд, что всё так внезапно случилось, — наконец сказала она. — Я знаю, как много для тебя значит Кэт. Как сильно ты её любишь.

— Да я люблю её... — Тут я запнулся, не в силах произвести имя моей жены. Мой голос жутко дрожал словно я, находился на холоде.

Илана быстро приподнялась и протянула мне коробочку с салфетками. Раньше я очень злился, когда она так делала. Я жестоко обвинял Илану в том, что она вынуждает меня постоянно плакать. Обычно у неё это получалось. Но не сегодня. Сейчас мои слёзы замёрзли, превратившись в кусок льда.

Я посещал сеансы психотерапии Илана задолго до знакомства с Кэт и два года после. Когда мы с Кэт только начали встречаться, я помню, Илана сказала: «Выбирать любимого человека — примерно так же, что выбирать психотерапевта. А именно — прямо ответить на несколько вопросов: Будет ли этот человек честен со мной, адекватно ли воспримет критику, сумеет ли признать свои ошибки и не станет ли давать неисполнимые обещания?» Я пересказал эти мудрые слова Кэт, и мы поклялись никогда не врать друг другу, сохранять верность и искренность в наших отношениях.

— Что же тогда на самом деле случилось? — спросила у меня Илана. — Что-то в ваших отношениях пошло не так?

Илана ответила не сразу, на то, что я услышал, меня поразило.

— Думаю, ты и сам знаешь, в чем дело. Осталось только признаться себе в этом.

— Нет. — Я затряс головой. — Я не знаю.

Я возмущенно замолчал, а потом вдруг перед глазами возник образ Кэт, строчащей все эти послания, такие страстные и запретные. Казалось, она получала кайф от самого процесса переписки, от того, что вступила с тем мужчиной в тайные отношения. Кэт с наслаждением вралась и скрывалась. Она словно играла роль, только не на сцене, а в жизни.

— Думаю, Кэт стало скучно, — заключил я.

— Почему ты так решил Бренд?

— Потому что она жаждет эмоций, драмы. Она всегда была такой. Некоторое время Кэт стала жаловаться, что мы больше не веселимся, что я вечно натянута, как струна, и слишком много работаю. Мы часто ссорились, и Кэт часто употребляла слово «фейерверк».

— Фейерверк?

— Да. Мол, раньше наши отношения были похожи на фейерверк, а теперь — нет.

— Ну ясно. — Илана кивнула. — Мы с тобой говорили об этом, ведь так?

— Про фейерверк?

В любви мы испытываем разные чувства, согласны? И хорошие, и плохие. Я люблю свою жену — к слову, её зовут Кэт, — но иногда бывает что я злюсь на неё. А временами... Даже ненавижу.

Элисон не отрывала глаз от моего лица. Я чувствовал себя кроликом в свете машинных фар, не мог шелохнуться или отвести взгляд. Устройство сигнализации лежало на столе, возле моей правой руки. Я едва сдерживался, чтобы не взглянуть на красную кнопку. Я понимал, что нужно остановиться, захлопнуть рот. Но это было выше моих сил. И я навязчиво продолжил беседу психотерапевта с пациенткой:

— Когда говоря, что всей душой ненавижу её, я не имел в виду, что вся моя личность ненавидела её. Лишь только часть меня. Хитрость в том, чтобы держаться сразу за оба конца. Одна ваша часть любила Бренда, а другая её ненавидела, — заключил я.

Элисон отрицательно мотнула головой. Быстрое, едва уловимое движение... Ответная реакция! Ну наконец-то! Я задрожал от волнения. Вот тут бы и мне хотелось прервать сеанс, но нет, я решил идти до конца.

— Какая-то часть вас ненавидела Бренда, — произнес я более решительно.

Она ещё раз мотнула головой. Глаза Элисон прожигали меня насквозь. Она начинала на меня сердиться.

— Это правда Элисон. Иначе вы бы его никогда не убили.

И тут Элисон вскочила с кресла. Я инстинктивно напрягся в ожидании нападения. Вместо этого она шагнула к двери и затем набросилась на неё, стала молотить по ней кулаками. Послышался скрежет ключа в замочной скважине, и через мгновение Юрцев резко распахнул дверь. Увидев, что Элисон меня не душит, он немного расслабился. Воспользовавшись открытым проходом, Элисон шмыгнула мимо медбрата и побежала по коридору.

— Тише, тише, не спеши, милая! — крикнул ей вслед Юрцев, а потом быстро повернулся ко мне: — Всё в порядке? Что случилось?

Я ничего не ответил. Он сделал озадаченную гримасу и побежал догонять Элисон, в я остался в кабинете один. Идиот! Редкостный недоумок! Что же я натворил? Какого чёрта стал давить на неё? Слишком сильно, и слишком рано... Я хотел всё и сразу. Крайне непрофессионально и даже глупо. Вместо того чтобы заниматься пациенткой, я вывалил на неё ещё и свои проблемы! Вот что я делала с нами Элисон... Её молчание, подобно зеркалу, показывало наше собственное отражение. И зачастую оно выглядело не лучшим образом.

— Уже не впервые слышу слово любовь. О том, как часто я принимал это серьёзное чувство за «фейерверк» — из-за разрушительных острых ощущений. Многие забывают, что только когда человек ощущает это чувство он забывает, что только настоящая любовь приносит покой и умиротворение. Человеку, живущему жаркими страстями, подобная тишина может показаться скучной жизнью. Любовь это глубокое, чувство спокойствия — и она постоянна. Наверняка именно такими чувствами ты никак не мог отпустить Кэт. Способна ли эта девушка ответить тебе взаимностью, быть на одной с тобой волне — уже совсем другой вопрос.

Я сидел, в кресле уставившись на маленькую коробочку с салфетками. В последнее время мне не нравилось, к чему клонила Дрианда.

— Вообще-то ошибки совершили мы оба, — попытался возразить я. — Я тоже врал Кэт и очень часто. Она не знает про то, что я увлекался в былое время марихуаной.

— Один человек предаёт другого человека духовно и физически, а другой иногда балуется наркотиками и после детского баловства затягивается навсегда... Неужели это для тебя настолько равноценно? Вот ещё одно доказательство насколько вы с друг другом разные люди: тот, кто часто и ловко врал, способен предать партнёра, не мучаясь угрызениями совести.

— Но вы же совсем не знаете этого, человека от слова совсем — с чувством юмора воскликнул я. — Может, Кэт сейчас находится на грани срыва!

Произнеся эти слова, я понял, что сам себе до конца не верил. В мои слова не поверила и Дрианда.

— Это вряд-ли, — с печальной улыбкой проговорила она. — Подобное поведение выдаёт в Кэт трансформацию личности. Ей не хватает способности сопереживать, целостности и элементарной доброты — всего того, что с избытком даровано тебе судьбой.

— Но ведь это совершенно не так, — сопротивлялся я.

— Так, Бренд. — Дрианда помедлила, прежде чем продолжить говорить. — Задумайся, ты же опять наступишь на одни и те же грабли.

— Что-то с Кэт?

— Нет. — Дрианда отрицательно покачала головой. — Я имею в виду ситуацию с твоими родителями. Возможно, ты подсознательно повторяешь запоминающуюся в детстве модель твоего поведения.

— Нет, конечно. — Я чувствовал, как внутри меня растёт раздражение. — То, что происходит между мной и Кэт, не имеет ни какого малейшего отношения к моему детству!

— Да неужели? — удивилась Дрианда. — Бесконечные попытки ублажить человека с его непредсказуемым поведением, взрывными эмоциями, недоброго, человека эгоистичного... Старания другого человека в планах сделать того человека счастливым, завоевать его любовь... Ничего тебе не напоминает, Грэнд?

Я до адской боли сжал кулаки. Дрианда осторожно продолжила:

— Я знаю, Бренд ты сейчас находишься в отчаянии. Но я хочу, чтобы ты наконец признал: ты испытывал чувство отчаяния задолго до встречи с Кэт. Ты носишь в себе это отчаяние уже много лет. Труднее всего, Бренд, осознать, что нас не любили тогда, когда мы больше всего в этом нуждались. Ужасное ощущение — боль человека, которого никогда не любили.

Я сейчас осознал, что Дрианда права. Я не мог подобрать нужных слов, чтобы описать отвратительное чувство, внутри меня вызванное предательством близкого человека, когда изнутри зияла огромная ноющая дыра, — и тут Дрианда просто сказала: «Боль, человека, которого никогда не любили». Я увидел, как эта формулировка предельно чётко описывала моё недавнее состояние и является одновременно моим прошлым, настоящим и моим будущим. Дело даже было не в Кэт, а в моём отце и моём идущем из детства чувстве ненужного человека. Моё горе вызвано сожалением о том, чего у меня никогда не было, и внутренним убеждением, что этого, видимо, у меня уже не будет никогда. По мнению Дрианды, именно это и заставило меня выбрать Кэт — человека, который не способен любить. Тем самым в очередной раз доказывая правоту отцу, считавшего меня недостойным человеком любить он всегда считал меня ничтожеством.

Я накрыл голову руками.

— Получается, мои отношения с Кэт были с самого начала обречены на повал? Вы хотите сказать, что я сам всё для себя этого сделал? Выходит, что всё уже безнадежно, чёрт возьми?

— Нет, Бренд не безнадежно. Бренд, ты больше не маленький мальчик, ищущий расположения своего отца, ты взрослый мужчина, у которого есть свой собственный выбор. Какой сделать из случившегося вывод, зависит только от тебя самого: либо ты решишь, что действительно достоин любить, либо порвешь наконец со своим прошлым и перестанешь повторять одни и те же ошибки, — ответила Дрианда.

Ну и как мне это сделать? Расстаться с Кэт навсегда?

— Ситуация непростая.

— Но вы же считаете, что будет лучше, если я расстанусь с Кэт навсегда? — допытывался я.

— Ты и так слишком много отдал этим отношениям, чтобы вернуться к нормально жизни, где тебя предадут, высказывают своё равнодушие и унижают. Пойми, ты заслуживаешь лучшего, гораздо лучшего Бренд!

— Скажите. Просто скажите это, Дрианда. Вы думаете, что мне действительно нужно расстаться с Кэт?

Дрианда посмотрела на меня долгим внимательным взглядом.

— Бренд я считаю, ты просто обязан порвать с Кэт навсегда. Я говорю это не как твой психотерапевт, а как твой старый друг. Я не думаю, что ты сможешь делать вид, будто бы ничего вовсе не произошло, даже если ты очень постараться. Ну протянешь ты ещё пару месяцев, а потом опять случится нечто подобное, и ты снова окажешься здесь, в моём доме ты будешь сидеть на этом диване. Будь честен по отношению к себе, Бренд, — насчёт Кэт и произошедшей ситуации в целом, — и вся эта звёздная мишура из вранья и хитрости наконец перестанут прожигать тебя глазами. Запомни, Бренд: любовь всегда основана на честности, иначе это уже не любовь вовсе.

Из моей груди вырвался тяжкий глубокий вздох. Я чувствовал себя словно выпотрошенной рыбой. На меня наваливалась усталость и тоска.

— Больше спасибо за вашу искренность, Дрианда. Я это очень ценю.

Я поднялся с дивана и направился к выходу. В прихожей Дрианда обняла меня на прощание. Раньше она так никогда не делала может потому — что я уже давно у неё не был в гостях. Какая же Дрианда маленькой и хрупкая! От неё исходил едва уловимый цветочный аромат, смешанный с запахом шерсти и кардигана. Мне жутко захотелось расплакаться, но мои глаза остались сухими. Слезы не шли

Я попрощался с Дриандой и ушёл не оборачиваясь. Домой я доехал на автобусе. Уселся возле окна и, глядя на улицу, думал о Кэт: о её белоснежной коже и невероятных голубых глазах. Со щемящей тоской вспоминал сладкий вкус её нежных губ... Дрианда права. «Любовь всегда основана на правдивой честности, иначе это уже вовсе не любовь». Мне придётся высказать Кэт всё. И расстаться с ней навсегда.

Дома я застал Кэт. Она сидела на диване и что-то печатала на телефоне.

— Где ты пропадал? — спросила она, не отрывая глаз от экрана мобильного телефона.

— Да так, прогулялся... Как твоя репетиция?

— Как всегда. Очень утомительно.

Я смотрел на пальцы Кэт, гадая, кому же она там пишет. Самое время было начинать серьёзный разговор. Я знаю, что у тебя роман на стороне. Я хочу с тобой развестись. Я открыл рот, чтобы произнести подготовленную фразу, но так я и не сумел издать ни единого звука. Пока я пытался обрести голос, но Кэт меня опередила.

— Бренд, есть разговор, — заявила она, отложив телефон в сторону.

— О чём разговор?

— Бренд ты мне ничего не хочешь сказать? — В голосе Кэт зазвучали металлические нотки.

Я избегал смотреть ей в глаза, опасаясь выдать свои мысли. Я стоял перед Кэт пристыженный, виноватый — будто именно у меня имелась позорная тайна. И, как в скором времени выяснилось, я не ошибался. Кэт протянула руку за спинку дивана, и у меня ёкнуло сердце. Она вытащила оттуда заветный горшочек, где я хранил марихуану. Порезав палец, я совершенно забыл переставить его в тайник.

— Что это такое? — спросила Кэт, держа горшочек передо — мной.

— «Это травка».

— Ну я в курсе. Так и почему она здесь?

— Потому — что я её купил. Мне очень хотелось.

— Очень хотелось поймать кайф? Ты сейчас серьёзно?!

Я пожал плечами, глядя в пол, как наковитивший мальчишка.

— Какого черты! Нет, ну это же надо вообще! — Кэт душила ярость. — Порой мне кажется, что я совсем тебя не знаю!

Я еле сдержался, чтобы не ударить её по лицу. Мне ужасно дико хотелось броситься на Кэт и молотить её кулаками! Я представлял, как разворочу всю комнату, буду бить мебель о стены. А потом крепко обниму Кэт и завою. Но я даже и не сдвинулся с места.

— Уже пора спать, — отрезал я и покинул комнату.

Мы молча зашли в спальню. Кэт быстро заснула, а я лежал с открытыми глазами, ощущая тепло её тела. «Почему ты мне ничего не сказала? Почему закрылась от меня? — мысленно вопрошал я Кэт вопросами. — Я же твой лучший друг. Одно слово! Хотя-бы одно слово, и мы бы всё решили! Почему же ты промолчала? Я ведь с тобой рядом. Я сейчас здесь!»

Я хотел прижать к себе Кэт и никогда не отпускать... Я хотел обнять её. Но не мог. Словно она исчезла. Той Кэт, которую я так сильно любил, больше нет. Вместо неё теперь чужой человек. К горлу подступили рыдания. А потом по щекам полились струны горячих слез. Я тихо плакал в ночной крошечной темноте.

* * *

Ранним утром мы поднялись с кровати, и началась обычная утренняя рутина. Кэт отправилась в ванную, а я готовил на кухне кофе. Кэт вошла в кухню, и я вручил ей дымящуюся чашку свежесваренного кофе.

— Бренд ты сегодня ночью издавал какие-то странные звуки, — проговорила Кэт. — Что-то невнятно бормотал я сначала, подумала что это наши соседи за стенкой снова в первом часу ночи включили телик в спальню, но в когда я прислушалась то, отчётливо слышала твоё бормотание.

— А что именно я бормотал?

— Я толком даже и не поняла. Какую-то невнятную бессмыслицу. Видимо, мне послышалось только одно «травка» ещё не выветрилось, это слово из моей головы — ехидно проговорила она и, взглянув на наручные часы, добавила: — Мне пора, а то я на работу опоздаю.

Кэт допила остатки кофе, поставила чашку в раковину и быстро поцеловала меня в щеку, я едва не отодвинулся от неё. Услышав, как за Кэт хлопнула входная дверь, я побрел в домашних тапочках в душ. Выкрутил кран горячей воды почти до максимума, а потом долго стоял, подставив лицо под струи, обжигающей воды и громко рыдал. Рыдал, я не сдерживал, себя словно снова ощутил себя маленьким ребёнком. После, вытираясь, насухо полотенцем случайно увидел своё отражение по ту сторону зеркала. Я выглядел просто ужасно: бледная кожа, усталое, морщинистое лицо старика. Будто бы я прибавил за одну ночь три десятка лет. Я выглядел старым, измотанным, моя энергичность испарилась не оставив и следа. И тогда я принял важное решение. Расстаться с Кэт — это всё равно что отрезать себе руку или ногу. Я просто не был готов чтобы настолько серьёзно себя покалечить. Мне плевать на мнение Дрианды. Она может и ошибаться. Кэт — не моя надежда, но я не был готов её вот просто отпустить. Я приложу все усилия, чтобы изменить наше с Кэт будущее. Однажды в один прекрасный день мы сумели обрести настоящее счастье, значит, сумеем и вновь. Рано или поздно Кэт осознается, в измене расскажет, мне обо всём и тогда я её прощу. Мы вместе переживём трудные времена. Я низа что не отпущу Кэт и ничего не стану ей говорить. Прикинусь, будто бы и даже не читал её переписку. Забуду то, что произошло. Похороню надолго зарю в самую дальнюю глубину моей памяти. У меня просто нет другого выбора, как продолжать жить дальше. В конце концов, я не имею уступить этому, я отказываюсь сдаваться и развалится на несколько частей. Я ведь несу ответственность не только за себя, но и за пациентами, клинической больницы, но как быть с ними? Только от меня зависят люди они словно живут, мной. И я никак не могу их подвести даже если бы у меня был бы такой шанс.

— Я ищу Эльфию, — сообщил я. — Вы знаете, где она?

— А зачем она вам так скоропостижно понадобилась? — Юрцев посмотрел на меня с неким чувством любопытства.

— Просто я хочу с ней поздороваться. Я хотел бы коротко представиться каждому пациенту. Сообщить, кто я и каковы мои обязанности.

— Понятно. Готовьтесь: с Эльфией порой становится тяжеловато. Но ничего личного. — Юрцев взглянул на часы. — Сейчас только половина — значит, у неё только

закончилась арт — терапия. Идите в комнату отдыха, и смотрите не ошибитесь.

— Спасибо вам большое за то, что вы мне сейчас так хорошо помогаете.

Я вошёл в комнату отдыха толкнув дверь левой рукой комната отдыха представляла собой большое круглое светлое помещение, где стояли два широких дивана с потёртой кожаной обивкой, рядом уютно расположились журнальные столики и один громадный книжный шкаф со старыми запылившимися книгами, которые уже давно никто не читал. Мебель пропиталась запахами застоявшегося чая и сигаретного дыма. За одним из дальних столов сидели двое пациентов, играли в карты. Эльфия в глубоком одиночестве стояла возле окна.

— Здравствуй, Эльфия! — поздоровался я и, медленно приближаясь, широко улыбнулся. Она подняла на меня свои испуганные, недоверчивые глаза.

— Вам чего?

— Вы не волнуйтесь, всё в порядке. Я только на одну минутку.

— Вы не мой врач. Мне уже одного назначили при поступлении в больницу.

— А я и не врач. Я психотерапевт.

— У меня и этот имеется, — презрительно буркнула Эльфия.

Я с теплотой улыбнулся, в глубине моей души радовался, что с ней работает Дрианда, а не я. Вблизи Эльфия выглядела ещё более устрашающе. И дело даже было не в её огромных размерах, а в неистовости, которым дышала её каждая черта лица: неизменно хмурый вид, полные злобы темно — зелёные глаза, по тому, как она смотрела, явно читалось её психическое отклонение. От Эльфии разлило потом и самокрутками, которые она без конца курила, отчего кончики её пальцев на руках почернели, а зубы и ногти приобрели темно-желтый оттенок.

— Если вы позволите, я хотел бы задать вам пару вопросов об Элисон, — сказал я.

Эльфия с грохотом бросила кий на бильярдный стол и начала устанавливать шары для новой партии. Внезапно она неожиданно резко замерла, просто застыла без единого лишнего движения, глядя в пустоту бессмысленным взглядом.

— Эльфия?

Ответа не последовало. По её выражению лица я понял, что здесь творилось.

— Эльфия, вы сейчас слышите голоса?

Подозрительный взгляд покосился в мою сторону. Пожатие плеч.

— Что они вам говорят?

— Говорят, что вам нельзя доверять. И что за вами нужно присматривать.

— Правильно. Вы меня не знаете, поэтому так и решили. Пока ещё рано. Может, со временем всё изменится.

Судя по взгляду, Эльфия весьма сильно в этом сомневалась.

— Эльфия вы любите бильярд? — произнес я, кинув на стол.

— Не-а.

— А почему?

— Второй кий сломался, и его до сих пор не заменили.

— Вы поделитесь со мной кием, если мы с вами сыграем?

Я потянулся к лежащему на сукне кию, но великанша резко схватила его из моих рук.

— Отвали, это мой кий! — гаркнула она.

Я невольно отшатнулся, пораженный интенсивностью её реакции. Она с ощутимой силой ударила кием по бильярдному шару. Некоторое время я понаблюдал за её игрой, потом предпринял вторую попытку.

— Может, всё-таки расскажете, что случилось в первые дни по прибытию Элисон в Гроуверж? Ничего не припомните?

Эльфия отрицательно помотала головой. Я продолжил:

— В личном деле Элисон указано, что в столовой между вами произошёл конфликт. Так это получается, она на вас напала?

— Да, я помню... Она пыталась убить меня. Черт возьми, она мне чуть горло не вскрыла!

— Согласно отчёту, сначала вы что-то шепнули Элисон. Скажите, что именно?

— Да ничего я ей не шептала. — Эльфия яростно затрясла головой.

— Я ничего не утверждаю, будто вы её сами спровоцировали. Мне просто любопытно, что это были за слова.

— Ну я задала Элисон один вопрос.

— Какой именно вы задали ей вопрос?

— Я спросила: «Он заслужил?»

— Кто заслужил? Чего заслужил?

— Да хахаль ейный. — Эльфия улыбнулась. Вот только это скорее была не улыбка, а уродливая гримаса.

— В смысле, супруг Элисон? То есть вы спросили Элисон, заслужил ли её супруг смерти? — переспросил я, не уверенный, что правильно всё понял.

Эльфия кивнула и ударила кием по очередному бильярдному шару.

— А потом я спросила, как этот мужик внешне выглядел. Она же в него из пистолета пальнула: череп вдребезги, мозги на стене... — И она громко захохотала.

Я ощутил внутри сильнейшее отвращение. Наверняка слова Элисон породили и у Элисон подобную реакцию. Эльфия вызывала омерзение и ненависть — это была её патология. Именно такие чувства передала новорождённой Эльфии её мать. Она заставила маленькую дочь ощущать себя мерзкой и ненавистной. И та неосознанно побуждала окружающих испытывать в свой адрес — надо сказать, весьма успешно.

— А как сейчас? У вас с Элисон хорошие отношения?

— О да. Мы очень близки с ней. Прямо как лучшие подруги, — Эльфия загоготала.

В кармане неожиданно завибрировал телефон. Я взглянул на экран: номер был мне неизвестен.

— Прошу прощения, я должен ответить на срочный звонок. Больше спасибо за помощь Эльфия! — откланиваясь, произнес я.

Эльфия что-то неразборчиво пробормотала и вернулась к своей игре.

* * *

В коридоре я ответил на звонок:

— Да, алло!

— Бренд Файфер?

— Да это я. А вы кто?

— Забыл представиться я Майкл Бэроонс. Секретарь передала ваше сообщение.

— Ах да! Спасибо, что вы мне перезвонили. Я хотел бы переговорить об Элисон.

— А что? Что-то случилось? Или возникли какие-то неприятности?

— Нет. Точнее, не совсем. Элисон — моя пациентка, и вы очень помогли бы мне, если бы согласилась Элисон ответить буквально на пару вопросов. В любое удобное для вас время.

— Ну я так понимаю, это не телефонный разговор? Вообще-то, я очень занят.

— Я предпочёл бы встретиться лично, если вы не против.

Майкл Бэроонс издал тяжкий вздох и, прикрыв трубку, обратился к кому-то у себя в кабинете, а потом снова ко мне:

— Завтра в восемь вечера подходите сюда.

Я собирался уточнить адрес, но он уже повесил трубку.

— Он говорил по телефону. Освободиться через несколько минут, — прогундосила она, жестом указывая, куда присесть.

Я кивнул в знак согласия и опустился в одно из кресел. Зона ожидания ограничивалась несколькими неудобными креслами с прямой спинкой и кофейным маленьким столиком со стопкой старых журналов. Я поймал себя на мысли, что уголки для посетителей везде выглядят одинаково. С тем же успехом я бы мог сидеть в приёмной у врача, директора ритуального бюро услуг или какого-нибудь знакомого адвоката.

Наконец дверь в самом дальнем конце приёмной распахнулась и в проёме возникла фигура Майкла Бэроонса. Взмахом своей руки он пригласил меня войти, и тут же он исчез в глубоких недрах кабинета. Я поднялся с кресла и последовал за ним. Судья по свойственной Майклу жёсткой манере общения по телефону, я был готов к тому, что меня ждёт довольно неласковый приём. Однако, как это не было странно, он начал с извинений:

— Прошу прощения, если во время телефонной беседы я был несколько резок с вами. Месяц выдался трудным, да ещё и я к тому — же неважно себя чувствую... Можете присесть?

Я сел на стул для посетителей, приставленный к его рабочему столу с противоположной стороны.

— Благодарю вас. И да спасибо, что вы согласились прийти ко мне на встречу.

— Честно говоря, сначала я решил, что не стоило этого делать. Я принял вас за очередного навязчивого журналиста, который пытается вытянуть из меня сведения об Элисон Бэроонс. Но потом я связался с Гроувердом и выяснил, что вы действительно там работаете.

— Так вот оно что... Скажите, и часто вас одолевают навязчивые журналисты?

— Теперь уже нет. А раньше мы не знали, куда от них мне деться или даже спрятаться. С тех пор и осталась привычка всё перепроверять...

Бэроонс хотел ещё, что-то добавить однако вовсе не сдержался и чихнул.

— Прошу прощения, — извинился он, протягивая руку к коробочке с салфетками. — Подцепил простуду от жены.

Пока Майкл приводил себя в порядок, успел немного его рассмотреть. В отличие от младшего брата, Майкл Бэроонс не отличался привлекательностью: солидный лысеющий мужчина с лицом, испещренным глубокими рубцами от юношеских прыщей. От него исходил крепкий аромат старомодного мужского одеколona. Примерно таким же пользовался и мой отец. Обстановка в кабинете также отличалась традиционным стилем. Здесь пахло кожаной мебелью, деревом и книгами. Полная противоположность миру Бренда Бэроонса, в котором правили яркие цвета и красота во имя красоты. У двух братьев не имелось ничего общего.

На рабочем столе Майкла стояла фотография покойного Бренда. Обычный любительский снимок (возможно, этот снимок сделал сам Майкл?) — Бренд запечатлён сидящим на заборе на фоне деревенского поля, волосы развеваются на ветру, а на шее висит фотоаппарат. Бренд больше напоминал актёра, чем фотографа. Или актёра, играющего роль фотографа.

Майкл, заметив, что я разглядываю фотографию, кивнул, словно прочитал мои мысли, и со смехом заметил:

— Брату достались кудрявая шевелюра и смазливость, а мне — мозги. Шучу! На самом деле меня усыновили. У нас с Брендом нет кровного родства.

— Вот так новость! А Бренда тоже усыновили?

— Нет, усыновили только меня. Наши родители долгое время не могли завести ребёнка, а потом когда появился я, мама неожиданно забеременела, и вскоре у них родился собственный сын. Такое часто случается. Люди наконец перестают нервничать и расслабляются.

— У вас с братом сложились близкие отношения?

— Мы стали лучшими друзьями, что для братьев это редкость. Хотя Бренду всегда доставалось больше внимания, в я рос в его крошечной тени.

— Почему так вышло?

— Потому-что по — другому и быть не могло. Брат всегда был особенным, с самого детства.

Я отметил привычку Майкла во время разговора крутить на пальце обручальное кольцо.

— Бренд повсюду таскал с собой фотоаппарат, — продолжал он, — и постоянно что-то на нём щелкал. Отец прозвал его безумцем. Оказалось, в Бренде действительно была божья маленькая искра. Вы видели его работы?

Я тактично улыбнулся. Я не планировал переводить разговор на Бренда и его талант как фотографа. Вместо этого аккуратно завёл речь об Элисон.

— Вы хорошо её знали, ведь верно?

— Элисон? С чего бы?

При только одном лишь упоминании её имени Майкл переменялся. Его дружеский тон неожиданно исчез, голос зазвучал холодно и отчужденно.

— Нет знаю, смогу ли я вам помочь. Не я представлял Элисон в суде. Если нужны детали самого процесса, готов связать вас с моим коллегой Павлом Дордине.

— Спасибо, но я пришёл сюда совсем за другим.

— За другим? — Во взгляде Майкла загорелось любопытство. — Вряд-ли психотерапевты часто беседуют с адвокатами своих пациентов.

— Если пациент в состоянии говорить сам, то нет.

Некоторое время он переваривал услышанное, затем с сомнением произнёс:

— Ну понятно. Я действительно не представляю, чем могу вам помочь...

— У меня к вам есть пара вопросов.

— Хорошо. Вы можете спросить меня то, что вас интересует.

— Помню, я прочёл в газетах, что за день до убийства вы видели Бренда с Элисон...

— Да, в тот день мы вместе обедали.

— На ваш взгляд, у них всё было в порядке отношений?

Глаза моего собеседника неожиданно потухли. Видимо, подобный вопрос ему задавали тысячу раз. Он ответил не задумываясь:

— Я не заметил ничего такого необычного.

— А как насчёт Элисон?

— Она вела себя нормально. — Майкл пожал плечами. — Ну, может, она слегка волновалась хотя...

— Хотя?

— Нет, уже ничего.

Я чувствовал: ему есть что мне сказать. И молча ждал ответа. После небольшой паузы Майкл продолжил:

— Хорошо ли вы были осведомлены об отношениях Элисон и Бренда?

— Весьма поверхностно. Я черпал информацию из газет.

— И что вы там прочли?

— Что брак Элисон и Бренда был счастливым.

— Счастливый брак? — Майкл холодно улыбнулся. — Ещё бы! Бренд из кожи вон лез, лишь бы только угодить Элисон.

— Понятно. — Я кивнул.

Но на самом деле я ничего не понимал. Пока не улавливал, куда клонит Майкл. Заметив моё озадаченное лицо, он произнёс:

— Я не собираюсь обсуждать сплетни. Если вам нужны подробности, обращайтесь к Жан — Флайеру.

— А кто такой Жан — Флайер?

— Жан — Флайер Мэйн. Галерист Элисон. Они сто лет знакомы, лучшие друзья по жизни. Скажу честно, он мне никогда не нравился.

— Я никогда не охочусь за сплетнями, — заверил я, решив в ближайшее время пообщаться с Жан — Флайером. — Мне интересно ваше мнение. Могу ли я спросить без обвинений?

— По — моему, вы это и так уже сделали.

— Вам когда-нибудь нравилась Элисон?

Лицо Майкла застыло, превратившись в бесстрастную маску.

— Конечно, она мне нравилась — ответил он.

Я в это не поверил.

— В этой напряжённой ситуации вы выступаете в двух ипостасях: адвокат, лицо весьма формальное, и брат, очень близкий родственник. Так вот, я пришёл к вам как к своему брату.

В кабинете повисла глубокая тишина. Я подумал, что Майкл сейчас меня выгонит. И правда, он собирался уже что-то сказать, но резко передумал. Потом он резко встал из-за стола и, подойдя к окну, распахнул его настежь. В комнату ворвался ледяной воздух. Майкл сделал несколько глубоких вдохов, словно задышался в помещении.

Наконец он заговорил сдавленным, едва слышным голосом:

— По правде говоря... Я её ненавижу... Просто терпеть не мог.

Я промолчал, давая Майклы возможность выговориться. И он медленно продолжил, глядя в окно:

Бренд был мне не просто братом, а лучшим другом. Добрейшей души человек. Он был слишком добрый. А потом его талант, отзывчивость, жизнелюбие — всё исчезло из-за этой стервы. Она отравила жизнь Бренду и даже мне. Слава богу, родители не дожили до такого времени... — Из-за нахлынувших эмоций голос Майкла сорвался.

— Представляю, как сложно вам далась организация защиты Элисон в суде, — сочувственно произнес я, физически ощущая его внутреннюю боль.

Майкл закрыл окно и вернулся за стол. Он снова владел собой, скрывшись за личной беспристрастного юриста. Нейтрального, уравновешенного, сдержанного.

— Бренд хотел бы этого. Он всегда добивался для Элисон самого лучшего. И любил свою жену до безумия. Она же просто была безумной сама по себе.

Вы считаете, Элисон психически больным человеком?

— Вы специалист, вот и скажите.

— А каким является ваше мнение?

— Я знаю только то, что видел сам своими глазами.

— И что же вы видели?

— У Элисон резкие перепады настроения. Случаются редкие приступы ярости. Жажда насилия. Элисон ломала вещи, периодически всё крушила в больничной палате. Бренд признался, что Элисон несколько раз угрожала его убить. Мне бы нужно прислушаться, принять меры после первой же её неудавшейся попытки самоубийства... Почему же я тогда не вмешался? Почему не настоял, на том что Элисон Бэроонс нужна медицинская помощь? Увы, но к сожалению я ничего не предпринял. Бренд всячески её защищал, а я как настоящий идиот, позволял ему это...

Майкл тяжело вздохнул и кинул взгляд на часы, намекая на то, что пора закончить разговор. Однако я не поддался и продолжал безучастно смотреть на него.

— Элисон пыталась покончить с собой? Что вы имеете в виду? Когда? После убийства супруга?

— Нет. — Майкл отрицательно покачал головой. — Случилось это несколькими годами ранее. А вы что не знали? Я думал, вы уже давно в курсе.

— Когда это произошло?

— После смерти её отца. Вроде она напилась таблеток или чего-то в этом роде... Сейчас я уже не припомню. У неё случился нервный срыв.

Я хотел расспросить Майкла поподробнее, но тут открылась дверь, и на пороге кабинета возникла секретарша в чёрной мини-юбке.

— Дорогой, — простуженным голосом проговорила она, — нам уже пора. Мы опаздываем.

— Уже иду, дорогая, уже иду, — ответил ей Майкл.

Дверь закрылась. Бэроонс поднялся из-за стола, разведя руки в извиняющемся жесте.

— Мы сегодня идём в театр, — подробно пояснил он. Видимо, на моём лице отразилось изумление, потому что он громко засмеялся и добавил: — В прошлом году мы с Татьяной поженились.

— Вот оно значит как.

— Гибель брата очень сблизила нас. В одиночку я не справился бы сам.

На столе зазвонил телефон, и Майкл потянулся к телефонной трубке.

— Огромное спасибо за вашу помощь. — Я кивнул и быстро вышел из кабинета.

В светлой приёмной я повнимательнее пригляделся к Татьяне: миниатюрная рыжеволосая с симпатичной внешностью. Она снова высморкалась, и на её мальчике сверкнуло кольцо с огромным бриллиантом.

К моему удивлению, она торопливо подошла ко мне и тихо проговорила:

— Если хотите побольше выяснить об Элисон, обязательно поговорите с её двоюродным братом Польским. Он лучше других знает свою кузину.

— Я пытался связаться с её тётёй, Лидией Роузли. Но та даже ни под каким любым предлогом не желала общаться.

— Лидия вам тут ничем не поможет. Поезжайте в Калифорнию и встретьтесь с Польским. Спросите у него про Элисон, и про ночь после аварии, и...

Дверь кабинета распахнулась, и Татьяна умолкла: в приёмной появился Майкл. С широкой улыбкой, на лице она поспешила к супругу.

— Ты готов, дорогой?

Странно, в её голосе слышалось плохо скрываемое волнение. Татьяна боялась Майкла! Но почему по каким причинам?

Меня возмутило, что у нас в доме хранились оружие. Вчера вечером мы снова из-за этого поругались. По крайней мере, тогда мне казалось именно так. Сегодня я уже не очень в этом уверена. Бренд сказал, что ссору начала первой я. Наверное, он был прав. Мне всегда тяжело видеть его таким расстроенным, и эти несчастные глаза, как у побитой собаки... Всегда ненавижу причинять Бренду боль, но иногда ловлю себя на мысли, что дико хотела сама. И сама не знала почему.

По словам Бренда, вечера вечером я пришла домой в ужасно-плохом настроении. Поднялась вверх по лестнице и начала орать на него. Если честно, то до конца не помню, что произошло. Я только недавно вернулась из парка. Но о самой прогулке почти ничего сказать не могла. Большую часть времени я витала в облаках, думала о картине с Иисусом и о работе вообще. Помню, на обратном пути я прошла мимо одного дома. Во дворе двое мальчишек играли с поливальным шлангом. Совсем крохи: лет шести-семи, но не больше. Старший поливал младшего, а струя воды искрилась на солнце яркой радугой. Идеальной радугой. Маленький мальчик со звонким смехом протягивал к воде ручонки. Я пошла дальше, чувствуя, как по моим щекам текут слёзы.

Я напрочь отмахнулась от этой мысли и тогда, но думаю об этом сейчас, вижу, насколько очевидно. Я не хотела признаться себе, что огромный кусок моей жизни напрочь отсутствует. Я всегда говорила, что не хочу детей. Притворялась, будто мне не до них — ведь я целиком посвятила себя искусству. А это было неправда. Просто предлог. На самом деле я жутко боюсь становиться матерью. Я не доверяю себе. Не тогда, когда в моих венах течёт кровь моей матери. Вот что творилось в моей голове (сознательно или бессознательно), когда я вчера вернулась домой.

В одном Бренд был точно прав — я пришла в ужасно-плохом настроении, но ничего не произошло бы, если б в такой момент, я не застала его за чисткой винтовки. Как же меня огорчает, что Бренд держит в дома оружие! И что он никак не избавиться от этой винтовки, потому что я столько раз просила его об этом. Бренд всегда повторяет одно и то же: это старая отцовская винтовка с фермы, которую тот подарил ему на семнадцатилетие. Семейная реликвия, и так далее, и тому подобное. Я не верю. Скорее всего, Бренд не хотел расставаться с винтовкой по какой-то другой причине. Я ему так и заявила. А он мне возразил, что не видит ничего предосудительного в желании быть в безопасности — защитить свой дом и свою жену. Мало ли, вдруг к нам полезут воры?

— Тогда мы позвоним в полицию! И не станем, черт возьми, сносить вора головы!

Тогда я повысила голос, Бренд ответил ещё громче, и, прежде чем я успела заметить это, мы уже орали друг на друга. Наверное, я немного потеряла над собой контроль. Но ведь я всего — лишь реагировала на Бренда. На самом деле в нём сидит агрессия; это та его часть, которую я редко вижу. И когда эта черта прорывается, я очень пугаюсь. В такие моменты мне кажется, что я вижу перед собой совершенно незнакомого мне человека. И это по — настоящему страшно.

После ссоры мы с друг другом не разговаривали и отправились спать в полном молчании. Сегодня утром мы занялись любовью, и ссора была окончательно забыта. По — моему, все наши проблемы решаются только в постели. Наверное, так проще — лёжа голышом в полубреде под общей простыней, тихо шепнуть от всего сердца: «Прости». Всё

тщательно продуманные аргументы и глупые разногласия отбрасываются вместе с одеждой, которая бесформенной кучей лежит на полу.

— Видимо, стоит взять за правило решать все споры в постели, — ласково пробормотал Бренд, целуя меня нежно в губы. — Люблю тебя. Я избавлюсь от винтовки, я тебе обещаю.

— Да бог с ней. Всё в порядке. Честно, — ответила я.

Бренд снова поцеловал меня и притянул к себе. Мы повернулись, и я оказалась на нём. Обняв Бренда, прикрыла глаза и с упоением вытянулась на этой скале, созданной ровно под черты моего тела. В душе наконец-то настал умиротворение и внутренний покой.

Я нахожусь в том же итальянском кафе. Теперь я часто сюда прихожу. Не могу долгое время находиться дома. Когда вокруг люди, пусть даже зевающая официантка, я чувствую хоть какую-то связь с внешним миром, чувствую себя человеком. В одиночестве меня накрывает дикий страх того, что я перестану в скором времени существовать. Я просто исчезну с лица земного шара. Иногда я даже хочу этого. Например, сегодня вечером. Дело в том, что Бренд пригласил на ужин старшего брата. Он огорошил меня этим известием сегодня утром.

— Мы с Майклом уже лет сто не виделись, — сообщил Бренд. — Чуть ли не с новоселья Джозефа. Я пожарю на мангале мясо. — Он подозрительно посмотрел на меня. — Ты ведь не будешь против?

— А почему я должна быть против?

— Бренд ты совсем не умеешь врать! — Бренд расхохотался. — У тебя всё на лице написано!

— И я и ты там прочёл?

— Майкл тебе не нравится. И никогда не нравился.

— Ничего подобного! — стала оправдываться я, чувствуя, как лицо моё заливают краской. Пожала плечами и отвела взгляд в сторону. — Я хорошо отношусь к Майклу. И буду с ним крайне вежлива. Кстати, когда ты сможешь позировать для моей картины? А то я её никак закончить не могу.

— Давай на выходных, — с улыбкой предложил Бренд. — И ещё: пожалуйста, не показывай картину Майклу, ладно? Если он увидит меня в образе Иисуса, то станет потом припоминать мне это всю оставшуюся жизнь.

— Нет не переживай, Майкл ничего не узнает, — пообещала я. — Картина ещё не готова.

«Даже если б и была готова, я никогда не впущу этого типа в мою мастерскую», — мысленно добавила я.

Боюсь идти домой. Мечтаю остаться здесь, в прохладном кондиционированном помещении, и прятаться до тех пор, пока не уйдёт Майкл. Но нет, официантка нетерпеливо делает мне всяческие намёки: покашливает и смотрит на часы. Скоро кафе закроют. И тогда, чтобы не бродить всю ночь по улицам, как маньяк, придётся идти домой и принять неизбежное — вечер в обществе Майкла.

Я снова в кафе. Мой любимый столик оказался занят, и официантка посмотрела на меня с сочувствием. Хочется верить, что её взгляд означал именно это — солидарность. Впрочем, кто знает... Я уселась за другой столик, лицом к стене, не к выходу, как я привыкла, и прямо под кондиционер. Здесь мало света; темно и холодно — как раз по — моему нынешнему настроению.

Вчерашний вечер прошёл отвратительно. Хуже, чем я могла ожидать. Во — первых, я не узнала Майкла: первый раз в своей жизни он предстал передо — мной не в деловом костюме. В шортах Майкл смотрелся довольно комично. Он был весь потный прогулки от станции, его лысина была красной и блестела, и под мышками расплзались два пятна. Он старался не смотреть в мои глаза. Или это я так избегала встречаться взглядами?

Майкл долго блуждал по комнатам, говорил, что тут всё очень изменилось, и ещё очень сильно жаловался, что мы его черт знает сколько времени не звали в гости. Якобы он уже отчаялся ждать приглашения. Бренд без конца извинялся, объяснял, что мы были очень заняты по работе — он на съёмках, а я перед открытием выставки — и поэтому никого не приглашали. Бренд улыбался, но я чувствовала, что он раздражен поведением старшего брата.

Первое время я держалась молодцом. Как выяснилось, ждала подходящего момента. И вскоре он настал. Майкл с Брендом вышли в сад и стали готовить мясо. А я сомневалась, что Майкл под любым предлогом явится ко мне. И я нисколько ни ошибалась. Минут через пять в доме послышалась его тяжёлая поступь. Он ходит совсем не так, как Бренд, — у мужа шаги тише, как у кота, он ходит по дому совершенно бесшумно.

— Элисон, — раздался за моей спиной голос.

В тот момент я резала помидоры, и у меня сильно дрожали руки. Я отложила нож и повернулась лицом к Майклу.

— Я за добавкой, — ухмыльнулся он, приподнял руку с пустой бутылкой из-под пива и по-прежнему глядя куда-то в сторону.

Я молча кивнула. Майкл открыл холодильник и, взяв оттуда новую бутылку, стал озираться в поисках открывали. Я ещё одним кивком указала на столешницу, где она лежала. Он явно что-то хотел сказать, пока открывал банку пива, но я его опередила:

— Имей в виду, я собираюсь рассказать Брендю о том, что произошло.

Улыбка слетела с лица Майкла. И тут он наконец обратил на меня свой змеиный взгляд.

— В смысле?

— Я расскажу Брендю обо всём, что случилось у Джозефа, — твёрдо и уверенно заявила я.

Понятия не имею, о чём идёт речь.

— Понятия не имеешь?

— Да я половину происходящего не помню. Немного перебрал с выпивкой.

— Да это враньё.

— Вот тебе честное слово.

— То есть ты не помнишь, что пытался меня поцеловать? А потом и облапать?

— Элисон, не надо.

— Что не надо? Делать из мухи слона? Между прочим, ты набросился на меня!

Я чувствовала, что закипаю. Усилием воли подавила свой гнев и заставила себя не кричать. Я быстро глянула в окно. Бренд жарил мясо в дальнем конце сада. Поток горячего воздуха, поднимающийся от раскаленного мангала, словно размыли его черты, превратив в согнувшуюся фигуру.

— Бренд равняется на тебя. Как же, ты его старший братец!.. Представляю, какой будет для него удар, когда я всё ему расскажу.

— Вот и не нужно ничего говорить. Тут не о чем рассказывать.

— Бренд должен знать правду. Я хочу, чтобы он увидел истинное лицо своего брата. Ты...

Не успела я договорить, как Майкл схватил меня за руку и с силой притянул к себе. Я потеряла равновесие и врезалась в него. Он занёс кулак — и я испугалась, что он сейчас меня ударит. Но вместо этого Майкл жарко зашептал: «Я люблю тебя. Люблю слышать. Люблю...»

Я даже не успела ничего сделать. Майкл порывисто прижался ртом к моим губам. Я пыталась вывернуться, но он меня не отпускал. Тогда я со всей силой стиснула губы, но он грубо просунул язык в мой рот. И тогда я инстинктивно со всей силы укусила его. Майкл заорал и оттолкнул меня от себя. Его рот постепенно наполнялся кровью.

— Ах ты чёртова сучка! — прошепелявил он, скалясь алыми зубами; в его глазах полыхала ярость раненого зверя.

Неужели они и вправду братья? У Майкла нет ни одного из прекрасных качеств Бренда: ни порядочности, ни доброты. Он вызывал у меня отвращение, о чём я ему и сказала.

— Не вздумай ничего докладывать Бренду. Иначе сильно об этом пожалеешь! — пригрозил Майкл, выходя из кухни.

Я стояла молча. На языке ощущался вкус его крови. Я открыла кран и полоскала рот до тех пор, пока этот вкус не пропал, и только потом вышла в сад.

За обедом я периодически ловила на себе его жадный взгляд. Заметив, что я всё вижу, Майкл тут же отводил глаза. Я не смогла проглотить ни кусочка. При одной лишь мысли о еде к горлу подступала тошнота. Во рту по-прежнему ощущался привкус его крови.

Я не знаю, что мне делать. Врать Бренду мне совсем не хотелось. Скрывать то, что случилось, — тоже. Но если я расскажу обо всём Бренду, он навсегда отвернется от Майкла. Сообразил, насколько ошибался в собственном старшем брате, Бренду будет совершенно раздавлен. Он полностью доверяет Майклу. Чуть ли не обожествляет его. А зря.

Никогда в жизни не поверю, что Майкл сгорает от любви ко мне. Он ненавидит Бренда и страшно ему завидует. А потому мечтает отобрать всё, что у того есть, включая и меня. Но

вчера я смогла за себя постоять, и теперь Майкл наконец-то от меня отстанет. Очень хочется мне на это надеяться. Хотя-бы на какое-то время. Поэтому я решила пока ничего не рассказывать Бренду. Впрочем, он прекрасно читает моё лицо. Или это я просто не умею притворяться.

Вчера, когда мы ложились спать, Бренд сказал, что я весь вечер была какая-то странная — Наверное, всё потому что я устала.

— Нет, дело даже не в усталости. Ты всё время молчала. Неужели так сложно сделать над собой хотя-бы маленькое усилие? Мы с Майклом почти не видимся. За что ты его так невзлюбила?

— Я нормально к нему отношусь. Майкл тут вовсе ни при чём, всё время лезли в голову мысли о работе. Не успеваю к открытию выставки, вот поэтому и волнуюсь, — как можно уверенно произнесла я.

Бренд недоверчиво на меня посмотрел, однако спорить со мной не стал. Я получила временную передышку — до тех пор, пока к нам снова не пожалует Майкл. Хотя интуиция мне подсказывает, что это случится нескоро.

Ну вот, я написала о том, что произошло, — и словно камень с души свалился. Теперь, когда я зафиксировала свою историю на бумаге, мне стало спокойнее. В крайнем случае я смогу использовать дневник в качестве доказательства. Если подобная необходимость когда-либо возникает.

Сегодня мой день рождения. Мне исполнилось тридцать четыре. Ощущения так и остались непривычными для меня: никогда не думала, что однажды я превращусь в тридцатичетырехлетнюю женщину. Для меня этот возраст оставался за гранью моего воображения. Я уже давно пережила собственную мать. У меня возникло странное чувство. Теперь я старше, чем она сама. Ей исполнилось тридцать три, и всё. Сейчас мне больше, чем было ей тогда, и это ещё не конец. Я буду становиться старше и старше. А мамы уже никогда не будет рядом со мной.

Утром Бренд разбудил меня нежным поцелуем и вручил мне огромный букет из тридцатичетырёх алых роз. *Fantasties!* Бренд случайно укололся шипом, и на подушечке его пальца выступила алая капелька крови. Она была совершенно другой.

Бренд устроил для меня пикник. Солнце только едва-ли поднялось над горизонтом, и воздух ещё сохранял остатки ночной свежести и прохлады. От пруда веяло прохладной, повсюду царил чудесный аромат скошенный травы. Мы лежали на берегу под плакучей ивой на привезенном из Австралии пуховом одеяле. Ивовые ветви укрыли нас зелёным шатром. Сквозь листву робко пробивались лучи раннего утреннего солнца. Мы пили шампанское, закусывали маленькими сладкими помидорами и кусочками копчёного лосося с хлебом. Где-то в глубине леса сознания закрадывалось необычным чувством, словно всё это уже когда-то было. Навязчивые воспоминания. Я никак не могла понять откуда взялись воспоминания из прошлого: то ли мне вспомнилось это из какой-то сказки или в детстве мама мне рассказала истории для детей, про волшебные деревья, которые служили порталами в другие миры, то ли что-то на вроде нечто не покидает меня.

И вдруг перед мысленным взором вспыхнула яркая картинка: я, ещё совсем маленькая, прячусь под ветвями плакучей ивы в нашем саду в Португалии. Я просиживала там часами. Может, быть я вовсе и не была счастливым ребёнком, но, тогда, забираясь под иву, я чувствовала себя также удивительно спокойно, и мне было хорошо словно попала в рай мну было хорошо, как сейчас, когда мы лежали там с мужем. Казалось, в тот момент прошлое и настоящее существовали одновременно — в одном совершенном мгновении. Больше всего на свете я хотела, чтобы это мгновение длилось целую вечность. Бренд задремал, и я сделала его, набросок спящего, пытаюсь передать игру солнечных бликов на любимом лице. Теперь глаза мужа получились гораздо лучше, чем в жизни. Было легче, потому что они были закрытыми. По крайней мере, мне удалось верно передать форму век. Бренд напоминал мне маленького мальчика, который спал, свернувшись калачиком: изо рта вырвалось лёгкое дыхание, на губах остались крошки хлеба.

Позже мы вернулись домой и любили друг друга. Бренд обнял меня и произнёс загадочную фразу:

— Элисон, дорогая, послушай. Я хочу обсудить с тобой одну вещь.

Услышав подобное вступление, я разволновалась.

— Продолжай, — Я уже приготовилась к самому худшему.

— Давай заведём ребёнка, — произнёс Бренд.

От изумления я не сразу нашла, чтобы что-то ответить.

— Бренд, но... Ты же сам говорил, что никаких детей...

— Элисон забудь об этом. Я передумал. Нам нужен ребёнок. Ну что ты скажешь? — В

глазах Бренда читалось затаённая надежда. Он ждал от меня ответа.

— Да! Да! Да! Конечно, же да! — с восторгом воскликнула я.

Глаза защипало от поступивших слез. Мы крепко обняли друг друга, смеясь и плача одновременно.

Сейчас Бренд спит. А я потихоньку выбралась из кровати и записываю всё это в мой дневник. Хочу запомнить сегодняшний день раз и навсегда. Каждую его секунду. Меня переполняет радость. И надежда.

Мне всё время не давали покоя слова Майкла Бэроонса о том, что Элисон после смерти своего отца пыталась покончить с собой. В её бумагах об этом не упоминалось ни единого слова. Любопытно вот только почему...

Следующим вечером я снова позвонил Майклу, удачно поймав его на рабочем месте.

— Мне необходимо задать вам ещё буквально два вопроса, если можно, — начал я.

— А я буквально уже выхожу из кабинета.

— Я вас надолго не задержу.

Майкл вздохнул и, прикрыв трубку, что-то проговорил Татьяне.

— У вас пять минут, и ни секунды больше, — предупредил он меня.

— Большое вам спасибо. Итак, вы говорили о попытке Элисон совершить самоубийство.

В какую больницу она потом попала?

— Элисон Бэроонс не повезли в больницу.

— Нет?

— Элисон восстанавливалась дома. За ней ухаживал мой старший брат.

— Но... Её наверняка осматривал врач? В своём разговоре вы упоминали, что Элисон наглоталась таблеток.

— Естественно, Бренд пригласил врача. И тот... Согласился не передавать инцидент огласке.

— Нет припомните, как его звали?

В трубке на несколько мгновений повисла тишина.

— Прошу прощения, я вам этого не могу сказать... Не помню.

— Наверное, Бренд вызвал обычного терапевта?

— Нет. Терапевт у нас с ним общий. Брат особо просил меня не говорить об этом приглашенному врачу.

— Вы точно не помните его фамилию?

— Прошу прощения, нет. Это всё? Я должен идти.

— Последний вопрос! Я бы хотел уточнить завещания Бренда.

— А при чём тут его завещание? — неожиданно ошетинился Майкл.

— Основной наследницей дворянского престола становилась Элисон?

— Милейший вы интересуетесь довольно странными вещами.

— Да я просто пытаюсь понять...

— Что именно вы пытаетесь понять? — раздражённо перебил меня Майкл. —

Основным наследством дворянского рода указан я. После смерти отца Элисон я получил кучу денег, и Бренд счёл её и так достаточно обеспеченной. А потому отписал свой особняк мне. Несомненно, старший брат и вообразить не мог, насколько после его гибели взлетит сумасшедшая стоимость дома. Мы на этом закончили?

— А завещание Элисон? Кого она указала наследником в случае своей смерти?

— А вот эта информация строго-настрога конфиденциальна. Очень надеюсь, что вы меня больше не потревожите, — отчеканил Майкл и после последнего сказанного слова повесил трубку.

Однако интуиция мне, подсказывала что наш разговор ещё до конца не завершён. И мне не пришлось ждать слишком долго.

* * *

После обеда меня вызвал к себе Диомидикс. Войдя в кабинет, я увидел его суровое без тени улыбки лицо.

— Что с вами такое творится? — жёстко проговорил профессор.

— Со мной? — непонимающе переспросил я.

— Бренд не прикидывайтесь дураком. Догадайтесь, кто мне звонил с самого утра? Майкл Бэроонс! Он сообщил, что вы дважды связывались с ним и задавали очень много вопросов несущие ответственности личного характера.

— Я задал Бэроонсу всего-лишь несколько уточняющих вопросов об Элисон. По-моему, он нисколько не возражал.

— Зато сейчас Бренд Бэроонс очень даже сильно возражает! И квалифицирует ваши действия как преследование!

— Ну вы же взрослый человек сами должны понимать...

— Нам сейчас только судебного иска от Майкла Бэроонса ещё не хватало! Больше никакого превышения полномочий! Каждый шаг будете согласовывать со мной! Вам ясно?

Внутри меня всё кипело, но я молча кивнул, мрачно глядя в пол, словно провинившийся пятнадцатилетний подросток. Профессор верно оценил мою реакцию и несколько смягчился.

— Бренд, послушайте мудрого старика. — Он по-отечески потерпел меня по плечу. — Вы идёте неверной дорогой. Задаёте вопросы, ищите зацепки, как будто это какая-то детективная история... — Диомидикс рассмеялся как обезумевшей и покачал головой. — Так вы до этого никогда не доберётесь.

— А до чего я должен добраться?

— Др истины! Помните, как у Бильборосса: «Никаких воспоминаний, никаких желаний». И никакой повестки дня на сеансе. Задача психотерапевта — находится рядом с пациентом и внимательно следить за своими внутренними ощущениями. Это всё, что вам нужно сделать Бренд. Остальное решиться само собой.

— Да. Профессор вы правы, — пробормотал я.

— Конечно, я прав. И давайте договоримся Бренд: я больше не желаю слышать, что вы снова побеспокоили кого-нибудь из родственников Элисон Бэроонс. Хорошо?

— Даю вам честное адмиральское слово профессор Диомидикс.

В тот же день после разговора с профессором Диомидиксом я отправился к Польскому, троюродному брату Элисон. В окне поезда показались окрестности Каменского — от края до края раскинулись цветочные поля, над которыми висело игривое весёлое льдисто-голубое небо. Как же хорошо выбраться из Франции! Небо не такое угнетающее, и дышится легко...

Выйдя из вагончика с кучкой студентов и несколькими туристами, я пошёл вперёд, ориентируясь по навигатору в телефоне. На улицах, окутанных мёртвой тишиной, мои шаги по асфальту разносились гулким эхом.

Неожиданно для меня дорога закончилась. Дальше начиналась грязная лужа с редкими островами прорастающей травы, а чуть пониже текла чистая прозрачная речка. На берегу реки стояла ветхая низкая хижина, неуместная, словно какая-то выпуклость из огромных красных кирпичей прямо посреди голубого моря грязи. Жутко уродливый дом в старославянском стиле с заросшими плющом стенами и запущенным садом, в котором царствовали сорняки. Казалось, природа властно возвращает то, что человек у неё когда-то отобрал. В этом ветхом доме Элисон родилась и провела первые семнадцать лет её жизни. Здесь сформировалась её личность. Здесь находятся корни всего того, что произошло с ней в её взрослой жизни, — причины всех принятых в последствии решений. Всё это происходило здесь.

Иногда мне трудно понять, почему ответы на то, что случается с нами в настоящем, необходимо искать в нашем прошлом. Приведу простой пример. Моя коллега-психиатр, крупнейший специалист в области лечения пациентов, склонных к сексуальному насилию, как-то раз сказала она мне, что за три десятка лет работы с педофилами она обнаружила, что её подопечные все до единого в детстве сами стали жертвами подобного сексуального преступления. Это вовсе не означает, что каждый подвергшийся насилию ребёнок неизбежно превратится в педофила. Зато если в детстве половая неприкосновенность ребёнка не была нарушена, во взрослом возрасте он не станет насильником. Плохими не рождаются ими, становятся. Как заметил Винсент, «младенец может возненавидеть мать только в том случае — если та прежде возненавидит своё собственное дитя».

Новорождённый невинен, всего-лишь чистый лист. У младенца имеются лишь базовые потребности: есть, пить, испражняться, а также любить и быть любимым. Но что-то может пойти не так в зависимости от сложившихся обстоятельств и конкретной семьи, где родился малыш. Ребёнок, который подвергался мучениям и насилию, не в состоянии отомстить обидчикам в реальной жизни, потому что он по сути беззащитен и слаб, но он может — и, скорее всего, будет — плодить в своём воображении фантазии об отмщении. Ярость, как и страх, никогда не возникает без какой-либо причины.

Что-то случилось с Элисон — возможно, в раннем детстве. Именно это спровоцировало её склонность к убийству, мужа которая регулярно появлялась на протяжении всех последующих лет её жизни. Чтобы ни подтолкнуло её, далеко не каждый решится схватиться за оружие и выстрелить собственному мужу в лоб практически в упор. У большинства людей не хватило бы на такое духу. Поступок Элисон свидетельствует о глубоком разладе в её внутреннем мире. Вот почему я жаждал выяснить, как жилось Элисон в этом доме; я искал то, что деформировало её и что превратило в того, кем она стала, — в человека, который способен пойти на убийство ради отмщения детской обиды.

Я брел по саду среди буйной травы и диких выюнков. Мой путь пролегал вдоль одной из высоких стен дома. За углом я обнаружил огромную плакучую иву — необыкновенно красивое величественное дерево. Его длинные голые ветви склонялись до самой земли. Я представил, как маленькая Элисон играет возле дерева и оказывается в тайном, волшебном мире, прячась под пышной листвой. На моих губах заиграла невольная улыбка.

И вдруг моя лёгкость неожиданно испарилась: я ощутил на себе чей-то тяжёлый пристальный взгляд и, подняв голову, заметил в окне второго этажа уродливую старуху в белом платке. Я поежился от неприятных мурашек на теле и от необъяснимого страха.

К сожалению, я услышал шаги позади себя, когда было уже слишком поздно. Что-то тяжёлое обрушилось на мой затылок, разлилась страшная адская боль, и всё померкло...

Я очнулся, лежа на холодной жёсткой земле. Первой меня посетило чувство боли. В голове дико пульсировало, а глазах всё вокруг расплывалось головная внутренняя боль была настолько адской, что мне казалось, будто череп раскололся на две части. Я осторожно поднял руку и пощупал затылок пальцами их я тоже что-то почувствовал только когда, притронулся к холодной земле я пытался подняться, они были заледеневшими как льдина сплавлявшаяся с горных рек и порогов.

— Крови на затылке нет, — послышался голос, — но синяк завтрашним днём тебе обеспечен. И ещё жуткая головная боль тебе в подарок.

Я с трудом поднял глаза. Надомной с бейсбольной битой в руке склонился Польский Готфрид. Он был примерно моего возраста, но немного выше меня ростом и намного шире в плечах. Почти юношеское лицо, копна таких же как и у Элисон, рыжих янтарных волос. От него разило виски.

— Я попробовал подняться с земли и сесть. Но мне не удалось видимо я ещё слишком слабый.

— Нет не торопитесь. Полежите ещё пока, — посоветовал мне Польский.

— Боюсь, это сказать, но кажется у меня сотрясения мозга.

— Может, быть и так вы не ошибаетесь.

— Какого чёрта вы это сейчас сделали? — Возмущённо произнёс я.

— А чего вы ожидали, друг мой сердечный? Когда я увидел что вы лежите на холодной земле я подумал что вы в худшем состоянии, а может ещё хуже, чего натворили или попали в драку с местной шпаной и вам не удалось от них сбежать.

— Очень зря что вы меня нашли моя жизнь давно потеряла смысл. В ней нет ничего такого, что могло бы заставить меня продолжать жить дальше.

— Да уж я вас прекрасно понимаю... Пока вы находились в отключке я порылся в вашем бумажнике. Оказывается, вы работаете психотерапевтом.

Польский извлёк из заднего кармана синих джинсов мой бумажник и бросил его мне на грудь. Тот удачливо приземлился мне на грудную клетку и я быстро убрал его обратно в карман моей замшевой куртки которая выглядела уже довольно грязной. Скорее всего, я больше был похож на бомжа, нежели на человека.

— Вы родом из Гроуверда?

Я кивнул, и в голове вновь резко запульсировала никак не утишаемая боль. Её я с трудом выдерживал мне казалось, ещё немного и моя голова взорвётся как арбуз, который весь день пролежал под солнцем.

— Наверное, вы узнали кто я? — проговорил Польский.

— Троюродный брат Элисон?

— Польский Роузове. — Он по-дружески протянул мне руку. — Давайте-ка я помогу вам подняться.

Польский с удивительной лёгкостью поставил меня на ноги. Этот парень был силён, как бык перед глазами которого красный плащ!

— Вы меня чуть было не тот свет не отправили, — проворчал я, покачиваясь на онемевших ногах их я едва чувствовал из-за того, что весь день пролежал под ивой не приходя в сознание.

— А откуда я бы знал, что вы без оружия? — Польский пожал плечами. — Вы между прочим, проникли в частные владения. Вот и получили по заслугам. Кстати, зачем вы приехали?

— Хотел повидаться с вами. — Я поморщился от жгучей боли в левом боку. — Ох, как я сейчас об этом жалею!..

— Заходите.

Я слишком много страдал, чтобы спорить, и покорно двинулся вслед за Польским. Каждый шаг отдавался жуткой пульсацией в голове. Мы вошли в дом через заднюю дверь. Внутри дом выглядел таким — же неказистым, как и снаружи. Кухня покрывали обои с бежевыми геометрическими рисунками, вышедшим из моды лет тридцать тому назад. Потемневшие от старости листы во многих местах уже отошедшие от стен, свисали, закручиваясь в спирали, и кое-где уже почернели, словно начинающая обугливается бумага. Под потолком в углах виднелась старая паутина с иссохшими трупиками насекомых. На полу серым ковром лежал толстый слой пыли. В ноздри ударил едкий запах кошачьей мочи, и я почувствовал, как к горлу подступил рвотный позыв. Я насчитал в кухне не меньше шести котов — они все спали на стульях и на всех горизонтальных поверхностях. На полу валялись открытые целлофановые пакеты, доверху наполненные пустыми консервными банками из-под кошачьей еды. Оттуда шла просто невыносимая чудовищная вонь.

— Присаживайтесь, угощу вас чаем. — Польский прислонил бейсбольную битку к стенке возле двери. Я поглядывал на неё. Рядом с ним мне было как-то не по себе. — Держите! — Он протянул надтреснутую кружку с чаем.

— В вашем доме есть что-то болеутоляющее?

— Где-то валялся аспирин. Надо посмотреть... Вот, кстати, средство не хуже аспирина! — Роузове помахал бутылкой с виски и плеснул порцию в мою кружку с чаем.

Я немного отхлебнул. Напиток получился горячий, приторный и довольно крепкий. Польский нетерпеливо пил чай и внимательно смотрел мне в глаза. Сразу вспомнился пронизывающий холодный отчужденный взгляд Элисон Бэроонс.

— Ну и как вам она? — наконец заговорил он. И, не дожидаясь моего ответа, продолжил: — Я туда ещё не ездил. Отсюда непросто выбраться. Моя мама болеет, не хочу надолго оставлять её одну.

— Ну понятно. Когда вы последний раз видели Элисон Бэроонс?

— Помню мы с ней общались лет сто тому назад. Я давно позабыл её женский образ тот взгляд, и те глаза в них мне хотелось всматриваться всё больше и больше. Мы с ней уже давно не общались. В последний день нашей встречи я был у неё на свадьбе, потом мы раз пересеклись взглядами... Вот пожалуй, и всё что я помню. Бренд Элисон шагу не давал ступить каждый её преодолимый женский шаг контролировал. Всё что она делала контролировал. После свадьбы она перестала мне звонить. Я ждал её приезда, но каждый раз когда я смотрел в окно снаружи барабанил дождь по крыше моего дома, а её женского силуэта нигде не было видно кроме как на фонарном столбу зажигался свет, и после я перестал надеяться на то, что Элисон ко мне всё-таки приедет я этого не дождался. Если честно, моя мама даже здоровскиобиделась.

Я слушал капли дождя стучавшиеся по крыше молча. В голове словно работал отбойный молоток, и я едва соображал на какое-то мгновение в глазах помутнелось. Но я чувствовал, что кто-то наблюдает за мной.

— Так для чего я тебе так срочно понадобился, дружище? — Польский прищурился как хитрый лис.

— Собирался задать вам несколько вопросов... Об Элисон, о её детских годах, — с трудом выдавил я.

Понимающе кивнув, мой собеседник налил себе в бокал ещё виски. Казалось, он немного расслабился. Виски подействовал и на меня: боль слегка притихла, и в голове несколько прояснилось. Главное, не отходить от главной темы. Не увлекаться лирикой, только фактами! И поскорее вон отсюда.

— Вы росли с Элисон вместе? — задал я первый вопрос.

— Мы с моей мамой переехали сюда, когда мой отец умер. Мне было семь или восемь. Думали, что это ненадолго, а потом мать Элисон погибла в аварии, и тогда моя мама осталась тут, чтобы присматривать за Элисон и дядей Викторсом.

— Вертонсм Раузе — отец Элисон?

— Да.

— Он умер здесь несколько лет назад, верно?

— Да всё верно. — Польский нахмурился. — Покончил с собой. Повесился на чердаке. Я его и обнаружил там.

— Ох, боже ужас то какой...

— Да уж, приятных воспоминаний остаётся мало. Элисон страшно переживала. Полагаю, тогда мы с ней и виделись в последний раз. На похоронах дяди Вертонсма. Она тогда паршиво выглядела... Может ещё виски?

Я попытался отказаться, однако Польский, продолжая рассказ, налил в мою чашку новую порцию виски.

— Между прочим, я не верю, что Элисон грохнула Бренда. По-моему, это полнейший бред.

— Почему вы так считаете?

— Элисон никогда не была такой. В ней никогда не было злобы.

«Зато теперь есть», — подумал я про себя.

— Элисон так и не заговорила? — Польский отхлебнул их кружки.

— Пока что нет.

— Странно. Мне казалось, Элисон...

В этот момент этажом выше, прямо над нами, раздался грохот от падения тяжёлого предмета, и приглушённый женский голос проговорил нечто неразборчивым голосом.

— Я на минутку! — Польский мгновенно очутился на ногах, быстро подскочил к нижним ступеням лестницы и, задрав голову вверх, громко крикнул: — Мам, ты в порядке?

Сверху послышалось невнятное бормотание.

— Что? Ну ладно. Сейчас! — Он хмуро посмотрел на меня. — Мама хочет, чтобы вы поднялись к ней на верх.

Польский громко топал на второй этаж, вздымая со ступеней облака пыли. Я потихоньку шагал вслед за ним. Ноги слушались уже намного лучше, но от ходьбы слегка потемнело в моих глазах.

Наверху возле перил лестницы стояла Лирия Роуз. Я видел её безобразное лицо я увидел в окне второго этажа. По плечам безобразной старухи свисали длинные тонкие седые волосы, напоминающие мне паутину. Лирия весила целую тонну: раздувшаяся шея, мясистые предплечья, распухшие ноги, будто напоминавшие стволы деревьев. Старуха грузно опиралась на палку, которая опасно гнулась, едва с трудом выдерживая её чудовищный вес.

— Кто это такой? — обращалась она к сыну, но не сводила с меня глаз, сварливым голосом громко спросила она. И снова этот жуткий, леденящий за душу взгляд, как и у Элисон.

— Мам, ты только не волнуйся. Это просто лечащий врач Элисон. Он приехал из клиники, чтобы пообщаться со мной, — спокойным тоном ответил Польский.

— Что ему от тебя нужно? Ты что-то натворил?

— Он хочет поговорить об Элисон. Вот и всё что ему нужно.

— Да ведь это журналист, придурок ты этакий! — Голос Лирии сорвался на визг. — Гони его в шею!

— Нет, мам это не журналист. Я видел его документы. Мам, всё хорошо. Давай я помогу тебе прилечь на постель.

Необъятная старуха со злобным ворчанием позвонила увести себя в спальню. Польский кивком пригласил меня следовать за ними.

Лирия обессиленно откинулась на две подушки. Кровать жалобно скрипнула под её тяжестью. Роуз поправил две подушки. В ногах Лирии клубочком свернулся дряхлый рыжий кот. Я не видел более уродливого кота: вся голова в старых боевых шрамах, местами проплешины, одно ухо отгрызено. Это чудовище ещё и порывкивало во сне.

Я потихоньку осмотрелся. Повсюду в комнате валялся ненужный хлам: стопки выцветших от старости журналов и пожелтевших газет, кучи старого тряпья. У стены виднелся кислородный баллон, на прикроватном столике стояла коробка из-под печенья, битком забитая различными упаковками таблеток. Я чувствовал на себе враждебный взгляд Лирии. Её глаза не оставляли сомнений в диагнозе: старуха явно уже была душевно больна.

— Что ему нужно? — Глаза Лирии заметались по мне сверху вниз и потом обратно. — Кто этот человек?

— Мам, я уже тебе говорил, — терпеливо объяснял Польский. — Эти психотерапевт Элисон. Он хочет узнать о ней немного побольше, чтобы назначить ей верное лечение.

Старуха почистила горло и смачно плюнула на пол у моих ног, ясно давая понять, какого она мнения о психотерапевтах.

— Мам, ну, пожалуйста... — застонал Польский.

— Заткнись! — Лирия смотрела на меня с ненавистью. — Зря Элисон упекли в психушку!

— Интересно, а куда её нужно поместить? — отозвался я.

— В тюрьму! — рявкнула Лирия. — Хочешь узнать побольше об Элисон? Я сейчас тебе расскажу. Маленькая дрянь! С самого детства она росла гадиной!

В голове снова запульсировало. А Лирия продолжала, постепенно распаляясь:

— Мой несчастный брат Верстин так и не смог пережить смерть Еванжелины. Я заботилась о ней. И об Элисон тоже. И ты думаешь, я получила о неё хоть каплю благодарности?!

Мнение Лирии мне было понятно. Мой ответ не требовался.

— Знаешь, чем эта сучка мне отплатила? — Старуху прямо на моих глазах трясло от злости. — Что она сделала со мной?

— Мам, пожалуйста не надо...

— Захлопни свою пасть, идиот! — Лирия снова повернулась ко мне; её голос буквально сочился ядом. — Эта тварь нарисовала меня! Намалевалева мой портрет, не сказав мне ни слова! Не спросив моего разрешения! Я отправилась на её выставку, а там висит эта мерзость! Ни единого вкуса, ни какой лишней красоты. Одна лишь пошла карикатура!

Лирия словно задыхаясь от эмоций, и Польский не на шутку встревожился.

— Думаю, на этом нам пора закончить. Отправляйтесь-ка вы лучше домой, приятель. Маме вредно волноваться, — хмуро проговорил он.

Лирия Роуз однозначно была не в себе. Я молча кивнул Польскому и с радостью выбрался из мрачного дома.

Я возвращался на станцию с огромной шишкой на затылке и с жуткой головной болью. Досадная потеря времени. Я не выяснил абсолютно ничего нового, за исключением очевидного факта, почему при первой же возможности Элисон уехала из ненавистного дома. В семнадцать лет я точно также сбежал от отца. А от кого бежала Элисон? Ответ лежал на самой поверхности — она рвалась на свободу от гнета кошмарной тётки. Я задумался о портрете Лирии Роуз, который написала Элисон. Старуха назвала картину «пошлой карикатурой». Значит, пришла пора зайти в галерею Жан — Франциаса и понять, из-за чего она так бурно возмущалась.

Сидя в вагоне поезда, уносящего меня из камбоджи, я размышлял о Лирии Роуз. Бедный парень! Вынужден жить под одной крышей с настоящим чудовищем... Она использует его как бесплатную рабочую силу. Ужасная, одинокая жизнь. Вряд-ли у него много друзей. Думаю, и любимой девушки тоже нет. Честно говоря, я бы, не удивился узнав, что Польский всё ещё девственник. Несмотря на его огромный рост и недюжинную физическую силу, в нём чувствовалось что-то чахлое, разложенное.

Лирия вызвала у меня мгновение и сильное отторжение — возможно, она слишком напоминала моего отца. Если б я не уехал, то сейчас наверняка превратился бы в подобие бедолаги Польского. Если б я остался в родительском доме в Сурре, отдавшись на волю деспотичного безумца...

Всю дорогу до Франции я был очень подавлен. Грустным, уставшим, готовым разрыдаться. Не знаю, переживал ли я уныние Польского или своё собственное...

Вернувшись, я не застал Кэт дома. Открыв её ноутбук, попробовал зайти в почту. Тщетно: страница была закрыта. Я допускал, что Кэт не повторит такой ошибки. Неужели я опущусь до взламывания её почты, стану с маниакальной методичностью подбирать пароль? Ну уж нет. Я прекрасно отдавал себе отчёт в том, что превратился в пресловутого ревнивого мужа. По злой иронии судьбы. Кэт как раз репетировала роль Дездемоны в постановке «Оттела».

И почему я не догадался переправить злополучные письма себе? Тогда у меня появилось бы письменное свидетельство её неверности. Я допустил непростительную ошибку. Тогда я стал припоминать, что порции в тот вечер и видел ли я её вообще. После солидной порции марихуаны я едва трезво соображал. Правильно ли я понял содержание писем? Я поймал себя на том, что пытаюсь притянуть за уши любые теории, лишь бы доказать невинность моей жены. Вдруг это было сценическое упражнение? Может, она так входила в «Оттелу»? Помню, перед премьерой спектакля «Всё моё сокровище» по Аслану Виллеру Кэт целых семь недель заставляла себя говорить с американским акцентом... Вдруг также и сейчас... Вот только в письмах стояла подпись «Кэт», а не «Дездемонна». Жаль, что эта история мне ни разу не приснилась. Вот бы проснуться и забыть случившееся, будто это был ночной кошмар... Увы, я прочно увяз в страшном болоте недоверия, бесконечных подозрений и страхов.

Внешне наша с Кэт совместная жизнь оставалась такой же безоблачной. По субботам мы по-прежнему гуляли и ничем не отличались от любой другой парочки в парке. Возможно, паузы в нашем разговоре затягивались чуть дольше обычного, но они не вызвали чувства неловкости. Пока мы молча бродили по парку, я мысленно вёл сам с собой ожесточённый спор, в миллионный раз повторяя одни и те же вопросы. Зачем она это сделала? Как же она так могла?... Как можно клясться в вечной любви, выйти замуж, трахаться со мной и жить под одной крышей — и одновременно год за годом нагло врать мне в лицо?! Когда начался роман с тем мужчиной? Любит ли она его? Собирается ли она уйти к нему навсегда?

Несколько раз, пока Кэт принимала душ, я просматривал текстовые сообщения в её телефоне, однако ничего криминального я там не нашёл. Либо новые сообщения от того мужчины больше ей не приходили, либо жена их стёрла сама. Может, Кэт немного невнимательна, но уж точно не глупа. Я мог никогда не узнать правды. Просто не поймать жену на измене... Может, было бы лучше, если бы я её за этим не поймал?

— У тебя всё нормально? — удивлённо спросила Кэт, когда мы вечером после прогулки сидели на диване.

— В каком смысле?

— Ну я не знаю. Ты какой-то выпотрошенный.

Прохладным августинским ранним утром. Голые деревья вдоль подъездной дороги напоминали моему воображению голые скелеты, небо заволокли тяжёлые тёмные тучи, которые уже готовые разразиться бесконечным проливным дождём. Стоя у пропускного пункта, я достал из кармана кожаных штанов пачку сигарет, Стюард. Я не курил уже больше двух месяцев, находясь долгое время в завязке я понял как мне тяжело я твердо пообещал себе, стоя у гостиничного зеркала, что в этот последний раз брошу с курением навсегда. Но сейчас почему-то в этот момент я снова потерял своё обещание. Зажёг сигарету, я чувствовал раздражённость к самому себе. Среди психотерапевтов принято считать, что курение — это пристрастие, с которым должен уметь справляться любой хороший специалист. Чтобы от меня не несло табачным, густым дымом я забросил в рот пару мятных жевательных подушечек и разжевывал их, до тех пор пока сигарета всё ещё по-прежнему находилась в моих руках.

Я прыгал с ноги на ногу и зябко ежился от пронизывающего ветра — в моём организме присутствовало волнение, нежели холод. Меня внезапно одолели смутные сомнения. Мой коллега по работе из Бразилии заявил без обвинений, что я совершаю большую глупую ошибку. Он намекнул, мне чтобы я не обольщался насчёт головокружительной карьеры в Германии: об этой стране в целом и о профессоре Димомидиксе в частности по психиатрической лечебнице блуждают неосмысленные слухи.

— Ещё очень часто упоминают психотерапевты не признают никаких совершенных ошибок в своей жизни. Очень большое значение они придают терапии в группе пациентов. В одно время я когда-то даже работал с психологом Фроловым. В семидесятые он руководил сообществом альтернативным психо-биспансером в Трущобах на окраинах города. Денег с таким подходом особо не заработаешь, особенно сейчас и именно в этом городе. — Тут мой коллега ненадолго время замолчал, размышляя стоило ли ему продолжать, работать потом спустя через какое-то время он тихо шёпотом на ухо мне сообщил: Пойми, Бренд, я тебя не пытаюсь запугать, но у меня есть информация, что в Германии намечаются серьёзные сокращения по финансовому заработку. Через восемь месяцев тебя запросто могут выкинуть на улицу оставив безработным. Подумай хорошо, стоит ли затевать серьёзные опасные игры с жизнью?

Я сделал вид, будто задумался (исключительно только из вежливости), и через пару пролетевших мимолетных мгновений ответил не замедлив:

— Стоит. Я в этом уверен.

— Ой чувствую, загубишь ты себе карьеру Бренд... Но если ты уже конечно всё для себя решил... — наконец произнёс мой коллега, сокрушенно качая головой. Он всё ещё пытался меня отговорить шагнуть назад от края пропасти.

Я не собирался откровенно говорить по поводу моей заветной давней мечты излечить Элисон Бэроонс. Конечно, сейчас я бы мог сформировать свой план в понятных моему коллеге главных терминах: например, что столь трудный жизненный случай обязательно выльется потом в книгу или появиться на свет научным трудом. Впрочем, какая теперь разница он всё равно повторил бы, всё сначала что я совершаю ошибку. Возможно, мой коллега прав... В скором времени всё выяснится!

Я затушил окурок, подошвой сапог пытался сам себя успокоить набравшись смелости

шагнул на проходную. Грозный располагался в самом старом крыле больницы Эндревич — Стоун. Изначально это было игральное здание построенное из красного кирпича. Затем в 2000 году оно стало постепенно обрастать огромными уродливыми пристройками. В глубине этого комплекса и находился Гроуверд.

Единственным, было то, что указывало на каких-то страшных пациентов энергетика таилась в стенах, больничных палат повсюду стояли камеры, даже торчали на алюминиевых заборах, словно наблюдающие хищные птицы. Стюард, где располагалась стойка регистраторы, её постарались сделать уютной. В гостиничном зале стояли большие красные диваны, на стенах висели неловкие, будто созданные детскими, руками рисунки, выполненные пациентами больницы. Здесь Гроуверд напоминал моей памяти скорее детскую художественную школу, чем надёжно охраняемую психиатрическую больницу для преступников.

Вскоре ко мне подошёл мужчина высокого роста на его лице я увидел сияющую улыбку он протянул руку:

— Здравствуйте! Позвольте представиться Иннокентий, старший медбрат. Добро пожаловать в Гроуверд! К сожалению, в роли встречающей международной делегации только я, — пошутил он. С его лица всё также по-прежнему не сходила улыбка.

Иннокентий отличался приятным опрятным внешним видом и крепким мускулистым телосложением. На вид я бы дал ему около сорока пяти. У него были тёмные волосы, над краем белого халата воротничка виднелась небольшая часть татуировки — выющийся вверх по шее утонченный узор. От Иннокентия пахло табачным дымом и ударяющимся в ноздри запахом лосьона после бритья. Несмотря на легко проскальзывающий в речи французский старшего медбрата Иннокентия для меня он был безупречен.

— Я переехал сюда в Германию из Франции восемь лет назад, — рассказывал он. — Сначала он ни единого слова по-французски не знал. А через два года уже говорил и понимал его без всяких затруднений.

— Конечно я в восторге!

— Французский выучить на самом деле легко. Попробовали бы вы освоить уроки языка по-Тайскому! — Иннокентий рассмеялся и, сняв с пояса серебряное кольцо со звякающими друг о друга ключами, вручил их мне. — Эти ключи от одиночных палат, а вот коды доступные к больничным отделениям.

— Ничего себе! В Бразилии всё было гораздо скромнее и соблюдались рамки приличия.

— Неделю назад нам пришлось серьёзно повысить уровень защиты. С тех пор сюда в больничную палату перевели Стефани Майор...

— А кто такая Стефани Майор?

Вместо ответа Иннокентий кивком указал на женщину, появившуюся из двери позади стойки регистрации. В чертах её лица угадывалось карибское происхождение. Лет сорока шести, на голове безупречное неотразимое женственное каре.

— Стефани Майор, она является управляющей в Гроуверде, — сухо улыбнувшись, представилась женщина.

Её рукопожатие оказалось намного крепче и решительнее, чем у Иннокентия, и гораздо менее равнодушным.

— Как управляющая Гроувердом я уделяю первостепенное внимание безопасности, — заявила Стефани. — Это касается и пациентов, и больничного персонала. Если вам не обеспечена должная безопасность, значит, она не обеспечена и пациентам. — Стефани

выдала мне небольшое устройство (сигнализацию, на случай нападения). — Всегда держите его под рукой: не нужно просто оставлять его в этом кабинете.

Я с трудом поборол в себе желание произнести фразу «слушаюсь, мээм!». С {suggestion} Стефани лучше не ссориться, иначе проблем не из8. Я всегда придерживался подобной тактики со строгими начальницами: не спорил, не высовывался, и всё было прекрасно.

— Приятно с вами познакомиться, — с улыбкой произнёс я.

Стефани кивнула, в ответ, но не улыбнулась:

— Иннокентий вас проводит.

Затем Стефани развернулась и, больше не взглянув на меня, ушла.

— Пойдёмте, за мной — позвал Иннокентий.

И я последовал за ним к массивной стальной двери, ведущей в само отделение. Тут же рядом с металлодетектором дежурил охранник.

— Думаю, вас учить не надо, — произнёс Иннокентий. — Никаких острых предметов, ничего, что может быть использовано как оружие.

— Зажигалки тут тоже нельзя, использовать — добавил охранник, выуживая её у меня из кармана и глядя с осуждением.

— Прошу прощения, я совсем забыл! — извинился я.

— Я провожу вас в кабинет. — Иннокентий жестом пригласил меня следовать за ним. — Сейчас все на общем собрании, поэтому здесь так тихо.

— Я могу к ним присоединиться? — спросил я.

— Не хотите для начала устроиться в кабинете? — изумился Иннокентий.

— До кабинета я могу дойти и потом. Вас не затруднит проводить меня на собрание?

— Ну что — ж как скажете. — Иннокентий пожал плечами. — Тогда нам сюда.

И мы пошли по длинным коридорам, отделенным друг от друга запертыми дверьми. Ритмично закрывались двери, лязгали и уезжали в пазы при открытии мощные штыри, поворачивались в замках ключи. Мы продвигались вперёд с черепашьей скоростью.

Судя по виду коридоров, ремонт здесь не проводили уже несколько лет: краска на стенах облупилась, помещения пропитались слабыми затхлыми запахами плесени и разложения.

— Ну вот мы пришли, — проговорил Иннокентий, останавливаясь перед одной из закрытых дверей. — Заходите.

— Благодарю вас.

Пару мгновений и я собирался с мыслями, а открыл дверь и шагнул внутрь.

Собрание проводилось один или три раза каждый день и представляло собой нечто среднее между административным совещанием и сеансом групповой психотерапии. На повестке дня обсуждались насущные вопросы, конкретно касающиеся психиатрической больницы в целом и лечения конкретных пациентов в частности. Это была, если говорить словами профессора Диомидикса, попытка вовлечь пациентов в собственное лечение и побудить их нести ответственность за свое состояние. Не стоит и говорить, что этот метод не всегда срабатывал.

Прошлое Диомидикса, связанное с сеансами групповой терапии, означало, что Диомидикс любил проводить разного рода собрания и особенно поощрял совместную работу с коллегами. Видимо, Диомидиксу очень часто нравилось выступать перед аудиторией. В этом мне он напоминал театрального героя. Профессор поднялся со своего места и шагнул мне на встречу с распростертыми объятиями.

— Бренд! А вот и вы! Добро пожаловать!

Диомидикс говорил с едва уловимым французским акцентом, который почти исчез за те сорока пяти лет, что за эти годы он прожил во Франции. Статный, несмотря на свои пятьдесят с лишним лет, в этом энергичном озорном человеке скрывался юный молодой человек и больше напоминал легкомысленного двоюродного брата, чем психотерапевта. Однако это не означало, что Диомидикс не уделял должного внимания своим пациентам. Напротив, утром он приезжал в Гроуверд первым, ещё до прихода уборщиц, в своём кабинете засиживался допоздна, после того как на дежурство заступала вечерняя смена, а то было что Диомидикс ночевал в своём кабинете на кожаном диване. Трижды разведенный профессор шутил что самым удачливым оказался третий брак, когда он связал свою жизнь с Гроувердом.

— Присаживайтесь! — Глядя на меня, Диомидикс махнул рукой на свободный стул рядом со своим. — Сюда-сюда-сюда!

После того как я уселся, на стул профессор с некоторой пафосной речью произнёс:

— Позвольте представить вам нашего нового психотерапевта! Его зовут Кристофер Фарбер. Давайте поприветствуем нового члена нашей небольшой, но очень дружной семьи!

Пока Диомидикс говорил, я скользил глазами по сидящим вокруг людям, выискивая Элисон. Но увы, её нигде не было. В отличие от профессора Диомидикса, одетого в безупречный деловитый костюм и чёрный галстук, остальные предпочли менее формальные рубашки с коротким рукавом или просто белые футболки. Мне было сложно сказать, где тут находился персонал, а где сидели больные.

В скором времени обнаружилась пара знакомых лиц. Например, Кристофер, которого я знал по Броуверду: светло рыжая борода, греческий нос красивые, черты лица. Он покинул Броуверд вскоре после моего поступления на работу. Помню, Кристофер мне всегда особо не нравился; впрочем, я толком о нём так ничего и не узнал, потому что мы практически не работали вместе. Далее я заметил Ингриду, которая проводила собеседование с больными. Она слегка улыбнулась мне, и я немного взбодрился — это было единственное дружелюбное лицо в светлом помещении.

Больные смотрели на меня с откровенным подозрением, что было мне вполне понятно. Каждому из пациентов пришлось пережить насилие: физическое, моральное или же

сексуальное. Пройдёт ещё много времени прежде чем эти люди научатся мне доверять. А кто-то из них так и не сумеет. Среди пациентов я увидел только женщин — с грубоватыми морщинистыми лицами, у некоторых даже на лице виднелись шрамы. У каждой из этих женщин была пройдена тяжёлая жизнь. Страдания от всевозможных ужасов надломили их душевное здоровье, толкнув в чудовищный мир психического заболевания. Их пути отобразались на лицах, что просто невозможно было заметить.

Но где-же Элисон Бэроонс? Я ещё раз безуспешно пробежался взглядом по лицам пациентов. И вдруг я осознал, что смотрю прямо на неё: Элисон сидела напротив меня, с противоположной стороны круга! Я не видел женщину, потому что какое-то время она была для меня невидима. Без особых сомнений, её сильно накачали седативными препаратами. Тяжело развалившись на стуле, Элисон держала в трясущейся руке картонный стаканчик с кофе. Я едва удержался, чтобы не подойти, и не поправить её стаканчик. Она была настолько не здесь, что она не заметила бы, если бы я это сделал.

Я не ожидал, что Элисон окажется с грустью на лице. Её плачевное состояние меня пугало немного сейчас именно на этом месте в ней мне напомнило ту красивую женщину, которую я помнил всю жизнь: глубокие зелёные глаза, превосходные пропорции лица. Сейчас Элисон страшно исхудала, со стороны выглядела неухоженной её волосы были растрепаны. Роскошные рыжие волосы превратились в грязные петли слипшееся месиво вокруг её женственных плеч. Ногти на руках были сгрызены, местами до самого мяса. На обоих запястьях белели старые шрамы от порезов — эти отметины Элисон правдиво изобразила в своей «Жизни». Её пальцы по-прежнему дрожали не переставая — явный побочный эффект, возникший на фоне приёма сильных наркотических препаратов на вроде «Риферона» или других тяжёлых антипсихотических средств. В уголках приоткрытого рта блестела слюна — неконтролируемое слюноотделением, к несчастью, ещё один побочный эффект подобного лечения.

Неожиданно я поймал на себе взгляд профессора Диомидикса. Мне наконец пришлось прекратить рассматривать Элисон и повернуться к нему.

— Расскажите про себя, Кристофер. Буквально пару слов. Думаю, у вас это получится лучше, чем у меня, — произнёс профессор.

— Большое спасибо. — Я кивнул. — Вряд-ли я смогу что-то добавить к уже сказанному, пожалуй, кроме одного: я очень рад, что работаю здесь. Волнуюсь и немного нервничаю, но я полон надежд. И очень хочу познакомиться с каждым из вас поближе, особенно с пациентами. Я...

Внезапно мою речь прервал громкий звук распахнутой настежь двери. В первое мгновение я подумал, что у меня начались галлюцинации. В комнату ворвалась высокого роста женщина с двумя деревянными копиями, шипастыми на концах. Она подняла копия над головой, а потом швырнула их в нас. Одна из больных закрыла лицо руками громко закричав.

Я был почти уверен, что шипы проткнут нас насквозь — но они с оглушительным грохотом упали на пол прямо посреди нашего круга. И только теперь я увидел, что это вовсе не шипы, а бильярдский кий, шар сломанный пополам. Эта крупная пациентка, светловолосая, по всей видимости испанка, она закричала:

— Ну как же меня это бесит! Кий сломан уже месяц, а нового так и нет ни хрена!

— Ну что за выражения, Эльфия! — одернул великаншу Диомидикс. — Я не стану обсуждать эту претензию, пока не решу, стоит ли допускать вас до участия в собрании,

учитывая то, с каким опозданием вы сюда явились! — Профессор эффектно потрянул своей шевелюрой и затем повернулся ко мне: — А что думаете, вы Кристофер?

Я не сразу нашёл, что мне нужно на это ответить.

— Ответственно полагаю, всем нужно уважать друг друга и приходить на собрание к назначенному времени... — начал было разговор я.

— Ой как ты, что-ли? — в стороне раздался мужской голос.

Я повернулся в ту сторону и увидел, что ко мне дерзко обращается Кристофер. Он громко засмеялся, был довольный собственной шуткой. Губами я выдавил натяжную фальшивую улыбку, затем снова посмотрел на Эльфию и произнёс:

— Он совершенно прав. Я сегодня тоже опоздал. Это станет уроком для нас обоих.

— Что вообще за хрень?! — пробросила великанша. — Ты вообще кто такой?

— Эльфия, ну вот опять ты! — вкратце произнёс профессор. — Вы же не горите желанием попасть в чёрный список? Присядьте, пожалуйста на своё место.

Однако на слова профессора Эльфия никак не отреагировала на слова профессора и по-прежнему продолжала стоять.

— А что по-поводу шарообразного кия?

Вопрос Эльфия адресовала профессору Диомидиксу, но тот перевёл взгляд на меня, приглашая ответить на вопрос Эльфии.

— Эльфия, я вижу, вы очень расстроены из-за сломанного кия, — проговорил я. — Наверняка тот, кто его сломал, был сильно не в духе. Это приводит нас к вопросу: как мы все здесь поступаем, когда сталкиваемся с агрессией? Давайте задержимся на этом вопросе и обсудим ситуацию все вместе. Садитесь на свои места!

Эльфия раздражённо закатила глаза, тем не менее она уселась на стул. Ингрида с довольным видом едва заметно кивнула мне. И мы завели разговор о гневе, стараясь втянуть пациентов в дискуссию чтобы они рассказали о своих приступах агрессии. По-моему, у нас с Ингридой получалось даже неплохо. Я чувствовал взгляд профессора Диомидикса, оценивающего моё маленькое представление. Он выглядел довольным.

Я случайно бросил взгляд на Элисон и с удивлением обнаружил, что та смотрит на меня (или, по крайней мере, в мою сторону). У неё было такое выражение лица, как будто она изо-всех сил пытается сфокусироваться и наконец увидеть что-то сквозь неясный сгусток тумана. Если б сейчас мне сказали, что эта бесцветная оболочка когда-то была той самой блестящей Элисон Бэроонс, которую ранее называли ослепительной, яркой и жизнерадостной, я бы просто в это не поверил. В тот момент я окончательно понял, что переход в Гроуверд был верным принятым решением. Последние сомнения наконец исчезли. Я вознамерился любой ценой добиться того, чтобы Элисон Бэроонс стала моей пациенткой. Времени почти не оставалось: она ушла, её личность безвозвратно угасала в крошечных стенах психиатрической больницы. И я был намерен отыскать её частичку тепла.

Кабинет профессора Диомидикса находился в самом обветшалом крыле здания. По углам длинного больничного коридора висела серая паутина, в коридоре работало всего лишь несколько лампочек. От волнения моё сердце забилось ещё сильнее я постучал в дверь кабинета, и после секундой паузы оттуда донеслось: «Войдите!»

Я повернул ручку, отворил скрипнувшую дверь и в следующее мгновение с изумлением носом почувствовал прохладный воздух. Здесь не улавливалось характерных для больницы едких ноток хлорки и каких-нибудь лекарств. Как бы ни было странно, в кабинете пахло как в оркестровой яме — деревом, струнами и смычками, мебельной полировкой и воском. Ещё несколько секунд и мои глаза привыкли к полумраку, а потом в глазах начинало понемногу расцветать и вокруг я увидел у стены небольшое коричневое пианино. Станный для психиатрической лечебницы предмет. В тени приютились примерно два десятка нотных пюпитров, на одном из столов громоздилась стопка нотных листов — эта хрупкая на вид конструкция высилась чуть ли не до самого потолка. На другом столе лежала скрипка, а возле неё — гобой и флейта. Чуть подальше располагалась арфа, огромная штука с декоративной деревянной рамой и душевной музыкой входящая из струн. Ещё я увидел аккомпаниатор я застыл на месте в полном замешательстве.

— Неужели вас так удивили эти музыкальные инструменты? — рассмеялся сидевший за рабочим столом профессор Диомидикс.

— Что они все ваши?

— Да. Музыка — моё увлечение. Хотя нет, я вру, музыка к ней я чувствую страсть! — Для пущего эффекта профессор поднял указательный палец.

У Диомидикса была занятая манера много говорить: его мужественная энергичная речь сопровождалась потрясающе богатой жестикуляцией, он подчеркивал фразы, словно дирижировал невидимым оркестром.

— Я руковожу любительской музыкальной группой. В наш коллектив могут выступать абсолютно все, кто душой желает: и персонал, и разумеется наши пациенты. Я считаю музыку одним из самых сильнейших терапевтических лечебных средств. — Тут профессор сделал паузу и продекламировал немного нараспев: — «Лишь только музыка способна дать покой встревоженной душе...» Вы с этим согласны?

— Конечно я согласен.

— Вы владеете? — спросил Диомидикс, прищурясь.

— Простите, Диомидикс чем именно? — непонимающе переспросил я.

— Игрой на каком-нибудь музыкальном инструменте.

— Боюсь, вас огорчить, но у меня нет способностей. — Я покачал головой. — Единственный имеющий отношение к музыке инструмент, который я освоил ещё в школе, — это был магнитофон.

— Значит, вы сумеете читать ноты? Вы бы нас просто спасли... Выбирайте любой инструмент. Я вас научу!

— Увы, но у меня её хватит на это терпение, — улыбнулся я, покачав головой.

— Значит вы отказываетесь? Кстати, терпение — главная добродетель хорошего психотерапевта! В юности я никак не мог решить, кем мне стать: музыкантом, священником или всё-же наконец врачом. Теперь я совмещаю все эти три профессии. — Профессор

громко засмеялся.

— Похоже, что всё именно так и звучит.

— Между прочим, когда вас принимали на работу, мой голос оказался главным и решающим, — чётко проговорил Диомидикс, резко сменив тему разговора. — Я очень активно высказался в вашу пользу. Вы знаете почему? Я что-то довольно необычное увидел в вас, Бренд... Сейчас вы напомнили молодого меня. Судьба это — штука довольно непредсказуемая, вдруг через несколько лет вы займете в Гроуверде пост главного руководителя? — Он выдержал эффектную паузу, а потом добавил: — Если, конечно, больницу к тому времени не закроют.

— Профессор Диомидикс думаете, могут закрыть?

— Пациентов в больнице мало, а персонала наоборот много. Мы сейчас работаем в плотном контакте с управляющей компанией: пытаемся понять, можно ли увеличить Рентабельность Гроуверда. За нами кто-то постоянно следит, наблюдает, если говорить иными словами — шпионят. Вы спросите: как вообще можно заниматься лечением в таких не самых благоприятных условиях? Выражаясь словами Унникента, «нельзя заниматься лечебной терапией в горящем здании». — Профессор Диомидикс покачал головой — и вдруг стал выглядеть на свой возраст, нервно истощенным и сильно уставшим. — По-моему, Стефания Лайл находится в сговоре с управляющей компанией, — прошептал он заговорщическим тоном. — В конце концов, они ей за это платят. Присмотритесь к Стефании повнимательнее и вы всё сами увидите.

В тот момент мне показалось, что в словах профессора Диомидикса проскальзывают параноидальные нотки. Впрочем, его реакция была мне вполне объяснима. Опасаясь сказать что-то не то, я тактично промолчал.

А потом вдруг сболтнул ни с того ни с сего:

— Диомидикс я бы хотел спросить у вас об одной пациентке вашей психиатрической больницы. Её зовут Элисон.

— Элисон Бэроонс? — Диомидикс несколько заметно напрягся. — Я вас внимательно слушаю.

— Скажите, Диомидикс какие лечебные процедуры с ней проводятся? У неё на данный момент индивидуальная программа?

— Нет.

— А что на этот счёт есть какая-то особая причина?

— Мы пробовали, а потом отменили.

— Извольте полюбопытствовать почему отменили? Кто работал с Элисон? Ингрида?

— Нет не она работала с Элисон Бэроонс. — Диомидикс отрицательно покачал головой. — Элисон занимался лично сам я.

— И что же в конце концов случилось?

Профессор Диомидикс пожал плечами.

— Элисон отказалась приходить ко мне в кабинет, и тогда я попробовал перенести сеансы психотерапии прямо у её больничной палаты. Увы, Элисон просто сидела на кровати, молча глядя в окно. Она не произнесла ни слова. Ни разу даже не взглянула на меня! — Диомидикс раздражённо взмахнул руками. — В конечном итоге я понял, что впустую трачу своё время.

— Наверное, вы правы. — Я кивнул. — Я подумал, что, возможно, мой перевод сюда...

— Так продолжайте! — Диомидикс пристально смотрел на меня не отрывая глаз.

— Существует малая вероятность, чисто теоретическая, что Элисон воспринимала вас в качестве представителя местной власти, у тому же наделенного карательной функцией. Не знаю, как складывались её отношения с отцом, но...

Профессор Диомидикс слушал со снисходительной улыбкой, словно я рассказывал какой-то анекдот и вот-вот должен был настать самый смешной момент.

— Вы считаете, что Элисон могла бы пойти на контакт с человеком более молодого возраста? Дайте-ка я угадаю... — Диомидикс хитро прищурился. — Ей нужен кто-то на вроде вас? Думаете, что вы сумеете помочь Элисон, Бренд? Спасти бедняжку? Добиться чтобы она заговорила? По-моему, вы уже добиваетесь этого не в первый день своего рабочего дня.

— Насчёт спасения я до конца не уверен, но хотел бы помочь ей. Я хотел бы попытаться. Как говорится «Попытка не пытка».

— Бренд вы не первый. — Ситуация явно забавляла Диомидикса. — Я и сам искренне верил, что смогу самостоятельно излечить её. Мой мальчик, Элисон — она как молчаливая сирена, которая заманивает нас к высоким скалам, где наша уверенность в собственном высоком профессионализме разбивается в щепки. Элисон преподавала мне значимый ценный урок, заставив принять поражение. Вероятно, вам тоже стоит вкусить этот горький плод воображения.

— Только в том случае если мне придётся потерпеть поражение! — дерзко ответил ему я.

Профессор Диомидикс неожиданно перестал улыбаться, и на его лице появилось загадочное выражение лица. Он немного, помолчал, а потом решительно произнёс:

— Ну вот и посмотрим. Для начала вам нужно познакомиться с Элисон снова. Вас ей ещё не представляли?

— Пока ещё нет.

— Обратитесь к Юрцеву, вам он организует встречу. И обязательно доложите потом о результатах.

— Хорошо. Именно так я и сделаю, — сказал я стараясь не выдавать охватившего меня радостного волнения.

Сеансы психотерапии проводились в маленькой уютной комнате, узеньком прямоугольнике, похожая как на тюремную камеру или жилище для человека который всю жизнь не имел лишнего гроша в кармане. Одно окно было закрыто и зарешечено длинными светлыми шторами. Единственное, что притягивало мой взгляд пятно розового на столе лежала упаковка с салфетками. Скорее всего, ее туда положила Ингрида. Не могу себе представить Кристина, была помощницей по протягиванию салфеток.

Я уселся на одно из двух обшарпанных кресел с выцветшей обивкой. Время шло медленными движениями. Элисон не появлялась. Может, она и не собирается сюда приходить? Наверное не желает меня видеть? Ведь на это она имеет право.

Пребывая в нетерпении и тревоге и даже немного нервничая, я вскочил с кресла и уставился в зарешеченное окно. Двумя этажами ниже виднелся двор размером с широким полем для игры в теннисный корт, обнесённый по периметру высокой стеной из красного кирпича. Слишком высокий, чтобы на неё можно было бы забраться, хотя, уверен, попытки побегов всё же случались. Каждый день после обеда пациенты полчаса группой толпились в тесном дворе — на свежем воздухе. Причём желания самих пациентов здесь не учитывалось. И в такую морозную погоду я понимал, почему многие отказывались от прогулок. Одни стояли поодиночке, что-то бормоча себе под нос; другие, словно казались зомби, бесцельно бродили по двору туда-сюда, никуда они толком не направлялись; третьи собирались в группы, дискутировали, общались, курили. До меня доносились странные голоса, выкрики и экзальтированный смех пациентов.

Элисон я разглядел не сразу. Она стояла в одиночестве у дальней стены — застыла без лишнего движения, будто изображая статую. Я заметил, что к ней направляется Юрцев. Он обратился к дежурившей неподалёку медсестре. Та кивнула, и Юрцев пошёл к Элисон, медленно, осторожно, словно приближался к дикому лесному животному.

Я попросил Юрцева позвать Элисон ко мне, просто сообщив, что её хочет видеть новый психотерапевт. И особенно подчеркнул, что приглашение должно звучать как просьба, а не как приказ. Юрцев говорил, Элисон безучастно стояла продолжая молчать. Ни единым жестом она не дала понять, что восприняла хотя-бы, услышала его слова. Юрцев некоторое время постоял возле Элисон, а затем развернулся и пошёл в обратном направлении.

«Ну вот и всё! Элисон не придёт, — подумал я тогда. — На что я, чёрт возьми, надеялся?! Перевод сюда был тратой большого времени». И тут к моему удивлению, Элисон сделала шаг в сторону Юрцева. Пошатываясь и слегка подволакивая ноги, она последовала за ним через весь двор, и вскоре обе фигуры скрылись в стенах лечебницы.

Итак, Элисон придёт! Я постарался взять себя в руки и постараться расслабиться. Усилием мужественной воли приглушил хор из голосов моего отца, кричавшей, что я не подхожу для этой работы, что я самое настоящее ничтожество и что я жалкий обманщик. «Заткнись! — мысленно приказал я. — Заткнись, кому говорю!»

Через пару минут раздался негромкий стук в дверь.

— Войдите! — отозвался я.

Дверь отварила. В коридоре стояли Элисон и Юрцев. Я попытался заглянуть ей в глаза, но Элисон смотрела себе под ноги.

— Пришла, — гордо сообщил Юрцев.

— Да, я вижу. Благодарю вас, — ответил я. — Здравствуйте, Элисон!

Она никак не отреагировала.

— Ну что зайдёте? — спросил я.

Юрцев склонился к Элисон, будто собираясь подтолкнуть её, однако вместо этого лишь тихо проговорил:

— Нет бойся, милая. Заходи в кабинет и садись.

Пару секунд Элисон колебалась, а потом, взглянув на Юрцева, медленно и неуверенно вошла в комнату. Тихо, как кот, опустилась в кресло, и положила дрожащие руки на свои колени.

Я протянул руку, чтобы закрыть дверь, однако Юрцев не тронулся с места.

— Дальше я справлюсь сам, — едва слышно сказал ему я.

— Но я не имею права... И потом, профессор сказал... — встревоженно начал Юрцев.

— Под мою ответственность. Поверьте, все в порядке. — Я незаметно показал ему брелок с кнопкой сигнализации на случай атаки. — Брелок со мной, впрочем, защита мне не понадобится.

Я взглянул на свою пациентку. Едва ли вообще она могла слушать то, что я говорю.

— Если что, я буду находиться за дверью, — произнёс он, явно не разделяя моего энтузиазма.

— Ну что вы это лишнее, но всё равно спасибо.

Наконец-то Юрцев удалился. Я закрыл дверь, выложил брелок на стол и сел в кресло напротив Элисон. Она по-прежнему глядела вниз. Я смотрел на её пустое, застывшее лицо и сгорал от желания узнать, что же скрывается под маской дурмана лекарств которые он принимает ежедневно.

— Элисон спасибо, что согласились прийти на встречу, — произнёс я вслух.

Не рассчитывая услышать ответ, тем не менее сделал паузу. Через несколько мгновений продолжил:

— Элисон так получилось, что я о вас знаю больше, чем вы знаете обо мне. Я много о вас услышал. Как о художнице, разумеется. Я поклонник вашего творчества.

Никакой реакции не последовало.

— Я попросил у профессора Диомидикса разрешения увидеться с вами, и он позвонил организовать эту встречу, — сказал я. — Спасибо, что вы на её пришли.

Я некоторое время помолчал в ожидании какого-либо знака со стороны Элисон — может, она прищурится, кивнет или нахмурит брови... Но ничего такого я не увидел. Я попытался представить, о чём сейчас думает Элисон. Возможно, Элисон накачали препаратами, что она вообще не в состоянии даже думать. Мне вспомнилась Рудольфовна. Интересно, чтобы она предприняла бы на моём месте? Рудольфовна говорила, что в личности каждого человека кроются два начала: хорошее и плохое. Здоровый рассудок способен выдерживать эту двойственность и жонглировать хорошим и плохим одновременно. Суть психической болезни в нарушении этого баланса — мы теряем контакт с нежелательным (плохими) частями своего внутреннего «я».

Для того чтобы вылечить Элисон, нужно отыскать те фрагменты себя, которые она заперла где-то глубоко внутри, за границей своего внутреннего сознания. А затем точно связать элементы ландшафта её психического внутреннего «я» и только потом станет ясен контекст ужасающих событий той роковой ночи, когда Элисон убила своего мужа. Процесс реабилитации будет медленным и трудоемким.

Начиная работу с новым пациентом, я обычно не тороплюсь, ничто не может ограничивать меня в выборе терапевтических методик. Как правило, все начинается с бесед — так проходит много лет. В идеальной ситуации пациент рассказывает о себе, о своей жизни, о детстве. А я слушаю, постепенно собирая из кусочков целое, — достаточно долго, чтобы разобраться и даже сделать кое-какие полезные заметки. Однако в случае с Элисон беседы не будет. Здесь слушать нечего. И нужную мне информацию придется добывать по крупицам из нелиберальных источников, включая контроперенос — чувства которые Элисон вызовет во мне во время наших сеансов, — и любые зацепки, почерпнутые мною из других источников.

Если говорить иными словами, я собирался лечить Элисон, не имея в голове чёткого плана действий. Я должен преуспеть, не только для того, чтобы доказать что-то профессору Диомидиксу, но — и это более важно — чтобы исполнить свой врачебный долг перед Элисон и помочь ей.

Я сидел в кресле и смотрел на неё, пребывающую в наркотическом дурмане, со слюной, скопившейся вокруг губ, и руками, мелко вздрагивающими, как прозрачные крылья мотыльков. Внезапно моё сердце сжалось от пронзительной тоски. Мне стало очень жаль Элисон и подобных ей. Я жалел всех нас — израненных и потерянных.

Разумеется, я не стал произносить свои мысли вслух. Сделал. Вместо то, что сделала бы на моём месте Рудольфовна, — мы с Элисон просто сидели в глубокой тишине.

Зайдя в свой кабинет я уселся за стол, разложил папку на моём рабочем столе с историей болезни Элисон.

— Обязательно изучите мои записи, — проговорил Диомидикс, отдавая документы мне в руки. — Они помогут вам работать с уверенностью.

Сегодня двадцатого сентября я не испытывал ни малейшего желания разгребать заметки профессора когда по панорамному стеклу барабанил дождь: как утверждал с точки зрения Диомидикс мне было понятно что он задумал. Я же хотел составить из собственного мнения жизнь с чистого листа. Тем не менее опыта в работе с больными пациентами у Диомидикса побольше поэтому я не стал ему противоречить. Мне бы не хотелось что между нами разгорался конфликт как красное пламя при пожаре.

— Спасибо за ценную помощь, — вежливо с улыбкой поблагодарил я, принимая зелёную папку из его протянутых рук.

Мой маленький скромный кабинет был обставлен лишь только самым необходимым и мой кабинет находился в конце здания, возле пожарного выхода. Я выглянул в окно: маленький птенец клевал клочок смерзшейся травы — зрелище было унылым и без особых тому надежд. Я вдруг зябко поёжился от холода. Как же мне было холодно сидеть в кабинете! Небольшая печка под окном была сломана. Юрцев обещал вскоре её починить, однако в голове промелькнула мысль что правильным решением будет обратиться к Стефании, с этой долгожданной просьбой, а если и она не сможет наладить процесс, нужно будет обсудить этот вопрос на собрании. Я с сочувствием вспомнил об Эльфии и к тому как с упорством она боролась за замену сломанного кия.

Я сидел за рабочим столом просматривая папку переданную из рук в руки профессора ничего особенного я не ожидал. Почти все необходимые сведения пациентов имелись в электронной базе данных. Тем не менее Диомидикс, как и большинство других сотрудников старшего возраста, предпочитал делать записи от своей руки и, ещё он игнорировал указания Стефании работать в электронной базе, он всё равно делал по-своему. Папка постепенно пополнялась сведениями пациентов листами с загнутыми уголками — и теперь эта папка лежала передо-мной. Я перелистывал потрепанную историю болезни Элисон. Записи профессора с его старомодными интерпретациями психиатрических сеансов не вызвала у меня большого интереса. Я решил остановиться на ежедневных отчётах медсестер, из которых я мог бы понять, каким образом менялась поведение Элисон Бэроонс изо дня в день в месяц за месяцем год за годом. Отчёты я изучил тщательным образом, выделяя факты, детали и упоминания конкретных знакомых мне лиц. Я хотел точно знать, во что я ввязываюсь, с чем мне придётся работать в дальнейшем и какого меня могут ждать сюрпризы на работе.

К моему разочарованию, особо ценных сведений почерпнуть из папки мне так и не удалось. То, что я выяснил, повергло меня в шок. По прибытию в Гроуверд Элисон дважды пыталась резать себе вены на запястьях и её психическое здоровье травмировалось тем что острое лезвие часто попадалось под её руку. Первые семь месяцев для круглосуточного дежурства к Элисон были представлены две медсестры; потом надзор ослабили, оставив только одну медсестру. Элисон даже не пыталась входить в контакт с другими пациентами или с больничным персоналом. Элисон вела себя очень замкнуто и от всех отстранялась.

Постепенно больные оставили Элисон в покое. Ведь если человек когда молчит, даже когда вы обращаетесь к нему, надежд не существует на то чтобы этот пациент заговорил первым, в итоге окружающие просто напрочь забывают о существовании человека. Элисон быстро превратилась в часть обстановки, больничной палаты и все те кто находился рядом с ней перестали замечать её.

Из этого ряда не скромных событий выбился мой единственный инцидент. Он произошёл в столовой, через несколько месяцев после появления Элисон в психиатрической лечебнице. Эльфия заявила, что Элисон заняла её место. Из отчётов мне было не очень ясно, что именно случилось, между Эльфии и Элисон, но их конфликт разгорелся довольно быстро как в окне деревенского дома вспыхнуло пламя. Элисон пришла в неадекватное положение и, разбив тарелку она попыталась острым краем перерезать горло Эльфии. Элисон скрутили, два массивных мужчин ей вкололи большую дозу седативных препаратов и её перевели на изолированное содержание так как она была опасна для общества.

Я и сам не до конца понимал, с какой стороны меня зацепил случай в столовой, но я чувствовал в нём что-то довольно странное. Об этом я решил расспросить Эльфию, что же именно произошло в тот день. Я вырвал из блокнота листок и взял ручку. Это была ещё старая привычка, со временем университетских, годов — ведение записей на бумаге помогает мне привести мой разум в порядок. Мне всегда даже в молодости было крайней сложно сформулировать свою точку зрения, пока до тех пор я не выражал её в письменном виде.

И я начал набрасывать идеи, задуманные цели, заметки — я пришёл к созданию плана действий. Приступая к лечению Элисон, сначала мне нужно было понять, что она за человек и как относилась к Бренду до момента убийства. Любила ли Элисон Бренда? Или вовсе ненавидела? Что же подтолкнуло Элисон к убийству своего мужа? Почему на допросе Элисон отказалась говорить — и об убийстве, и о чем-либо ещё? Ответов я пока не находил, пока их у меня не было; в голове появлялись лишь только новые вопросы.

Я взял ручку со стола написал посередине строки имя Жизнь и выделил, чёрной ручкой смутно вспоминая, что автопортрет сыграл во всей роковой жизни Элисон и Бренда важную главную роль. Стоило мне только понять почему всё произошло — и многое что казалось мне необъяснимым прояснится к Божьему Свету. В этой зелёной папке скрывался ключ к неразгаданно тайне. Написанная картина являлась посланием души Элисон, её разговоры свидетельствуются в суде. Эта картина что-то значила, и ещё мне лишь только предстоит расшифровать её. Я сделал в своём блокноте пометку посетить галерею ещё один раз. Также я записал: «Воспоминания о детстве». Для того чтобы мне понять мотивы убийства, я должен разобрать не только события той ночи, но и то, что происходило с Элисон много лет назад. Возможно, велика вероятность того, что случилось в те минуты, когда она целилась в мужа, а затем стреляла эти воспоминания посеяны глубоко в её прошлом. В её глазах была убийственная ярость, гнев, доводящий её до преступления, — не распознаны явлениями. Всё это задуманное проявляется в памяти, и в далёком детстве, где насилие и жёсткое отношение, которые взрослые вправе причинять маленькому ребёнку годами, копятся, пока в конце концов не происходит взрыв, зачастую направленный не на ту намеченную цель.

Я собирался выяснить, какой облик придало детство Элисон. И если Элисон не может или не желает рассказать мне об этом, тогда я найду того, кто сумеет это сделать для меня. Кого-то, кто знал Элисон до убийства, мужа кто поможет понять: её историю, какой она была раньше и что спровоцировало её и привело к задуманному.

В графе «ближайшие родственники» значилась некая Лидия Роузли, приходившая Элисон родной тётёй. Лидия вырастила её, как родную дочь она заменила ей мать, та погибла в автокатастрофе. Элисон также была в той машине, но каким-то необычным образом она сумела выжить. Безусловно, авария сильно повлияла на психику маленькой девочки. Оставалось только надеяться, что Лидия сможет мне что-нибудь рассказать об этом случившемся событии.

Первым — и вторым — контактивным лицом был адвокат Элисон, Майкл Бэроонс. Майкл приходился Бренду родным братом, а это значит, он мог наблюдать семейные отношения супругов на более чем их «личном уравнившем уровне. Неизвестно, захочет ли Бэроонс откровенно говорить со мной, но это уже отдельный волнующий меня вопрос.

Несанкционированные контакты психотерапевта с семьёй пациентки — это, мягко говоря, весьма нетрадиционный подход. Я давно подозревал, что Диомидикс не одобрит мою гнилую инициативу, и поэтому я решил действовать самостоятельно, как говорится на свой страх и риск. Оглядываясь назад, я понимал, что это был мой первый ошибочный шаг в работе с Элисон, послуживший началом печального конца. Там мне следовало бы остановиться: впрочем, даже тогда поворачивать назад уже было слишком поздно. Я не знал, что уже обречён, — как говорится в греческой трагедии.

Я позвонил Майклу Бэроонсу в офис по-указанному в папке телефона. Он ответил не сразу.

— «Эллайт, Барселонскоиу и Бэроонсу», — раздался в телефонной трубке охрипший голос сильно простуженный секретарши.

— Будьте так любезны мистера Бэроонса, — попросил я.

— Как вас ему представить?

— Меня зовут Тайлер Файберги. Я психотерапевт в психической лечебнице Гроуверд. Я бы хотел лично побеседовать с мистером Бэроонсом. Мне нужно сказать ему буквально пару важных слов, насчёт его невестки.

После незначительной долгой молчаливой паузы девушка ответила:

— Я вас поняла. Дело в том, что мистер Бэроонса не бы до конца этого месяца. Один из клиентов вызвал его в Экинбург. Можете оставить свой номер, телефона и я передам мистеру Бэроонсу, чтобы по прибытию он связался с вами, когда он вернётся.

Я продиктовал девушке свой номер мобильного телефона и, давал отбой, набрал номер Лидии Роузли, тёти Элисон. На сей раз трубку взяли мгновенно мне даже не пришлось долго ждать.

— Я слушаю! В чём дело? — раздался недовольный старческий голос. Пожилая дама тяжело дышала в телефонную трубку.

— Это миссис Роузли?

— А вы кто?

— Я звоню по поводу вашей племянницы, Элисон Бэроонс. Я психотерапевт из...

— Да пошёл ты ко всем чертям! — дерзко и грубо отрезала миссис Роузли и бросила трубку я даже не успел ни рта открыть.

Я хмуро уставился в экран телефона. Начало сегодняшнего рабочего дня не задалось.

Мне страшно хотелось курить. Выйдя с работы, я начал лихорадочно рыться в карманах своей куртки в поисках сигарет, но когда я понял что их там нет вынул руку обратно на поверхность.

— Молодой человек вы что-то потеряли?

Я чуть было не вздрогнул от неожиданности: позади меня вплотную стоял Юрцев. Я даже и не услышал, как он ко мне подошёл, и я был удивлён обнаружить его так близко рядом с моим телом.

— Вот, держите! — Медбрат с улыбкой на лице протянул мне пачку сигарет. — Я их нашёл на сестринском посту. Наверное, эта пачка выпала у вас из кармана.

— Спасибо вам.

Достав сигарету из пачки я закурил одну и затем протянул пачку с сигаретами Юрцеву вдыхая лёгкий запах дыма.

— Нет, я не курю. По крайней мере, я курю не сигареты, а что-то другое... — Юрцев громко засмеялся. — По-моему, вам бы сейчас не помешало выпить стакан виски. Пойдёмте, я угощаю вас виски!

Я замедлил. Инстинкт самосохранения подсказывал мне что нужно немедленно отказаться от его приглашения. Я никогда не любил сблизаться с коллегами по работе. К тому же у нас с Юрцевым мало общих интересов. Впрочем, он наверняка знает Элисон лучше в лечебнице и сможет рассказать о ней что-нибудь любопытное.

— А почему бы и не согласиться, — наконец отозвался я.

И мы отправились в ближайший бар под названием «Корабль Призрак». Внутри оказалось очень темно и грязно. И само заведение, и его посетители, кляющие носом над полупустыми бокалами с разными алкогольными напитками они явно повидали лучшие времена. Юрцев взял нам обоим по пинте, и мы уселись за столик в дальнем конце зала.

Медбрат сделал большой глоток и вытер рукавом клетчатой рубашки рот.

— Ну, теперь рассказывайте про Элисон! — попросил он.

— Рассказать про Элисон?

— Как она вам?

— К сожалению, пока никаких результатов.

— Элисон не спешила раскрываться, — удачно заметил Юрцев, глядя на меня с загадочной улыбкой. — Она прячется, как тень в крошечном переулке.

— Вижу, что она вам безразлична.

— Да, у меня к ней какое-то особенное отношение. Кажется никто не знает её лучше, чем я. Даже её не знал, так хорошо профессор Диомидикс.

В голосе Юрцева зазвучали тщеславные нотки. Почему-то то, как он говорит совершенно не понравилось. Действительно ли он знал Элисон настолько хорошо или он просто решил похвастаться передо-мной?

— Как по-вашему, мнению почему Элисон до сих пор молчит? Что означает её молчание? — спросил я у юрцева.

— Думаю, для Элисон ещё не настало время общаться с людьми. — Он пожал плечами. — Когда она будет готова, заговорит.

— Будет готова к чему? — удивился я.

— К суровой правде, друг мой.

— И к какой же правде?

Юрцев внимательно посмотрел на меня, слегка наклонив голову набок.

— Тайлер, а вы женаты? — неожиданно спросил он меня.

— Да я женатый человек. — Я кивнул.

— Именно так я и подумал. Раньше я тоже был женат. Вместе с супругой сюда в Гроуверд мы переехали из Греции. Однако супруга не сумела приспособиться к местной жизни. Она даже и не старалась, не хотела учить местный язык. В любом случае это семейный брак... Я никогда не был с ней счастлив, но по каким-то причинам не желал признаваться в этом самому себе, всё пытался убежать подальше от правды... — Юрцев допил виски и закончил: — А потом вскоре я по уши влюбился словно пятнадцатилетний мальчишка.

— Если я правильно понимаю, влюбились в другую женщину!

— Конечно! — Юрцев засмеялся. — Она жила тут неподалёку. Она самая настоящая красавица. Словно это была любовь с первого взгляда... Когда я увидел её на улице я всё никак не мог решиться к ней подойти и заговорить с ней. Часто шёл за ней следом, смотрел на неё исподтишка, стоял возле её дома и вглядывался, надеясь увидеть её женский силуэт в её окне...

Мне стало неловко слушать эту исповедь. Я допил виски и взглянул на часы, думая, что Юрцев поймёт мой намёк. Но он не заметил моих знаков и продолжил свой рассказ:

— Однажды когда пришло время я решился заговорить с ней. И оказалось, что моё чувство не было взаимно. Я пытался несколько раз, и всё оказалось напрасно. В конце концов она попросила, чтобы я прекратил её преследовать.

Я начинал понимать несчастную женщину и уже собирался вежливо попрощаться и уйти, однако Юрцев не на минуту не умолкал.

— Отказ мне пришлось принять нелёгко. Ведь я искренне верил, что мы созданы друг для друга. Она разбила мне сердце на осколки. И тут я разозлился на неё. Прямо сказать взбесился.

— И что потом произошло? — не удержался я от любопытства.

— Потом не произошло ничего.

— То-есть вообще ничего? То есть если я понимаю вы остались со своей женой?

— Нет я не остался с ней. — Юрцев отрицательно покачал головой. — Наш брак окончательно распался. Но когда я влюбился в другую женщину, я на самом деле увидел суровую правду о себе и узнал правду о своей женой. Иногда человек долгое время прячет голову в песок — тут нужно много времени и мужество.

— Вот оно что значит... Значит вы считаете, что Элисон не готова признать правду о своём браке? Возможно, так и есть, — задумчиво произнёс я.

— А невеста у меня всё-таки появилась, — улыбнулся Юрцев. — Родом из Великобритании. Работает в спа-салон, прекрасно владеет французским языком. Мы отлично подходим друг другу, и нам вместе никогда не скучно.

Я кивнул и, снова бросив взгляд на часы, решительно взял серое пальто.

— Ну что-ли мне пора. Супруга наверняка меня уже заждалась.

— Хорошо без проблем. Кстати, а как зовут вашу жену?

По какой-то неизвестной причине я не хотел говорить ему её имя. Не хотел, чтобы Юрцев знал о ней что-либо.

— Кэти, — нехотя сказал я, понимая, что веду себя довольно глупо. — Я зову её любимой.

— Вот что я скажу вам, Тайлер. Идите к своей жене. Идите к своей любимой. Она любит вас я уверен. И выбросьте Элисон из головы. — Юрцев загадочно улыбнулся.

Мы договорились с Кэт о встрече в кафе Национального восточного парка на восточном побережье Танзании. Группы людей часто собирались здесь после трудовых — рабочих будней. Кэт сидела в глубинке зала с парой знакомых в этой толпе ютились около барных стоек актрисы театра и российского кино Кэт что-то рассказывала, а те её внимательно слушали. Они глядели на меня, когда я приблизился к столику, где сидела Кэт.

— У тебя, наверное, уже уши горят, об обсуждения да? — засмеялась Кэт, целуя меня в губы.

— А что разве мои уши должны гореть?

— Пока ты сидел за дальним столиком я рассказывала девочкам о тебе.

— Ты что серьёзно? Я тут подумал может мне лучше уйти?

— Тайлер, а ты всё так же по-прежнему не расстаешься со своим чувством юмора! Садись, ты как раз пришёл вовремя! Я только что добралась до момента, когда мы с тобой впервые познакомились.

Я уселся, рядом с Кэт и она продолжила рассказ о нашем первом знакомстве. Она обожала рассказывать эту историю. Время от времени поглядывала на меня, скромно улыбаясь и как она вовлекала в свой процесс, однако это было чистой формальностью. Это была её история, о знакомстве, но не моя.

— Сижу я значит за барной стойкой, и, вокруг происходит то самое чудо, появляется ОН! Я уже окончательно поставила на своей личной жизни железный крест и вдруг я вижу: в бар заходит мужчина моей мечты! Лучше действовать поздно, чем вообще никогда! Вы же помните, я думала, гадала что к двадцати семи выйду замуж, а к тридцати трём обзаведусь тремя детьми, с мужем заведём маленького щенка и банке возьмём огромный ипотечный кредит. И вот мне уже тридцать четыре, и все мои планы мечты полетели вниз опустившись на дно! — с озорной улыбкой протараторила Кэт и хитро подмигнула своим подругам. — Тогда я встречалась с испанцем по имени Джон. Но наша свадьба и дети в его планы никогда не вписывались, и тогда я понимала, что только теряю с ним время. Мы с Джоном решили сходить в бар, и тут на сцене появляется Мистер моей мечты... — Кэт повернулась ко мне и договорила: — со своей девушкой!!!

Дальше Кэти следовало вести рассказ очень деликатной, речью чтобы не потерять симпатию своей аудитории. Дело в том, что на момент нашей судьбоносной встречи с Кэт мы оба были несвободны. Двойная неверность — это не самое красивое начало новых отношений. Фактически нас друг другу представили эксперты. Те эксперты уже давно знали друг друга наизусть. Сейчас я не припоминаю деталей: мне кажется, Мари пару раз встречалась с соседом Джоном по квартире. Сейчас я не могу вспомнить, как нас друг другу представили, зато наступил момент, когда я впервые в своей жизни увидел Кэт, напроочь врезался в мою память. Тогда меня словно током ударило: её длинные рыжие волосы, пронзительный завораживающий взгляд зелёных глаз, и эти губы они просто сводили меня с ума... Фантастически красивая, утонченная леди. Ангел!

Кэт выдержала долгую паузу и с нежной улыбкой взяла меня за руку.

— Ты помнишь, Тайлер, как мы тогда впервые заговорили с друг другом? Ты первый сказал, что учишься в колледже на психиатра. А я тебе ответила, что мне как раз нужно вправить мозги, а это значит, что мы с тобой просто созданы друг для друга.

Подруги Кэт отреагировали громким хохотом. И Кэти тоже засмеялась вместе с ними.

— Дорогой, ведь это была наша любовь с первого взгляда, ведь правда? — спросила она, с искренним чувством глядя мне в глаза.

Тогда настал мой выход на сцену.

— Ну конечно, любимая. Это наша с тобой настоящая любовь, — произнёс я и наклонившись поцеловал Кэт в её румяную щёчку.

Подруги Кэт смотрели на нас сладкую парочку и умилялись. Причём тогда я не пытался играть на публику. Кэт очень верными словами выразилась сама. Тогда я действительно пал жертвой любви к Кэт я понял что это была любовь с первого взгляда. Я жаждал — жертвенной страсти это уж точно. В тот вечер я пришёл с Мари, но я не смог отвести своих глаз от Кэт, исподтишка я просматривая на эту зеленоглазую красавицу. Они с Джоном о чём-то горячо спорили. И вдруг по губам Кэт я прочёл фразу: «Да пошёл ты к чёрту!» — и я понял что они ссорятся. Дело пахло керосином. Джон поднялся из-за стола и вышел из бара ничего больше не сказав.

— Тайлер ты сегодня и слова не сказал, — заметила Мари. — У тебя что-то случилось?

— Нет. На самом деле всё в порядке правда.

— Тайлер пойдём домой. Я ужасно устала и хочу спать.

— погоди, Мари — возразил я, едва слушая, её голос. — Давай лучше выпьем ещё.

— Тайлер, но я уже хочу домой.

— Если хочешь, домой то тогда иди.

Мари кивнула на меня обиженный взгляд, схватила свою куртку и скоропостижно удалилась. Я знал, что дома потом неизбежно разразится большой скандал, но в тот момент мне было уже всё равно. И тогда я пересел поближе к Кэт.

— А Джон вернётся? — спросил я.

— Нет, он не вернётся — Кэт покачала головой. — А Мари?

— Она тоже не вернётся. Может выпьем ещё по одной?

— Да, больше спасибо.

Мы с Кэт застряли у барной стойки. Я помню, как я рассказывал про свои занятия по психотерапии, а Кэт говорила про свою учёбу в театральном университете. Её учёба оказалась недолгой: в конце первого же курса Кэт заметил агент и предложил ей работу. С тех пор она выступала на сцене. И я поймал себя на мысли, что Кэт, должно быть, очень талантливая актриса.

— Учёба была не для меня, — призналась мне она. — Я рвалась дальше в бой!

— В смысле, ты рвалась на сцену?

— Да нет. Я говорю о настоящей жизни! — Кэт склонила голову набок и лукавым взглядом поглядывала на меня своими изумрудными глазами. — Как же у тебя хватает терпения на учёбу, Тайлер?

— Может, всё потому что я не хочу начинать «жить». Может, я самый настоящий трус.

— Если бы был бы трусом ты не сидел сейчас здесь ты ушёл бы домой вслед за своей подружкой, — с озорным смехом заключила Кэт.

Моим диким желанием было сгрести Кэт в охапку и страстно поцеловать. Раньше я никогда не испытывал такого сильного, переполняющего физического желания. Мои мысли были только об одном: как притяну Кэт к себе, прижмусь к её губам, почувствую жаркое пламя её тела...

— Прости, — спохватилась Кэт. — Сорвалось с языка. Я вечно болтаю первым, что

придёт в мою голову. Я предупреждала, что немного «ку-ку».

Кэт ещё несколько раз повторяла про себя, что она «того», что мол я не в себе», что «чокнутая», но я не верил в её слова. Кэт смеялась слишком свободно и часто она каким-либо образом не могла пострадать от той жуткой черноты, которую когда-то давно я пережил. В Кэт чувствовалась непосредственность, лёгкость — она очень любила жизнь и искренне радовалась каждому прожитому дню. Чтобы ни говорила Кэт, я твердо знал: она — самый душевный здоровый человек из всех моих знакомых которых я знаю как себя. Более того, находясь рядом с Кэт я чувствую себя намного адекватнее.

Кэт была французуженка. Она родилась и выросла в Верхнем Бесит-Саймадине на южном побережье Мануэля. Мать, Кэт французуженка, она оформила на свою дочь двойное гражданство. Однако Кэт совсем не походила на жительниц Франции. И дело было даже не в том, как Кэт говорила, а в мировосприятии, и в её системе ценностей и установок. Кипящая энергия, оптимизм, уверенность в себе — я видел такого человека в первые в своей жизни.

Мы с Кэт вышли из бара, я поймал ночное такси и назвал водителю адрес своей квартиры. Недолгая поездка прошла в полной тишине. Когда мы очутились у двери моей квартиры, Кэт нежно прижала свои губы к моим. И тогда я не мог больше сдерживать себя и рывком притянул к себе. Не переставая целоваться с Кэт, я кое-как открыл ключом дверь. Едва мы только зашли в тёмную прихожую, как тут же начали срывать друг с друга верхнюю одежду, спотыкаясь, мы добрались до моей спальни, а потом рухнули на кровать.

Та ночь стала для нас самой чудесной, она была самая невероятная в моей жизни. Я изучал нежное тело Кэт долгими часами. Первой ночью мы занимались любовью от заката до утреннего рассвета. Помню утром когда я открыл глаза на стенах мелькал белый цвет: яркие лучи раннего солнца, прорывающиеся сквозь щели в шторах, белые стены, белые простыни, белки глаз Кэт, её светлая кожа, и нежная улыбка. Я и никогда не подозревал, что кожа может быть настолько белой, почти что прозрачной, с нежным оттенком слоновой кости и голубоватыми линиями вен, заметными прямо под тонкой кожей, струящимися, словно цветные капли в белоснежном мраморе. Как будто статуя великолепной греческой богини она словно ожила у меня на руках.

Мы с Кэт лежали обнявшись. Её глаза были так близко, что все вокруг расплывалось. Я смотрел в её зелёное загадочное море.

— Ну, и... — подала голос она. — Что ты думаешь насчёт Мари?

— Какой Мари?

На губах Кэт мелькнула улыбка.

— Твоей девушки, Мари...

— Да. — Я помолчал, полный сомнений. — Теперь я не знаю, что с ней делать... Как же Джон?

— Прощу тебя забудь про него! Я — уже, забыла — заявила Кэт.

— Ты сейчас серьёзно?

Вместо ответа Кэт я получил поцелуй. Перед тем как уйти, Кэт зашла в душ. А я в это время позвонил Мари. Я хотел встретиться с ней, чтобы сообщить о разрыве наших отношений лично. Однако Мари настаивала, чтобы я сказал всё ей немедленно по телефону. Мари даже не подозревала, что я собираюсь закончить с ней наши отношения. Однако именно это я и сделал, в самых деликатных выражениях. Мари стала громко плакать. Мои слова разозлили её и жестоко обидели. В конечном итоге мне пришлось повесить трубку. Грубо и невежество, но именно так всё произошло. Я не горжусь тем разговором с Мари. Но

тогда только такой поступок и казался мне самым порядочным. Я до сих пор не знаю, что бы я смог сделать иначе.

Помню на нашем первом свидании я пригласил Кэт отправиться в Ботанический сад. Это сказочное место предложила она, сама она узнала, что я ни разу там не был.

— Ты что так шутишь? И ты даже в цветочные оранжереи не заходил? — она вытаращила на меня свои большие зелёные глаза, и затем снова переспросила меня. — Вон в той, самой большой, оранжереи там выращивают разные гавайские Авиолы. Я там была и ты знаешь там жуткая жара, словно в печке. Когда я занималась в университете, я частенько туда прибегала, просто, чтобы погреться и полюбоваться разными сортами выращенных цветов... Тайлер давай встретимся там, когда ты освободишься от своих дел? — Кэт вдруг нерешительно замолчала. — Или тебе слишком далеко туда добираться?

— Ради тебя, дорогая, я пойду на хоть на край света! — с улыбкой заявил ей я.

— Мой любимый дурачок, — прошептала Кэт и поцеловала меня в щёчку как на первом свидании.

Вечером, когда я добрался до входа в Ботанический сад, Кэти уже стояла там в своём огромном сером пальто и красном клетчатом шарфе. Увидев меня, она замахала рукой, на моих глазах она выглядела как перевозбужденный ребёнок.

— Тайлер давай сюда скорее! Иди сюда! — торопила меня Кэт.

Мы с Кэт пошли по застывшей грязи к большому стеклянному сооружению, в котором выращивались тропические цветочные растения. Кэт решительно толкнула дверь и взяв меня за руку потащила внутрь. В цветочной оранжерее царил настоящая тропическая жара и стояла высокая влажность. Я поскорее сдёрнул шарф и избавился от пальто.

— Я же говорила, Тайлер тут как в сауне! Здорово, тут правда? — радостно заявила она.

Мы сняли пальто и бродили держа их в руках по каменным дорожкам, держась с друг другом за руки, мы вместе любовались экзотическими цветами. Я с изумлением осознал, что просто невероятно счастлив находиться рядом с Кэт. Словно она открыла для нас двоих потайную дверь и она ненадолго привела меня в свой волшебный мир теплоты, тёплого света и ярких живописных красок, где сотни цветущих роз — как синие, красные и жёлтые Виоллы.

Я медленно плавился от невозможно жаркого климата; тело становилось мягким, немного ватным. Я шёл и чувствовал себя черепахой, высунувшей из панциря голову после долгой зимней спячки, моргая глазами и наконец-то пробуждаясь. Это чудо со мной сотворила Кэт — именно она стала моим новым приглашением к жизни, и я ухватился за этот момент обеими руками.

Помню, момент как тогда ко мне на память явилось осознание, что я влюбился в Кэт. И тогда я ни на секунду ни сомневался, что это самые настоящие чувства любви. Такого чувства как тогда в первый раз я не использовал никогда. Предыдущие мои любовные треугольники быстро и неудовлетворительно проскочили для обеих сторон. Девственности я лишился ещё когда, учился в колледже. Накачавшись алкоголем, для пущей храбрости я переспал со студенткой с факультета психологии — англичанкой по имени Маринет. Маринет носила на зубах брекеты, и во время поцелуев металлические конструкции больно впивались в мои губы. Затем за поцелуями последовало несколько ничем не примечательных романов. Мне казалось, что я никак не мог встретить ту единственную девушку, которую я так страстно давно желал повстречать на своём пути. Я считал себя слишком дефективным, я считал что не способен на серьёзные чувства.

Зато теперь каждый раз, когда до моих ушей доносился заразительный смех Кэт, меня пронизывало чувство радостного возбуждения. Я, как губка, которая впитывала в себя брызжущий из неё оптимизм, раскованность и веселье. Я всегда соглашался на любые причуды Кэт. Я практически не узнал себя, но мне начинал понемногу нравится новый бесстрашный Тайлер, которого Кэт пробудила к жизни. Мы долгое время не вылазили из кровати. Я сгорал от постоянного, жгучего желания. Я никак не мог насытиться близостью с Кэт. И постоянно мне хотелось касаться её — я как будто не мог оказаться достаточно близко к ней.

В том же Январе я помню как Кэт наконец-то ко мне переехала у мою однокомнатную квартиру в районе Кении— Тайвань. Моё скромное обиталище находилось на цокольном этаже — здесь постоянно чувствовалась сырость, полы были закрыты коврами; окна имелись, но ни о каких приятных видах и речи никогда не было. Наше первое совместное с Кэт Рождество мы жаждали провести его как полагается: на праздничном базаре возле станции метро мы купили ёлку, навесили на неё множество украшений и специально приобретённую электрическую гирлянду. Я помню, как словно сейчас, запах еловой хвои, дерева и горящих свечей, и Кэт, смотревшая на меня своими изумрудно — зелёными глазами, в которых отражался блеск яркого пламени зажженных свечей и мерцание гирлянды.

Тогда я помню когда мы только начали жить с Кэт я сделал ей предложение.

— Кэт выходи за меня, — выпалил я даже не задумываясь. Слова сами собой слетели с языка.

— Чего ты сказал? — изумленно сказала Кэт.

— То, что я тебя люблю. Выходи за меня, замуж — повторил я.

Кэт громко засмеялась и, к моей величайшей радости, тут же ответила:

— Я согласна!

На следующий день после того, когда я сделал предложение Кэт мы пошли в ювелирный магазин, и Кэт сама выбрала кольца. И тут я наконец-то осознал: отныне мы будем женой и мужем. Как бы ни было странно, первыми, о ком я тогда подумал, были мои родители. Им я хотел представить мою Кэт. Пусть они увидят, что их сын Тайлер по-настоящему счастлив. Я мечтал показать, что мне наконец удалось вырваться из-под их родительского контроля и стать наконец свободным! Мы сели на поезд в Сурреве. Теперь я понимаю, что тогда сглупил. Это была вовсе дурацкая затея, обреченная на отчаянный провал моей жизни.

Зайдя в квартиру я увидел суровый взгляд отца он поприветствовал меня с той же враждебностью когда я впервые учился в колледже он также смотрел на меня когда я привёл домой Маринет я и сейчас помню его взгляд. У нас никогда не было нормальных отношений, он никогда меня ни в чём не поддерживал я даже нормально с ним поговорить не мог мне нужна была чья-то помощь, но я не знал, к кому мне обратиться с кем из родителей можно поговорить по душам, в мою голову закрадывались мысли что ни один из них никогда не поймёт меня даже тогда когда я женился на Кэт.

Зайдя в родительский отец не был в восторге, от моего внешнего вида...

— Ну и вид, у тебя Тайлер... Кожа да одни кости! А что у тебя за стрижка? Почему так коротко подстрижено? Ты словно преступник сбежавший из тюрьмы.

— Спасибо, тебе пап. Я тоже очень рад тебя видеть, — ответил я.

Увидев маму она выглядела ещё более подавленной, чем обычно. Мама словно съезжилась, стала намного тише, как будто на самом деле нас здесь вообще не было.

Присутствие моего отца было гораздо более подавляющим, он не поприветствовал, нас его взгляд бросался мне в глаза, в его глазах не было радости. Стоя в прибранной гостиной отец прожигал, Кэт тяжёлым взглядом. Я вообще с трудом пережил обед в родительском доме. Кэт видимо не особо понравилась моим родителям, и они никогда не радовались за меня. Не знаю, по каким причинам, но меня это вполне нисколько даже и не удивило.

Отец, пообедав, удалился в кабинет в полном молчании и больше он оттуда не выходил. Во время прощания мама подошла ко мне и обняла слишком долго, и это казалось слишком близко для меня. Мама с трудом держалась на ногах. Меня вдруг накрыло чувство тихого отчаяния. Когда мы с Кэт уехали из родительского дома я знал, что часть меня так и осталась там — вечным ребёнком, словно я очутился в ловушке. Я ощущал себя совершенно беспомощным, безнадежным, и глаза жгло от подступивших горячих слез. И тут меня в отчаянном состоянии увидела Кэт. Она крепко обняла меня и тихо прошептала: «Теперь я всё понимаю. И теперь я люблю тебя ещё сильнее!» — и больше она мне ничего не стала объяснять. Да и никаких объяснений во общем-то и не требовалось.

В мае мы с Кэт расписались в маленьком регистрационном бюро неподалёку от Юлоустон — сквера. Я и Кэт не пригласили наших родителей. И никакого Бога тоже не благодарили за этот совместный счастливый день. Кэт по каким причинам не хотела устраивать венчание в церкви, поэтому я мысленным взором произнёс краткую молитву, пока нас регистрировали в бюро. И поблагодарив Господа Бога за то неожиданное счастье, которого я никогда не был достоин. Теперь я прозрел и чётко видел Его великую намеченную цель. Бог вовсе не покидал меня в раннем детстве, он не был одиноким и напуганным мальчишкой как я. Нет, он, был ловким магом, который оберегал Кэт, словно козырь, чтобы «достать» её из рукава, когда придёт то самое главное время.

— Мне кажется, по-моему, мнению вы уже и так всё сами прекрасно знаете.

Я понял его намёк и в конце концов сменил тему разговора касающиеся моей работы:

— Смею предположить, вы виделись с Элисон незадолго до гибели Бренда, ведь верно уточняю?

— Да всё верно. Я ездил домой к Элисон.

— А не могли бы вы чуть поподробнее рассказать о той встрече с Элисон?

— Приближался день открытия выставки, а Элисон никак не успевала закончить свою работу. И Элисон очень нервничала, что по моим размышлениям очень даже логично.

— На тот момент вы ещё не видели картины, предназначенные для выставки Элисон?

— Нет. Элисон всё никак не могла выделить для себя день, чтобы показать свои уже готовые картины. И поэтому тогда я решил что приеду сам. Сначала я решил заглянуть в живописную мастерскую она находилась в дальнем конце сада, но когда я вошёл Элисон там не оказалось...

— Хочу заметить это очень интересно.

— Я обнаружил Элисон в доме.

— Простите, за подробности, а как вы туда вошли?

Мой вопрос застал Жанну — Флайерс врасплох. Она быстро прикидывала в уме, что мне на это ответить.

— Ах да! Сейчас я вам объясню. В дальнем конце сада есть калитка, которая ведёт на улицу. Элисон её очень редко запирала. Вот поэтому из сада я вошёл через чёрный ход в дом, на кухню. Дверь чёрного входа тоже не всегда была незаперта... Знаете, вы больше похожи на детектива, чем на психиатра.

— Я психотерапевт, — мягко поправил её я.

— А что есть какая-то разница?

— Я всего-лишь пытаюсь намного лучше понять душевное состояние Элисон. А что вы можете сказать о её настроении в тот день?

— Элисон вела себя, как и обычно. — Жанна — Флайерс пожала плечами. — Ну, может, Элисон немного волновалась из-за художественной выставки.

— И что всё?

— Внешность и поведение Элисон никаким образом не указывали на то, что через несколько дней она застрелит своего мужа, если я правильно понял ваш вопрос. — Жанна — Флайерс допила своё кофе, и тут ей в голову явно пришла неожиданная мысль: — А не хотите ли вы взглянуть на её некоторые картины? Пойдёмте! — Она быстро направилась к двери, не дожидаясь меня, и взмахом руки пригласила за собой.

Я прямоком последовал за Жанной — Флайерс в основное хранилище. Жанна подошла к огромному стеллажу, извлекла оттуда одну за другой четыре завернутые в белые простыни картины и закрепила на рельсе, оборудованном специальными крюками. Затем Жанна осторожно убрала с каждого холста защитную ткань.

— Вот и всё вуаля! — И Жанна отступила в сторону, гордо представляя мне первую из многочисленных картинных художеств.

Я увидел изображение, выполненное с типичной для Элисон фотографической реалистичностью. На холсте с точностью до самых мельчайших художественных деталей

была запечатлена авария, в которой погибла мама Элисон. Тело сорока пятилетней женщины безвольно лежит на окровавленном руле. Она вся в крови. Не возникает сомнений: женщина мертва. Её душа в виде большой птицы с желтым оперением, отделившись от тела, устремляется подняться ввысь, к небесам.

— Ну разве это не шедевр? — тихо произнесла Жанна — Флайерс, глядя на саму картину. — Настолько потрясающие яркие цвета: жёлтый, красный, зелёный... Я прямо утопаю в этой яркой радуге. Здесь столько радости и просветления...

Я бы не выбирал слово «радость». Возможно, это «тревога». Я был до конца уверен в своих чувствах относительно этой картины.

Затем мы перешли ко второй работе: Иисус распят на кресте, если я верно интерпретировать увиденное.

— Оказывается это Бренд. Какое — же невероятное сходство, — прокомментировала Жанна — Флайерс.

На холсте и вправду оказался нарисованный портрет Бренда, которого Элисон изобразила в виде распятого на кресте Христа: из ран текут алые струйки, на голове терновый венец. Глаза не были до конца опущены. Наоборот, они смотрели прямо на зрителя — немигающие, полные муки и безмолвного упрека. Они прожигали меня насквозь. Я подошёл чуть ближе. Меня заинтересовал необычный предмет, привязанный к торсу Бренда, — винтовка.

— Из этого оружия Бренда убили? — спросил я.

— Именно так. — Жанна — Флайерс кивнула. — По-моему, винтовка принадлежала Бренду.

— Элисон написала картину до убийства, ведь верно?

— Примерно за два месяца до трагедии. Пытайтесь определить, что тогда творилось у Элисон в голове? — проговорила Жанна — Флайерс, показывая мне четвертую картину.

Четвёртый холст был больше чем все остальные.

— Это вообще что-то нечто невероятное. Прошу отступите немного назад, чтобы лучше видеть, — посоветовала она.

Я послушно отошёл на несколько шагов, а потом снова взглянул на картину — и невольно усмехнулся. Передо мной висел портрет родной тётки Элисон, Лидии Роузли. Теперь мне стало вполне очевидно, что именно так возмутило Лидию: пухловатая женская фигура возлежала на крошечной кровати, прогнувшейся под огромным весом Лидии Роузли. Элисон изобразила тётку чудовищно, громадно толстой женщиной. Жирная плоть изливалась из кровати по полу, заполняя комнату, струилась и завёртывалась, словно волны бушующего прогневавшегося моря.

— Господи, — тяжело выдохнул я. — Как же это всё-таки жестокое зрелище.

— А, по-моему, мнению так это очень даже забавно. — Жанна-Флейкис взглянула на меня с неким любопытством. — Тайлер вы знакомы с Лидией?

— Да, я с ней знаком недавно я наведалься к ней в гости.

— Ну теперь мне всё ясно. Скажу я вам вы очень аккуратно выполняете домашнее задание... А вот я ни разу не видела Лидию. Ах, да кстати, Элисон её очень сильно ненавидела.

— Да. — Я кивнул. — Это понятно по картине.

Жанна-Флейкис начала осторожно убирать обратно в прозрачную простыню.

— А можно мне ещё раз посмотреть «Жизнь»? — попросил я.

— Да конечно. Пойдёмте мистер Тайлер.

Я проследовал за Жанной-Флейкис мы шли по узкому коридору, и вскоре мы очутились в дальнем конце художественной галереи. Передо мной предстала огромная белая стена, на которой висела только «Жизнь». Всё также по-прежнему прекрасная и столь загадочная, ровно такая, какой я её и запомнил: обнажённая Элисон стоит перед мольбертом в своей художественной мастерской. В её руке кисть с кроваво-красным оттенком. Я стал рассматривать её лицо на холсте. И вновь не смог уловить его выражение.

— Нет не получается расшифровать! — Я озадаченно нахмурился.

— Совершенно верно. Смысл послания автора — заключается в том, что это и есть отказ от всякой коммуникации. Эта картина — о молчании.

— Я не совсем понимаю, вас — проговорил я.

— В любом произведении художественного искусства кроется небольшая тайна. Молчание Элисон и есть её главный секрет. Её искусство заключается в религиозном смысле. Вот почему она назвала картину «Жизнь». Значит вы читали известного британского учёного?

Я удивлённо посмотрел на Жанну — Флайерс

— Нет? — наконец догадался он. — Обязательно его прочтите, тогда вы всё сами и поймёте.

Я кивнул — и вдруг совершенно случайно я увидел на холсте то, чего я раньше никогда не замечал. Я склонился поближе, чтобы рассмотреть. На столе, на заднем плане художественной картины изображена миска с фруктами — сочный сбор из яблок и спелых груш. На жёлтых яблоках Элисон нарисовала крошечные белые точки, которые оказались маленькими вертяльвыми червями, копающимися внутри и поверх самих фруктов. Я указательным пальцем указал на них.

— Это... — Жанна никак не решалась договорить.

— Да, — Жанна-Флейкис кивнула. — Судя по всему это опарыши.

— Это настолько потрясающе. Мне интересно, что они символизируют, — пробормотал я.

— Это настолько потрясающая работа. Но к сожалению подлинный шедевральный прогресс. — Жанна-Флейкис грустно вздохнула. — Знали бы вы Элисон немного раньше! Я никогда в жизни не встречала человека интереснее, — шепнула мне она, словно та девушка могла нас услышать. — Большинство пациентов давно уже не выглядят живыми, вы меня понимаете? Бредут, во сне, и так продолжается всю жизнь... Зато Элисон была потрясающей живой красавицей! От такой женщины просто невозможно было отвести глаз! — Жанна-Флейкис окинула долгим взглядом обнажённую фигуру Элисон на холсте. — Она действительно невероятно красивая, — едва слышно произнёс он.

Я вслед за Жанной — Флайерс снова перевёл глаза на изображение обнажённого тела Элисон. Но там, где она усматривала красоту, я видел лишь только боль. Видел ужасные раны и глубокие шрамы, которые бедняжка пыталась нанести себе сама.

— Элисон когда-нибудь рассказывала вам о своей попытке самоубийства? — Я спросил наугад, но попал метко в цель.

— Вы что уже в курсе?... Конечно, она мне рассказывала.

— После кончины своего отца, ведь верно?

— Элисон прямо развалилась на кусочки. — Жанна-Флейкис снова кивнула. — Она просто не представляла, как ей жить дальше — она не как артист, она как обычный человек.

Элисон очень ранимая девушка. И когда её отца не стало, она просто этого не вынесла. Это её окончательно добило.

— Наверное, Элисон очень любила своего отца...

Жанна-Флейкис издала сдавленный смешок и изумленно на меня взглянула.

— Вы что сейчас серьёзно?

— Я сейчас не понял.

— Элисон никогда не любила своего отца. Она просто его ненавидела! Она его жутко с глубокой ненавистью презирала!

— Вам так Элисон сама сказала? — не веря своим ушам, спросил я.

— Конечно! Она его возненавидела своего папашу ещё в раннем детстве, с того самого дня, как погибла мать Элисон.

— Что-то я тогда не совсем понимаю, зачем же тогда Элисон пыталась покончить с собой после смерти не любимого отца? Если не из-за отцовского горя, то из-за чего тогда? — удивлённо спросил я.

— Может, из-за того что Элисон чувствовала вину? Кто знает... Жанна-Флейкис пожала плечами.

«Жанна что-то мне недоговаривает!» — эта мысль мелькнула в моей голове. Что-то тут не сходится. Было во всём нечто неправильное.

И тут у Жанны зазвонил телефон.

— Простите, Тайлер — сказала она и отвернулась, чтобы ответить на звонок. Я различал, по голосу, что звонила женщина. Разговор оказался коротким: они с Жанна-Флейкис назначили встречу.

— Я тебе перезвоню — проговорила она в трубку и затем нажала на кнопку отбоя. — Ещё раз Тайлер прошу прощения.

— Да нет ничего страшного. Ваша знакомая?

— Просто близкая знакомая, — рассмеялась она. — У меня много знакомых и близких людей.

«Ну конечно ещё бы!» — подумал я и тут же ощутил к Жанне-Флейкис какую-то лёгкую неприязнь. Даже не мог объяснить почему.

— Ой чуть было не забыл! Элисон, случайно, не упоминала имя своего лечащего врача? — как бы невзначай поинтересовался я, пока мы шли на выход.

— Лечащего врача?

— Ну после попытки самоубийстве её же наверняка осматривал лечащей врач... Я пытаюсь его разыскать.

Жанна-Флейкис задумалась.

— Да вроде был у неё там какой-то лечащей врач, — после небольшой паузы произнесла она.

— А фамилию этого лечащего врача не припомните?

Жанна помолчала пару мгновений, в затем решительно тряхнула головой:

— Нет. Извините Тайлер. Честное слово, я не помню.

— Если вдруг всплывёт в памяти, не могли бы вы связаться со мной?

— Конечно я свяжусь с вами. Но конечно это вряд-ли. — Жанна-Флейкис нерешительно посмотрела на меня и вдруг затем тихо спросила: — А хотите услышать секрет?

— Конечно хочу.

— Чтобы помочь Элисон, дайте ей кисти и краски. И позвольте ей рисовать. Так — и только так — она заговорит с вами. Посредством художественной живописи.

— Любопытная мысль. Спасибо за искренний совет, леди Жанна.

— Для вас, всегда пожалуйста — Тайлер. Когда вы снова увидите Элисон, передайте, ей что я её люблю.

Жанна широко улыбнулась, я снова почувствовал лёгкое отторжение. Было в этом человеке что-то... Загадочное и непредсказуемое. Я и не на секунду не сомневался: Жанна находилась в очень близких тёплых дружеских отношениях с Элисон. Они были знакомы очень долгое время, и затем они начали дружить, но была ли у них настоящая дружба по-настоящему? Мне в это верилось с трудом. Я вспомнил, с каким выражением лица Жанна-Флайерс смотрела на «Жизнь». Да, в её глазах светилась настоящая дружба, однако эта

дружба была к произведению живописи, Элисон, а не к самому её автору. Жанна-Флайерсб лаговедала перед искусством. Иначе она бы навестила Элисон в Гроуверде не бросила бы её там одну. Это уж я знаю точно. Близкая подруга не оставила бы свою подругу таким образом — если б она её любила её как по-настоящему.

По пути на работу я зашёл в «Устонроузер» и приобрёл «Жизнь» Британца. В предисловии указывалось, что это самая ранняя из сохранившихся трагедий автора и наименее известная из её работ. Читать начал сразу же, в метро. Прямо скажу, это не лёгкая пьеса. Для меня это довольно странное произведение. Главный герой, Адамс обречённый суматохой на скорую смерть. Однако благодаря заступничеству Австралии у него появляется шанс избежать преждевременной кончины — нужно лишь послать в тёмное царство Авалона вместо себя какого-нибудь другого человека. Прометей пытается уговорить сначала свою мать, а потом и своего отца пожертвовать собой ради него, но родители от этого категорически отказываются. Сложно понять, как расценивать поступок Прометея. Его не особо героическое поведение, как ни смотри, и древние греки, должно быть уже давно приняли за дурака. Зато Жизнь, жена Адамса, совсем не похожа на него. Она храбро заявляет, что готова принять смерть вместо своего супруга. Возможно, Жизнь не ожидала, что Адамс принесёт ей предложение, но он соглашается и ей не остаётся ничего другого, кроме как расстаться со своей жизнью и сойти в царство Авалона.

Впрочем, эта история на этом не заканчивается. Развязка сделана в классических традициях *mixailla*: Жизнь у Аделаиды и победно возвращается в мир живых. И вскоре она оживает. Адамс до слез тронут воссоединением со своей супругой, однако переживания той понять практически просто невозможно: Жизнь хранит своё молчание по-своему. Она больше не говорит. Дойдя до этого места в книге, я чуть было не подпрыгнул от изумления. Это просто невероятно!

Ещё раз внимательно и не спеша перечитывал финал трагедии. Жизнь возвращается из царства Аделаиды. Она снова жива, но не хочет или уже не может говорить о том, что она пережила на том света. Аделаида в полном отчаянии восклицает, обращаясь к Генриху: «Так отчего же она по-прежнему молчит? «Ответа на его горестный вопрос нет. Трагедия заканчивается на том, что Жизнь, не проронившую ни единого слова, уходя в дом Аделаиды. Почему? Почему она по-прежнему молчит?

Сегодня под солнцем ещё больше припекает. Да во Франции ещё жарче, чем в Тропических странах! По крайней мере, в Тропиках есть пляж... Сегодня из Камбарджини позвонил Польский. Я даже не ожидала услышать его голос. Последний раз мы с ним разговаривали друг с другом несколько лет тому назад. Сначала я подумала, что он собирается сообщить о кончине своей родной тётушки Лидии Роузли. Я скажу честно, на секунду я даже почувствовала какое-то облегчение. Но вскоре я поняла, что всё же ошиблась. На самом деле я так и не поняла, что от меня понадобилось Польскому. Он всё ходил вокруг да около. Я долгое время ждала, пока Польский перейдёт к главной сути, но этого так и не произошло. Он лишь без конца спрашивал, всё ли у меня в порядке и Бренда, и бормотал что-то на вроде «во общем у Лидии всё, как и всегда».

— Я к вам заеду, — пообещала я. — Уже сто лет наверное не общались. Давно пора нам повидаться.

На самом деле мысль о том, чтобы переехать в Камбарджини и увидеться с Лидией и Польским, вызывала у меня смешанные чувства. Всё закончилось тем, что я решила никуда не ехать. Меня страшно мучила совесть — но я проигрывала при любом раскладе.

— Нужно это немедленно исправить, — сказала я. — Я навещу вас когда-нибудь. Прости, но я не могу больше говорить — выбегаю из дома...

И тут Польский что-то очень тихо проговорил.

— Что-то? — переспросила я. — Я ничего толком не слышу!

— Я, говорю, что попал в беду. Элисон, мне очень нужна твоя помощь!

— Что-то серьёзное случилось?

— Элисон это не телефонный разговор. Пожалуйста, давай встретимся.

— Но... Польский я не могу примчаться в Камбарджини через сию секунду, — заколебалась я.

— Я сам приеду к тебе сегодня вечером, идёт?

Что-то в голосе Польского заставило меня согласиться не раздумывая. Я чувствовала он был в отчаянии.

— Конечно, приезжай. Хотя-бы намёки сейчас, в чём дело!

— Расскажу тебе всё при встрече. — С этими словами Польский повесил трубку.

Я всё утро думала над словами Польского. Видимо, случилось что-то нечто выходящее, из ряда вон если из всех людей на свете он решил обратиться за помощью именно ко мне. Дело в Лидии? Или что-то с его домом? Я терялась в догадках.

После обеда я уже не могла сосредоточиться на своей работе. Конечно, винила жару, однако на самом деле мои мысли были далеки от художественной живописи. Я склонялась по кухне, периодически поглядывая в окна, пока наконец не увидела на улице Польского. Он помахал мне рукой:

— Здравствуй, Элисон!

Первое, что бросилось мне в глаза, — жуткий вид Польского. Он чудовищно похудел; особенно заметно это было по его лицу — просто-таки череп, обтянутый кожей. Польский выглядел тощим, как скелет, нездоровым, всеми измученный. И напуганным. Я пригласила его кухню, где работал переносной вентилятор, я предложила ему пива. К моему удивлению, Польский попросил чего-нибудь покрепче. С каких это пор он пристрастился к крепкому алкоголю? Я налила ему немного виски. Польский, думая, что я не вижу, долил доверху. Поначалу он ничего мне не говорил, и некоторое время мы сидели в молчании. А потом снова произнёс фразу, которую я слышала по телефону: «Элисон я попал в беду». Я спросила, не связано ли это с его домом. Польский удивлённо уставился на меня и помотал головой.

— Тогда что же?

— Дело во мне, — наконец выдавил он из себя. — Я здорово увлёкся азартными играми, и в последнее время счёт складывается не в мою пользу.

Оказалось, что Польский играл, в азартные игры причём уже много лет. Поначалу игра была поводом выбраться из дома — чтобы куда-то идти, что-то делать, хоть как-то себя развлечь. Я не могла его винить: у живущих с Лидией источники радости очень ограничены. Он проигрывал всё больше и больше, и теперь дело зашло слишком далеко. Польский начал снимать деньги со счета в банке, который имелся у него на чёрный день, хотя снимать там абсолютно и нечего было.

— И сколько же тебе нужно? — на прямую спросила я.

— Тридцать кусков.

Я не могла поверить своим ушам.

— Ты что проиграл тридцать тысяч?

— Ну не сразу. Я перезанимал у других людей, и теперь они требуют вернуть им долг.

— У каких других людей?

— Если я вовремя не отдам деньги, всё будет очень плохо.

— А ты матери говорил?

Ответ на свой вопрос я знала заранее. Польский ужасный — разгильдяй, но конечно же не идиот.

— Нет, конечно, — подтвердил он мою догадку. — Мама меня за это прибила бы...

Элисон, выручай! Собственно, за этим я у тебе и приехал.

— Но я не располагаю такой суммой, Польский.

— Элисон я всё верну, — заныл он. Сейчас вся сумма и не нужна. Дай хотя бы половину.

Я ничего не ответила, и Польский продолжал меня уговаривать. Как позже выяснилось, «они» собирались прийти за первой выплатой сегодня же вечером, и Польский просто не мог вернуться домой с пустыми руками. Он умолял меня одолжить любую сумму, хоть сколько-нибудь. Я растерялась. С одной стороны, я хотела помочь Польскому, но в то же время осознавала, что эту проблему нужно решать как-то по-другому. Я также понимала, что нельзя говорить тёте о его финансовых проблемах. Как бы я сама поступила на месте Польского? Неизвестно, что хуже — встретиться лицом к лицу с крепкими ребятами, вышибающими долги, или испытать на себе гнев Лидии.

— Польский сегодня я выпишу тебе чек, — решила наконец я.

Польский униженным тоном благодаря, меня повторял «Благодарю! Ещё раз покорно благодарю!» Я выписала ему чек на три тысячи фунтов с выдачей наличных предьявителю. Наверняка Польский рассчитывал на нечто большее, но я никогда не попадала в подобные передраги. И мне почему-то не верилось в ту его рассказанную историю чтобы он когда-то попадал в беду. Что-то в его рассказе отдавало фальшивостью.

— Может, я смогла бы одолжить тебе намного больше, сначала нужно поговорить с Брендом. А вообще, будет лучше, если мы с тобой придумаем, план как выпутаться из этой неприятной ситуации как-нибудь по-другому. У Бренда есть брат — юрист, думаю, он...

— Нет! — Польский подскочил, словно ужаленный. — Нет! И ещё раз нет! Умоляю Элисон только не говори ничего Бренду! Пожалуйста, не вмешивай его сюда! Я тебя умоляю! Я сам справлюсь! Я сам справлюсь!

— В конце концов, а как же Лидия? Тебе следовало бы...

Польский отчаянно замотал головой и быстро выхватил у меня из рук чек. Взглянув на сумму, он явно расстроился, однако вслух ничего не сказал и вскоре Польский уехал.

После встречи с Польским у меня на душе остался нехороший осадок, будто бы я подвела Польского. Это чувство подвоха постоянно возникало по отношению к Польскому, с самого детства. Я постоянно жила с его ожиданиями, которые я никак не могла удовлетворить. Польский хотел от меня материнской заботы. Он так и не понял, что я не из тех, людей кто смог бы заменить ему мать.

Когда Бренд вернулся домой, я всё ему рассказала. И, конечно, Бренд здоровски разозлился. Мол, я не должна была давать Польскому ни единого гроша: я ему ничего не должна и я не обязана нести за него ответственность. Я понимаю, что Бренд прав, но я всё по-прежнему не могла избавиться от чувства вины. Мне удалось сбежать из дома Лидии, а Польскому — нет. Он так и остался там, словно в запертой ловушке, маленьким девятилетним мальчиком. Я очень хочу помочь ему, но как же я это сделаю?

Картины с Иисусом Христом. Набрасывала эскизы с фотографиями, которые мы с Брендом сделали в Москве, — жёлтая потрескавшаяся земля, коричневые сухие остовы колючих кустарников, — пытаюсь уловить ощущение невероятной жары, и крайней обезвоженности... Неожиданно до моих ушей донесся ангельский голосок Жанны-Флайерс, она называла меня по имени. В первое мгновение я хотела не отвечать и притвориться, что меня вовсе нет дома. Затем щёлкнул замок скрипучей калитки, и тогда я поняла уже слишком — поздно. Я высунулась из окна. По цветущей алее шагала Жанны-Флайерс.

— Привет, подруга! — Она заулыбалась. — Я тебе не помешаю? Всё также трудишься?

— Вообще-то, да тружусь.

— Отлично, отлично! Так держать! До открытия художественной выставки всего — лишь пять недель, а ты просто дико выбилась из рабочего графика. — Жанны-Флайерс расхохоталась своим ужасным противным смехом. Видимо, эмоции ужасающе отразились на моём лице, так как она тут же добавила: — Да шучу, я шучу! Я над душой стоять не буду.

Я молча вошла в мастерскую, а Жанны-Флайерс последовала следом за мной и, пододвинув к вентилятору стул, с удобством расположилась. Затем Жанна закурила сигарету, и сизый дым закружился вокруг неё в потоке дымчатого воздуха. Я повернулась к мольберту и взяла кисть в руки. Я усидчиво работала, а Жанны-Флайерс всё продолжала

говорить и говорить. Жаловалась на жару — мол, архитектура Парижа, в отличие от Франции и ряда других городов, не рассчитана на такую экстремальную нелётную погоду... Вскоре я перестала выслушиваться в её слова. А она всё болтала — ныла, восхваляла себя, оправдывала себя, любовалась собой, нагоняя смертельную скуку бесконечными извилиями. Она ни о чём меня не спрашивала. Она не была заинтересована во мне. Даже после стольких долгих лет она видела во мне лишь только сходство к достижению собственной славы, аудиторию для своего шоу.

Возможно, так нельзя говорить. В конце концов, Жанны-Флайерс — моя лучшая подруга и она всегда была рядом. Просто она одинока. Как и я. Впрочем, скорее умерла бы от полного одиночества, чем согласилась бы жить дальше. Вот почему я никогда раньше не заводила дружеские отношения. Всё это время я ждала настоящего, друга в отличии кем были остальные, полные фальшивости и лжи. Жанны-Флайерс всегда страшно ревновала меня к Бренду. Она пыталась (и до сих пор пытается скрыть ревность, но я то вижу: Жанны-Флайерс ненавидит Бренда. Она постоянно говорит про моего мужа всякие гадости, она уверяет, будто бы Бренд не настолько талантлив, как я, она называет его тщеславным и самовлюбленным.

Жанны-Флайерс всё время твердит о нашей с ней столетней дружбе и вечно припирает меня этими аргументами: «старые добрые времена» и «мы против всего мира».

— Прости, но я должна работать. Так что, если ты не возражаешь...

— Выгоняешь меня? — Её лицо мгновенно приобрело ослабленное выражение. — Я просто смотрела, как ты работаешь, с тех пор, как ты впервые взяла в свои руки художественную кисть! Вряд-ли я сильно отвлекаю тебя, иначе ты уже давно намекнула бы...

— Вот я тебе и намекаю — и прямо сейчас.

Мои щеки пылали. Я начинала злиться и никак не могла совладать с этим. Я пыталась рисовать дальше, но мои руки тряслись. Взгляд Жанны-Флайерс давил на меня физически. Я прямо слышала, как у неё в голове кипела работа: с щелканьем, тиканьем часов и треском.

— Я тебя расстроила, — наконец произнесла Жанны-Флайерс. — Но чем?

— Я тебе уже объясняла. Не стоит завалиться без предупреждения. Лучше сначала напиши мне или же позвони.

— А я не знал, что для встречи с самой близкой подругой требуется получить письменное приглашение.

Повисла пауза молчания. Судя по-своему, Жанны-Флайерс здорово обиделась. Видимо, по-другому не получится. На самом деле я и не собиралась так жёстко с ней обходиться. Я хотела донести до неё это более деликатно, но меня будто прорвало. И что самое смешное — я действительно хотела сделать Жанне-Флайерс больно. Хотела быть с ней грубой.

— Жанны-Флайерс, послушай меня...

— Слушаю тебя.

— Я не знаю, как сказать помягче... После художественной выставки нужно что-то менять.

— Художественную галерею. И в том, числе себя.

Брови Жанны-Флайерс поползли вверх от изумления. Она напонила маленькую девочку, которая вот-вот сейчас разрыдается.

— Каждому из нас пора идти своей дорогой, — сказала я, ощущая лишь на себе раздражение.

— Та-а-ак та-а-к. — Жанны-Флайерс неторопливо зажгла сигарету. — Это тебя Бренд надоумил?

— Бренд здесь вообще не при чём.

— Ну да конечно. Он же меня просто терпеть не может!

— Жанна не говори такой ерунды.

— Бренд пытается нас рассорить! Я это уже давно заметила! Он годами строит козни и в итоге...

— Это неправда!

— А как мне ещё объяснить то, что происходит? Почему же ты вдруг решила всадить мне острый нож в спину?

— Жанна зачем ты так драматизируешь? Я говорю исключительно о художественной галерее. Это не касается ни тебя ни меня. Мы по-прежнему останемся друзьями и дальше сможем общаться.

— Только сначала я тебе должен написать или позвонить, да? — Жанны-Флайерс невесело рассмеялась и затем быстро заговорила, словно спешила вывалить всё, что у неё накопело, прежде чем у меня появиться возможность вставить слово: — Вот так новости! Я с самого начала свято верила, что у нас особые отношения, а теперь ты одним махом всё разрушила. Но имей в виду, никто никогда не позаботится о тебе так, как я. Никто и никогда!

— Жанны-Флайерс, да ты что такое говоришь вообще!

— Поверить не могу, что всё вот так вот взять и разрушить...

— Я тебе давно уже об этом хотела сказать.

А вот этого мне уже точно не стоило бы говорить. Она прямо на моих глазах ослабевала.

— Что значит «давно»? И мне интересно как давно?

— Ну не знаю. Некоторое время.

— Выходит, а тех пор ты вела со мной двойную игру? Ну ничего себе! Бог ты мой, Элисон, не нужно вот так вот всё заканчивать! Прошу не отталкивай меня!

— Жанна не нужно тут драматизировать. Мы всегда будем близкими друзьями.

— Элисон давай наконец сменим тему. Ты знаешь зачем я вообще сюда пришла? Я хотела пригласить тебя в четверг вечером в театр. — Жанны-Флайерс извлекла из грудного кармана джинсовки два билета в Национальный театр на трагедию Британца и показала мне их. — Ну что пойдём? Думаю, это более цивилизованный способ чтобы нам наконец расстаться. Только, пожалуйста, не отказывайся. Пусть это останется мне в памяти о прошлом.

Я заколебалась. Поход в театр с Жанной-Флайерс совершенно не входили в мои планы. Но и огорчать её мне ещё больше не хотелось. В тот момент я согласилась бы на что угодно, лишь бы Жанны-Флайерс наконец ушла из моей художественной мастерской. И в итоге я сказала «да».

23:00.

Вчера вечером я выложила Бренду всё, что произошло между мной и Жанной-Флайерс. Бренд заметил, что он никогда не понимал нашей близкой дружбы, назвал Жанну-Флайерс «стремной девчонкой» и я ему заявила, что не прихожу в восторг от того, как та ко мне относится.

— Хм... В смысле? — вовсе не поняла я.

— Она ведёт себя так словно ты его — собственность. Советую порвать с её галереей

немедленно, не дожидаясь художественной выставки.

— Бренд я не могу так с ней поступить. Уже слишком поздно отказываться. Я не хочу, чтобы потом она ещё и меня ненавидела. Ты даже не представляешь, какая она мстительная.

— Элисон ты что боишься Жанну-Флайерс?

— Нет, не боюсь проще будет отдаляться от неё постепенно.

— А, по-моему, чем быстрее, тем будет лучше. Ведь она влюблена в тебя. Надеюсь, Элисон ты в курсе?

Тут Бренд очевидно ошибался, однако с ним я не стала спорить. Жанны-Флайерс больше прикипела к моим картинам, нежели ко мне. И это ещё одна причина, чтобы уйти от неё. Впрочем, чв одном Бренд был прав. Я действительно боялась Жанну-Флайерс.

Домидикс оказался у себя в кабинете. Он сидел на табурете возле арфы с золотыми струнами.

— Это настолько удивительно сказочный инструмент, — заметил это я, входя в кабинет.

— Зато на нём весьма очень непросто играть. — Профессор нежно провел пальцами по золотым струнам, и у кабинета раздался каскад сказочных звуков. — Не хотите ли попробовать?

Я с улыбкой отрицательно покачал головой.

— Я всё спрашиваю, — засмеялся Диомидикс — Вдруг вы передумаете? Вода камень точит, знаете ли.

— Увы, не могу я похвастаться склонностью к музыке. О чем мне ещё в школе однозначно заявил соответствующий преподаватель.

Часть III

Из дневника Элисон Бэроонс.

Августинский день раннего утра на круглое десятое число.

Сегодня в квартире произошёл некто странный случай. Я сидела за кухонным столом в одной руке держала книгу, а другой перелистывала страницы книги моим диким желанием было отведать кофе с утра я подошла к плите и начала варить кофе и зачарованно пялилась в окно. Я просто тупо пялилась, размышляя мысленно о чём-то своём. И вдруг краем глаза и разума на улице я заметила кое-что очень интересное в точнее, я заметила кое-кого это был мужчина. Именно он привлёк моё внимание, потому-что он стоял без каких либо резких движений, словно статуя, и он смотрел на наш с Брендом дом. Таинственный незнакомец прятался в глубокой ночной тени под большим дубом, стоявшее через дорогу, возле входа в Ботанический парк. Он высокий, крепкого телосложения широкоплечий. Его мужественные черты лица я толком не смогла разглядеть, так как он был в чёрной кепке и в очках. Я не знаю, сумел ли этот мужчина хоть что-то рассмотреть сквозь оконное панорамное стекло, но у меня было такое предчувствие словно пялился на меня не отрывая взгляда. Это очень странно по крайней мере для меня. У нас напротив дома есть автобусная остановка, и там постоянно стоят люди, в ожидании автобуса однако же этот мужчина находился здесь явно совершенно с другой целью. И теперь я кажется понимаю он следит за нашим домом! Всё это очень не с проста.

Наконец, машинально сообразив, что около плиты я проторчала настолько долгое, время, что я с трудом отошла от окна и отправилась в художественную мастерскую. Я пыталась рисовать, несмотря на то что все мои мысли перемешались, но я не могла сосредоточиться на своей работе из-за навязчивых мыслей. Некто очень подозрительный таинственно-загадочный незнакомец никаким образом не шёл у меня из головы сколько бы я раз не брала в руки краски мне хотелось нарисовать его образ прямо на холсте. Я решила выждать пятнадцать минут, а потом снова вернуться на кухню. А что, если тот мужчина по-прежнему будет стоять под тем большим дубовым деревом? Если рассуждать формально незнакомец не сделал мне ничего плохого чтобы я начала копаться в своих подозрениях. Сначала я подумала, что это вор-грабитель исследующий дом перед очередным ограблением наверное он замыслил что-то ещё. Но ведь, он стоял так словно привлекал моё внимание... А может, он планирует поселиться в соседнюю квартиру? Например, собирается купить выставленный на продажу дом в конце Полевой улицы? Тогда мне всё понятно. Пятнадцать минут спустя я вернулась на кухню и снова выглянула в окно. Под дубовым деревом уже никто не стоял. Улица мгновенно опустела. Видимо, я так и не узнаю, что же всё-таки тот мужчина делал напротив нашего дома. До сих пор всё выглядит очень странно и как-то немного пугающее.

14 сентября холодный осенний ветер подхватывал листья и кружил их в воздухе до тех пор, пока за окном не шёл противный мерзкий холодный дождь.

В прошлую пятницу пасмурного вечера я ходила с Жанн — Флайерсом в театр. Бренд на этот счёт весь прошлый вечер проедал мне мозги, но я всё равно сделала так как задумала. Хотя внутри у меня образовался страх я боялась встречи с Жан — Флайерс, следовало мне успокоиться иначе я сделаю хуже не только себе. — Иначе он всё равно от меня не останется

как-бы мне этого не хотелось. По крайней мере, я искренне надеялась, что вечер в театре позволит поставить в наших отношениях жирную точку. С Жанн — Флайерс мы договорились выпить по бокалу вина (это была его задуманная идея, но не моя), и, когда я добралась до назначенного места, было по-прежнему светло только фонари отдавали тусклый померклый свет когда я проходила мимо. Солнце висело над простором горизонта, совсем низко окрашивая воду в реке в бирюзово — светлые оттенки. Жанн — Флайерс стоял возле входа в Центральный театр держа рукой зонт над головой. Я первой увидела его. Его глаза всматривались в толпу прохожих, словно он кого-то пытался найти глазами на лице я увидела раздражённое лицо видимо, уставшее в ожидании меня. Это были последние остатки надежды, и я уверена, что поступаю правильно, но в один момент всё померкло, как и мои надежды. Я жутко запаниковала и уже подумала над тем что спасти свою бегством, когда Жанн — Флайерс в последний момент обернулся и увидел меня. Он помахал мне рукой, издали и я направилась к нему. Я старалась держать улыбку, на лице и он делал тоже что и я.

— Элисон молодец, что пришла, — произнёс Жанн — Флайерс. — Я уж тут надумал, себе что ты не появишься и в очередной раз... Ну что? Пропустим по бокалу вина до начала спектакля?

Мы были в Фойлинде. Я не могу сказать, что между нами атмосфера была какой-то натянутой, — но и промолчать я тоже не могу. Ни один из нас не упомянул об прошлой пятнице. Мы разговаривали об разных пустяках, точнее — в большинстве разговаривал Жанн — Флайерс, а я как безмолвная пташка. Мы выпили по паре винных бокалов. Весь оставшийся день я не могла попробовать ни одной итальянской кухни, и красное вино слегка ударило мне в голову и моё сознание слегка помутнелось. Вероятно, Жанн — Флайерс на это и рассчитывал. Он делал всё, чтобы я принимала участие в его беседе, однако разговор между нами казался искусственным похотливым и постановочным в его нотках голоса я слышала наигранность. Все услышанные фразы Жанна — Флайерс начинались с «лживости ведь, мне не было с ним весело, когда мы...» или «а, а ты помнишь, мы с тобой...», как будто Жанн — Флайерс специально раскручивал тему прошлого, чтобы поколебать мою уверенность в приятном решении и напомнить, сколько общих воспоминаний нас с ним связывает как мы «близки» мы были. Судя по всему, Жанн — Флайерс никак не мог понять, что я приняла окончательное решение. И любые его попытки что-либо изменить обречены на провал.

На самом деле я была немного рада, что пошла в театр с Жанн — Флайерс. Но только не из-за встречи с ним, а из-за потрясающего спектакля. Я раньше никогда не слышала об «Жизни». Разыгранная пьеса казалась мне непонятной, наверное, потому что, она является драматической самой обыкновенной жизненной драмой. Именно этим она мне и понравилась. Постановку осовременили: действие разворачивается в наши современные дни, в небольшой землянке, расположенной от Восточной Греции. Задумка главного режиссёра пришлась мне по душе — вокруг намечалась интимная обстановка, вокруг всё такое земное пригодное для жизни. Главный герой напрочь обречён на суровую жёсткую смертоносную казнь, и его жена гречанка, решается спасти своего возлюбленного от гибели. Исполнительца роли Жизнь напомнила мне древне — греческую статую. Её божественно потрясающе красивое лицо. Я то и улавливала себя на мысли, что хочу обязательно написать её портрет. Я подумала над тем, чтобы узнать её имя и я уже планировала связаться с агентом кино — актрисы. И об этом я чуть было не проболталась Жанн — Флайерсу, но

вовремя сообразив прикусила язык. Я больше не желаю, чтобы он и дальше присутствовал в моей жизни, ни у какого иного виде. Концовка спектакля тронула меня до слез: Жизнь погибает, а затем воскресает из мира мёртвых. Она в буквальном смысле слова возвращается с того света. Было в этом что-то такое, но к этому я вернусь немного попозже. Я пока не могла сформировать, в голове, что именно меня в этой концовке зацепило. Хотя Жанн — Флайерс о спектакле говорил больше чем я, ни одна его оценка не перекликалась с моими иными чувствами. В итоге я перестала выслушиваться в это бесконечную трескотню.

Выйдя из театра и уверенно шагая по мостовой к станции метро, я всё время думала о смерти и воскрешении Жизни. Жанн — Флайерс спросил, меня не хочу ли я посидеть где-нибудь после спектакля. Но на его предложение я отказалась, сославшись на усталость. Между нами повисла очередная неловкая пауза. Мы стояли у входа на станцию метро. Я искренне поблагодарила Жанн — Флайерса за поход в театр и честно призналась, что на этот раз спектакль мне действительно понравился.

— Элисон давай заскочим куда-нибудь! Даю тебе честное слово, это ненадолго, в память о наших старых добрых временах, — стал уговаривать меня Жанн — Флайерс.

— Прости, но я не могу. Мне уже пора домой.

Я двинулась к входу у метро, но Жанн — Флайерс резко схватил меня за руку.

— Элисон, пожалуйста постой! Я должен тебе кое-что сообщить. Пожалуйста, только не начинай. Мы уже всё обсудили...

— Элисон просто выслушай меня! Это не то, о чём ты сейчас думаешь.

Жанн — Флайерс не соврал. Я серьёзно ошибалась, думая, что он станет меня умолять о дружбе или попытается надавить на совесть за то, что я покидаю художественную галерею. То, что я услышала, повергло меня в шок.

— Пожалуйста, будь осторожнее! Ты слишком доверчивая дева. Ты доверяешь тем, кто всегда рядом с тобой, — быстро сказал он. — Ну и напрасно.

Я с изумлением уставилась не Жанн — Флайерс и не сразу смогла заговорить.

— О чём это ты говоришь? Что всё это вообще значит?

Жанн — Флайерс покачал головой, но ничего мне так и не ответил. Внезапно он выпустил мою руку и пошёл прочь.

— Жанн — Флайерс, постой же! — кричала я чтобы он смог меня услышать.

Но Жанн — Флайерс даже не оглянулся, а затем исчез за поворотом. Я стояла посреди улицы словно меня ударило громом. В моей голове царил хаос и оглушительный волглый вой. Что за манера — создавать таинственные предостережения, а потом как ни в чём не бывало ни сказав ни одного слова исчезать за поворотом! Наверное, Жанн — Флайерс драматично разыгрывал эту сцену, ревности, желая, запугать меня и создать особое впечатление, будто я без него абсолютно беспомощная. Честно признаю, коварный замысел удался! А ещё я не на шутку разозлилась. Ну что же, так даже будет проще: теперь я без единого сомнения оборву любые контакты с Жанн — Флайерсом! Оборву нити наших судеб.

И что же ещё значит «те, кто будут всегда рядом»? Это намёк на Бренда? А он-то здесь причём? Ну уж, нет я не буду покупаться на этот бред да и не собираюсь. Именно этот Жанн — Флайерс и хочет — сбить меня с толку. Заставить навсегда быть одержимой его словами. Встать между мной и Брендом. Но у него ничего не выйдет! И думать я об этом даже не стану. Не собираюсь я забивать голову дурными мыслями.

Когда я вернулась к себе домой, Бренд уже спал. Следующим утром у мужа были очень ранние съёмки, в четыре утра, но я всё-таки его разбудила, и мы занялись любовью в нашей

спальни. Я как будто не могла прижаться к нему достаточно близко или почувствовать его настолько глубоко. Я хотела сблизиться с ним, забраться куда-то внутрь него и навсегда там исчезнуть. Я мечтала раствориться в Бренде.

29 сентября.

Я снова видела того мужчину на этот раз он вальяжно вышагивал под нашим окном. А спустя некоторое время сел на покрашенную скамейку — сидел он чуть дальше от дома; но к сожалению когда я увидела его образ это был уже не он. Он выглядел по-другому в отличие от обычных людей, гуляющие по парку в жаркий солнечный день в укороченных футболках и коротких шортах ярких тонов, этот человек был одет в коричневые брюки, клетчатую рубашку, солнечные чёрные очки и серую кепку. Судя по повороту головы, он смотрел на наш дом. Неожиданно в голову закрылась забавная мысль: а может, мужчина вовсе не вор, а художник? Может, быть он такой же, как и я, и он задумал нарисовать нашу улицу — или наш с Брендом дом?... Увы, я знала что желание никак нельзя выдавать за действительное. Если бы мужчина хотел нарисовать наш дом, то он бы не сидел повернутым спиной. Он делал бы какие-то наброски. Я не на шутку испугалась и решила позвонить Бренду. Это было бы глупой ошибкой сидеть сложа руки и ничего не предпринимать. Но я попала не вовремя. Судя по раздраженной интонации мужа, мой звонок раздался в самый разгар рабочего дня. Бренд совершенно не был готов, чтобы выслушивать моё нытьё про какого-то мужчину, который якобы уже не один день следит за нашим домом.

Конечно, у меня имеются предположения, что объектом слежки выступает наш дом. Вполне возможно, мужчина следит именно за мной.

5 октября.

Мужчина в тёмном костюме снова стоит под большим дубом. Он появился сразу после того, как Бренда уехал на работу. В это время я принимала душ и увидела жуткую фигуру из окна ванной комнаты. Сегодня он расположился поближе к нашему дому, возле автобусной остановки, — словно в ожидании своего транспорта. Вот интересно, кого этот тип пытается одурачить? Я быстро оделась и пошла на кухню: из окна мне было лучше видно. Однако мужчины снова там не было сложно сказать, куда он пропал как-будто, испарился в воздухе.

Вечером когда Бренд пришёл с работы домой я всё ему рассказала. Вопреки моим ожиданиям, муж принял мои сказанные слова на полном серьёзе и не на шутку так же как и я разволновался.

— Может быть это Жанн — Флайерс? — спросил Бренд у меня напрямую.

— Нет, конечно, же это не он. Как ты вообще мог о таком подумать?

Говоря уверенным и возмущённым, тоном на самом деле в глубине души я тоже начинала подозревать его. По телосложению таинственный незнакомец и Жанн — Флайерс были очень похожи. Но я отказывалась верить в такое. Я не думаю, что он мог отпуститьсь до такого откровенного запугивания! Или всё — же я ошибаюсь?

— Элисон дай мне номер Жанн — Флайерс. Я сейчас же ему позвоню! — решительно проговорил Бренд.

— Дорогой, пожалуйста, не надо. Я уверена, что это может быть не он.

— Это ты точно говоришь?

— Да точно. И ведь ничего серьёзного не произошло. Скорее всего, мне просто показалось. Вечно я делаю из маленькой мухи большого слона...

— А сколько он там простоял? — всё никак не унимался муж.

— Не очень долгое время. Примерно всего-лишь час. А потом и вовсе исчез. Как такое

может быть?

— Просто вот так вот исчез, и всё.

— Та-а-к... А может, у тебя просто разыгралось воображение? — Поинтересовался

Бренд.

— Что-то в его тоне меня очень разозлило.

— Да ничего у меня не разыгралось! — холодно отрезала я. — Бренд ты должен мне верить.

— Я верю тебе Элисон.

Но я видела, что его доверие было не полное. Какая-то часть Бренда всё же в этом сомневалась. Другая часть его подшучивала надо — мной. И это, честно говоря, ужасно меня бесило. Насколько, что здесь я, пожалуй, остановлюсь, иначе напишу такое, о чём впоследствии потом сильно пожалею...

Больше книг на сайте - Knigoed.net